

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

№

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ ●
ДЕКАБРЬ ●

Содержание

СТАТЬИ

<i>Случ С.З.</i> (Москва). "Вторая мировая война. 1940 год: дискуссионные и неразработанные проблемы" (Материалы Круглого стола)	3
Материалы Круглого стола "Религиозные мотивы в славянской культуре"	33
Из словаря "Славянские древности"	57
<i>Шмидт С.О.</i> (Москва). Археографическая комиссия Российской академии наук за 45 лет: итоги и перспективы	75
<i>Граше И.</i> (Прага). Карел Чапек и развитие чехословацкого радио (1926–1938 годы)	84
<i>Бялокозович Б.</i> (Ольштин). Лев Толстой глазами Яна Бодуэна де Куртенэ	93

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Никольский С.В.</i> F. Černý. Premiéry bratří Čapků	105
<i>Толстая С.М.</i> J. Adamowski. Kategoria przestzeni w folklorze. Studium etnolingwistyczne	109
<i>Серapiroнова Е.П.</i> A Concise History of Slovakia	112
<i>Внук М.П.</i> M.K. Dziewanowski. Aleksander I. Car Rosji, Król Polski	115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Досталь М.Ю.</i> Конференция "Славянская идея и славяноведение"	117
<i>Шанишева Л.Н.</i> Славянский мир на пути в XXI век (Международная научная конференция по проблемам трансформации)	118
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2001 году	122
Новые издания Института славяноведения РАН	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.К. ВОЛКОВ (главный редактор), **М.А. ВАСИЛЬЕВ**, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**,
Р.П. ГРИШИНА, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА,
Б.Н. ФЛОРЯ, **В.А. ХОРЕВ**, **Т.В. ЦИВЬЯН**

Ответственный секретарь
А.В. БОЛДОВ

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Васильев М.А. (отдел истории)

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А.*, *Веслова И.Ю.*, *Кошкина Е.А.*

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

"ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. 1940 ГОД:
ДИСКУССИОННЫЕ И НЕРАЗРАБОТАННЫЕ ПРОБЛЕМЫ"
(МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА)

1 февраля 2001 г. в Институте славяноведения РАН (ИСл РАН) состоялся очередной Круглый стол в рамках тематической серии "Восточная Европа и Вторая мировая война", посвященный ключевым событиям 1940 г. В его работе, организованной Отделом истории славянских народов периода мировых войн, приняли участие научные сотрудники институтов РАН, университетов, Института военной истории МО, в общей сложности более 40 человек.

Во вступительном слове ведущий Круглого стола канд ист. наук С.З. Случ (ИСл РАН) отметил важность событий 1940 г. в истории Второй мировой войны, причем не только тех из них, которые в прямом смысле потрясли весь мир (разгром Франции), но и тех, что были надолго скрыты от посторонних глаз (принятие Гитлером решения о нападении на СССР, переговоры В.М. Молотова в Берлине). К сожалению, в последнее десятилетие историки различных стран все меньше внимания уделяли событиям 1940 г., особенно по сравнению с 1939 г. и 1941 г. Можно даже сказать, что 1940 год, как *совокупность* тесно взаимосвязанных событий, в отечественной историографии в значительной мере предан забвению.

Тем не менее, за истекший год российская историография пополнилась рядом работ, в которых нашли отражение события 1940 г. Это, прежде всего, – коллективная монография "Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг." под ред. В.К. Волкова и Л.Я. Гибианского [1], а также книги М.И. Мельтюхова "Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941" [2] и Л.А. Безыменского "Гитлер и Сталин перед схваткой" [3]. Непосредственное отношение к событиям 1940 г. имеет и сборник документов "Советско-румынские отношения 1917–1941 гг." [4]. Издана в переводе на русский язык книга израильского историка Г. Городецкого "Роковой самообман. Сталин и нападению Германии на Советский Союз" [5], значительная часть которой посвящена событиям 1940 г.

Заслуживают внимания также некоторые работы, появившиеся за последнее время в Германии. Это, прежде всего, сборники статей с участием российских историков "Превентивная война? Нападение Германии на Советский Союз" под редакцией профессора университета в Констанце Б. Пьетров-Эннкер [6] и "Между традицией и революцией: Детерминанты и структуры советской внешней политики 1917–1941" под редакцией профессора Института истории при университете им. Гумбольдта в Берлине Л. Томас и сотрудника этого института д-ра В. Кнолля [7], а также монографии Ю. Эльверта "Срединная Европа! Германские планы переустройства Европы (1918–1945)" [8] и Ф. Кристофа "Примирение в Дунайском бассейне: 2-й Венский арбитраж и германо-венгерские дипломатические отношения 1939–1942" [9]. Эти, различные по тематике и научной ценности работы, в той или иной степени касаются событий 1940 г., являвшихся во многом переломным как в политике третьего рейха, так и государств, ставших либо объектом его внешнеполитической экспансии, либо инструментом в осуществлении будущих захватнических планов Гитлера.

Далее С.З. Случ остановился на задачах нынешнего Круглого стола, в рамках которого были предложены следующие проблемы для обсуждения: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным в 1940 г.; изменение соотношения сил в мире после поражения Франции и позиция Коминтерна; Советский Союз и Германия: союзники, партнеры или антагонисты?; состояние источниковой базы исследований: опубликованные и архивные документы.

По уже сложившейся традиции, первым с сообщением наиболее близким тематике Института славяноведения выступил его директор чл.-корр. РАН, проф. *В.К. Волков*. Обращаясь к теме "Восточная Европа между Гитлером и Сталиным", он прежде всего согласился с уже высказанной оценкой событий 1940 г. как в значительной мере обойденных вниманием отечественной историографии. Причем совершенно не заслуженно, так как после крушения Франции Вторая мировая война приобрела совершенно новое направление.

Здесь основное внимание следует обратить на два обстоятельства. Первое – это советско-финская война, завершившаяся к середине марта 1940 г. и принесшая Советскому Союзу в международно-правовом плане только проблемы. Еще в конце 1939 г. он был исключен из Лиги Наций, как государство-агрессор; еще ниже упала и без того невысокая репутация Красной армии, которая не смогла преодолеть оборону финнов так быстро решительно, как первоначально планировалось.

Начало 1940 г. оставляло ощущение неопределенности в международной политике. На Западе шла "странная война", поэтому внимание в основном было приковано к советско-финскому конфликту. В этой обстановке отчетливо проявились антисоветские настроения в Англии, во Франции и в США. Этот период завершился 9 апреля 1940 г., когда Германия совершила нападение на Данию и Норвегию, и стало очевидно, что вскоре предстоит германское наступление на Западе. Конечно, никто не предполагал, что для разгрома Франции потребуется всего шесть недель. Это было потрясение для всех политиков в мире, ставшее, по мнению *В.К. Волкова*, вторым и самым важным обстоятельством, наложившим отпечаток на ход событий в первой половине 1940 г.

К тому времени географические рамки неоккупированной Восточной Европы резко сузились. Весной 1940 г. вся внешнеполитическая активность в этом регионе сосредоточилась на Балканском направлении. Если говорить о СССР, то стоит упомянуть почти совершенно незаметные итало-советские контакты по поводу ситуации на Балканах. Москва начала также переговоры с Югославией о восстановлении дипломатических отношений, первым шагом на пути к которому был договор о торговле. Имели место и другие контакты с представителями стран Восточной Европы.

После крушения Франции коренной перелом наметился и в международных отношениях. Быстрее других осознали всю серьезность положения англичане. Одним из их первых шагов стало послание премьер-министра У. Черчилля Сталину. Его центральный тезис: Германия теперь – гегемон в Европе, и она угрожает как Великобритании, так и Советскому Союзу. Черчилль предоставлял возможность Сталину сделать вывод, необходимы ли в новой ситуации более тесные отношения между двумя странами. Но этим дело не ограничилось. Новый британский посол в Москве сэр С. Криппс, добившись аудиенции у Сталина, сделал от имени своего правительства предложение Советскому Союзу стать ведущей державой на Балканах, чтобы стабилизировать ситуацию в этом регионе. (Эту мысль он уже высказывал в ходе своей первой встречи с Молотовым 14 июня 1940 г.).

Подобное предложение поставило перед советским руководством вопрос: что за этим стоит? Реальный политический замысел? Но это противоречило всем традициям британской внешней политики на Балканах. В таком случае что же? Провокация, желание столкнуть Советский Союз с Германией и переложить на него основную тяжесть войны? Иных выводов относительно мотивов, обусловивших этот шаг Черчилля, в Кремле, скорее всего, и не могли сделать, хотя это, подчеркнул *В.К. Волков*, разумеется, только предположение.

По его мнению, взгляд Сталина на международные проблемы был рационалистичен и сугубо прагматичен. Но мировая политика выстраивается не только согласно замыслам государственных деятелей. Пример Сталина весьма показателен, поскольку демонстрирует высокую степень утраты им чувства реальности и аберрации взглядов высшего советского руководства в целом. Конечно, Сталин использовал поражение Франции для реализации возможностей, заключенных в секретных протоколах советско-германского пакта от 23 августа 1939 г.: была присоединена Прибалтика; предъявлен ультиматум Румынии об уступке не только Бессарабии, но и Северной Буковины, которая никогда прежде в состав России не входила, т.е. советская внешняя политика реализовала достигнутые ранее соглашения с третьим рейхом, имея, таким образом, антибританскую направленность. Поэтому, получив предложение Черчилля, Сталин решил направить информацию о беседе с британским послом Гитлеру, подав ее в нужном Москве духе.

О чем думал при этом Сталин? Если будет найден правильный ответ на этот вопрос, то многое, возможно, прояснится и в том, почему для советского руководства нападение Германии 22 июня 1941 г. явилось, как порой еще утверждают, неожиданностью. Никакой неожиданности не было, полагает В.К. Волков, но речь должна идти об ином: о различной оценке в Москве и Берлине перспектив развития международной обстановки, сложившейся во второй половине 1940 г. – начале 1941 г.

Гитлер расценил ситуацию после поражения Франции как созревшую для подготовки похода на Восток. Другая картина рисовалась Сталину. Он понимал, что Англия слаба, но завоевать ее будет трудно, хотя бы потому, что США, британские доминионы, Латинская Америка будут этому противодействовать. Но откуда возьмутся военные силы, которые могли бы разгромить Германию? В 1940 г. Британия не имела крупных сухопутных сил. Хорошо вооружены были Германия, Япония, Италия; Советский Союз располагал огромной, хотя и оснащенной устаревшей техникой и плохо руководимой армией, но, все-таки, это была могучая сила. Вопрос о дальнейших действиях был отнюдь не простым.

В конце сентября 1940 г. заключен Тройственный пакт. Что делать Советскому Союзу? Выступать против него – значит играть на руку Великобритании. Более того, это означало резкое обострение отношений, прежде всего с Германией, и в недалекой перспективе угрозу вовлечения в войну против всего фашистского блока. Альтернативой, с точки зрения Кремля, могла бы быть договоренность с Берлином. Но на каких условиях? Сталин не желал быть младшим партнером Гитлера. Его целью было стать равным партнером, но на известных условиях; причем именно партнером, не союзником, хотя на первых порах, после 23 августа 1939 г., СССР выступал фактическим союзником третьего рейха.

К сожалению, продолжал В.К. Волков, от исследователей по-прежнему скрыт механизм принятия решений в Советском Союзе. Новые документы пока не дают оснований для сколько-нибудь определенных выводов. Но, по крайней мере, имело место несколько официальных заявлений, исходивших от высших советских руководителей, о том, что германо-советские отношения строятся на перспективу на основе глубинных интересов двух стран. Эта мысль была несколько раз повторена на протяжении лета-осени 1940 г. В этом же духе была выдержана и статья Молотова в "Правде" [10] по поводу заключения Тройственного пакта. И, наконец, директивы, данные ему на ведение переговоров в Берлине, демонстрирующие насколько широко обсуждались в Кремле проблемы дальнейшего развития мировых событий и участия в них Советского Союза.

Все это приобрело особую значимость, когда Молотов, вернувшись из Берлина, сообщил о сносшибательном предложении Гитлера, касающемся присоединения СССР к Тройственному пакту и его трансформации в пакт четырех держав. Спустя две недели, 25 ноября, Гитлеру был направлен ответ, согласно которому советское руководство изъявляло согласие принять в основном проект предложенного пакта, но выдвигало при этом четыре условия: вывод немецких войск из Финляндии; обеспечение безопасности СССР в районе проливов путем заключения советско-болгар-

ского пакта о взаимопомощи, а также соглашения с Германией и Италией о Турции, касающегося создания военной и военно-морской базы в районе Босфора и Дарданелл; признание линии Баку-Батум в качестве исходной для дальнейших аспираций СССР в направлении Персидского залива; отказ Японии от ее концессионных прав на Северном Сахалине [11. Кн. 2. Док. 548. С. 136–137]. Эти условия присоединения должны были фиксироваться в секретных протоколах между СССР и государствами-участниками Тройственного пакта. Ни одно из них не было неожиданностью: все они фигурировали в инструкциях Молотову для переговоров в Берлине.

По мнению В.К. Волкова, вопреки точке зрения некоторых историков, что это предложение советского руководства являлось только зондажем, лишь игрой, затеянной Кремлем, это был действительный замысел Сталина. Как полагает докладчик, Сталин, давая согласие на заключение пакта четырех держав, фактически предлагал Гитлеру победу в мировой войне. Но за этот широкий жест была назначена и цена, которую он не собирался снижать.

Доверял ли Сталин Гитлеру? Как считает В.К. Волков, нет. Вместе с тем, самый недоверчивый политик XX в. был обманут. Как известно, немецкой стороной была разработана целая система дезинформационных мероприятий, направленных на маскировку подготовки нападения на СССР. Сам визит Молотова в Берлин был использован Гитлером как грандиозная политическая мистификация. И Сталин поддался на нее, что, по мнению докладчика, дает ответ на вопрос: почему для него явилось как бы неожиданностью нападение 22 июня 1941 г.?

Сообщение В.К. Волкова и в особенности сама тема, рассмотренная им, вызвали немало вопросов.

Вопрос: Не кажется ли вам, что Сталин сам был готов обмануться? Что он в сравнении с Гитлером был в плену целого комплекса догм?

В.К. Волков: Я думаю, что по сравнению с Гитлером Сталин как марксист оказался менее догматичен, чем Гитлер как националист. Сталин уже был к тому времени полным прагматиком, который все просчитывал.

Вопрос: Вывод, что Гитлер обманул Сталина, это, мягко говоря, некоторое преувеличение. Не думаете ли Вы, что сам ход переговоров Молотова в Берлине наглядно свидетельствует об отсутствии какой-либо возможности нового соглашения между двумя странами?

В.К. Волков: В области внешней политики тоталитарные государства имеют огромные преимущества перед демократическими. Они способны за сутки развернуть общественное мнение в нужном им направлении. В сознании их лидеров нет ничего невозможного.

Вопрос: Тема вашего выступления "Восточная Европа между Гитлером и Сталиным". Каково в этой связи Ваше отношение к событиям в Прибалтике в 1940 г.?

В.К. Волков: Я не ставил перед собой задачу освещать советскую политику в отношении этих государств¹. В условиях войны действия СССР были необходимым и неизбежным шагом. Другое дело, как это было сделано, к какому государству были присоединены эти лимитрофы, возникшие, кстати (о чем мы часто забываем), в феврале 1918 г., в канун Брестского мира как один из элементов осуществления военных замыслов кайзеровской Германии на востоке Европы.

Вопрос: Каким было реальное наполнение понятия "нейтралитет"? Чем отличался советский нейтралитет в 1939–1940 гг. от общепринятого в международном праве и как тоталитарный режим манипулировал этим понятием?

¹ Вне зависимости от того, как в современной историографии трактуется геополитическая принадлежность прибалтийских государств, в секретном дополнительном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. "О разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе" [12. Кн. 1. Док. 485. С. 632] к последней были отнесены и прибалтийские государства, представлявшие таким образом с геополитической точки зрения, по крайней мере в 1939–1941 гг., составную часть восточноевропейского региона.

В.К. Волков: Это, не столько исторический, а скорее философский вопрос с международно-правовой подкладкой. Советский нейтралитет определялся политикой англо-французского блока в период зимней войны. И естественно, он был далек от полного нейтралитета². Если говорить о 1940 г., то здесь с советской стороны имели место и торговые отношения, и даже известное военное сотрудничество с воюющими державами. Была проводка германских военных судов по Северному морскому пути в Тихий океан; разрешена транспортировка по железной дороге огромного количества вооружения из Германии в Японию. Поэтому в первой половине 1940 г. советский нейтралитет был, конечно, в пользу Германии. Но во второй половине 1940 г. Советский Союз начал менять свою политику и активно бороться за свои интересы на Балканах, где он резко столкнулся с Германией.

Вопрос: Как реагирует Восточная Европа на бурное развитие событий в 1940 г. на Европейском континенте, прежде всего на действия Москвы и Берлина?

В.К. Волков: По-разному в разные периоды и в разных странах. Одни стремились сохранить нейтралитет, другие ориентировались на более сильную сторону. В Румынии в сентябре 1940 г. произошел государственный переворот и установилась диктатура И. Антонеску. В начале 1940 г. произошла смена правительства в Болгарии. Нервничала перед лицом фашистского блока Югославия, а ее правители пытались играть на многих столах, но везде проигрывали. Венгрия уже определила свое место, став частью фашистского блока.

Вопрос: Можно ли считать, что советские действия в Прибалтике, в отношении Бессарабии и Северной Буковины подтолкнули другие государства региона к более четкой ориентации на Берлин?

В.К. Волков: Это две разные проблемы. Насколько я могу судить на основании болгарских и югославских архивов, в Балканских странах никак не реагировали на события в Прибалтике, рассматривая их почти как естественные и закономерные. Другое дело – советские действия в отношении Румынии, которые сразу же актуализировали все балканские проблемы, поставив на повестку дня вопрос о Трансильвании и Южной Добрудже. Решение 2-го Венского арбитража резко обострило советско-германские противоречия на Балканах.

Вопрос: Каково происхождение директив Молотову на ведение переговоров в Берлине, были ли они написаны под диктовку Сталина, или это был результат некоего совместного творчества?

В.К. Волков: Это любопытный документ, который, разумеется, не исчерпывает всего комплекса советско-германских отношений. Можно предположить, что это был конспект более обширного материала, сделанный наскоро и только для собственной ориентации в ходе переговоров. Он не производит впечатления написанного под диктовку текста (там нет даже малейших исправлений), а скорее выписок из более обширного документа. На такое предположение наводит телеграфная переписка между Сталиным и Молотовым во время берлинских переговоров, в которой Сталин несколько раз ссылаясь на директивы Инстанции. Это свидетельствует о том, что у Сталина под рукой был тоже какой-то документ, развернутые директивы³.

Затем по сообщению В.К. Волкова развернулась дискуссия.

² Государство, являющееся не только участником военных действий, но и агрессором в советско-финской войне – составной части Второй мировой войны, разумеется, не может рассматриваться как нейтральное. Международное право выделяет несколько вариантов поведения государства в условиях войны – нейтралитет, невоюющая сторона, участник военных действий (главный и второстепенный). Международное право не выделяет состояния, именуемого неполным или частичным нейтралитетом [13] (см. подробно: [14]).

³ Это совершенно не обязательно. Сталин, как известно, обладал прекрасной памятью и, ссылаясь на "директивы Инстанции", скорее всего, имел в виду тот же самый документ, который был выработан им совместно с Молотовым перед поездкой последнего в Берлин. Будучи склонен к сверхсекретности, Сталин не стал бы в телеграмме, которую мог читать не только Молотов, входить в какие-то детали, связанные с инструктированием главы советской делегации.

По мнению д-ра ист. наук *Т.М. Исламова* (ИСл РАН), о ситуации в Восточной Европе в 1940 г., к сожалению, было сказано очень мало и не достаточно внятно. Во-первых, за Восточную Европу шла борьба между Германией, Англией и СССР. При этом, как считает Т.М. Исламов, ее ключевым аспектом был румынский вопрос. Для Гитлера Румыния имела очень большее значение как политическое, так и военно-стратегическое. Для Сталина это был путь на Балканы, к проливам. Во-вторых, судя по всем документам, советская дипломатия в Восточной Европе занимала очень странную позицию. Она упорно отказывалась от всех предложений, особенно после ноября 1940 г., от всех попыток, инициатива которых исходила от балканских стран, наладить какой-то контакт. Поэтому можно утверждать, что никакой активной политики на Балканах СССР в этот период не проводил, она исчерпала себя занятием Бессарабии и Северной Буковины. И еще один аспект, как правило, недооцениваемый нашей историографией, это – проливы и Турция, хотя, казалось бы, нельзя не заметить принципиального различия в подходах: огромного внимания британской дипломатии к Турции и полного игнорирования ее со стороны советской дипломатии.

Проф. *Э. Дурачинский* (постоянный представитель Польской АН при РАН) затронул вопрос об отношении Советского Союза ко Второй мировой войне. До сих пор идут серьезные споры, как охарактеризовать политику СССР в период с 17 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г.: нейтральное государство, участник войны, чей-то союзник или агрессор? Если нейтральное государство, то насколько строгим был его нейтралитет? В 1940 г. польское правительство в эмиграции (сначала в Париже, затем в Лондоне) считало, что Советский Союз – агрессор, участник войны, союзник Германии. У меня, подчеркнул Э. Дурачинский, готового ответа нет, хотя я считаю, что по отношению к Польше, Финляндии, Прибалтике, Румынии СССР выступил как агрессор и никто, по его мнению, из польских историков и политологов не думает иначе.

Канд. ист. наук *М.Д. Ерещенко* (ИСл РАН) обратила внимание на отношение Румынии к советско-германскому сближению. По ее мнению, пакт Молотова – Риббентропа в какой-то степени даже успокоил Румынию, политикам которой казалось, что их страна вписывается в эти договоренности между Москвой и Берлином. Конечно, Бухарест не могла не насторожить советско-финская война. Вместе с тем в первой половине 1940 г. политику Румынии характеризовало балансирование между Западом и Германией, а также стремление прояснить позицию Советского Союза, развивать экономические отношения и взаимные контакты с ним. Как считает М.Д. Ерещенко, Румыния вела себя в это время лояльно в отношении как Германии, так и Советского Союза. Поэтому советский ультиматум в конце июня 1940 г., касающийся Бессарабии и Северной Буковины, вызвал не только шок и возмущение в румынском обществе, но и удивление и даже обиду. Еще в мае 1940 г. румынские дипломаты подтверждали свою готовность вести диалог, предлагая советской стороне только прояснить позицию.

Д-р ист. наук *В.В. Марына* (ИСл РАН) затронула отношение СССР в 1940 г. к чехословацким проблемам. Для Советского Союза тогда чехословацкий вопрос расщеплялся на три составляющих. Первая – это Москва–Братислава, вторая – Москва–Прага, и, наконец, третья – это отношения с чехословацким эмигрантским правительством в Лондоне. При этом первые два вопроса находились в плоскости советско-германских отношений, а третий – советско-английских.

Советскому Союзу не удалось в этот период укрепиться в Словакии из-за германского противодействия. Отношения Москвы и Праги после создания протектората Богемии и Моравии совершенно не исследованы в исторической науке. Эта проблема включает в себя три основных компонента. Во-первых, преобразование советского полпредства в Праге в генконсульство, проходившее в очень сложной обстановке из-за противодействия немецкой стороны. По этому вопросу, несмотря на значительное количество документов, пока отсутствуют исследования. Во-вторых, экономические связи между Москвой и Прагой, имевшие продолжение и после оккупации. В-третьих,

совершенно недостаточно исследованный вопрос о разведывательной деятельности советского генконсульства в Праге. Правда, кое-какие публикации уже появились на эту тему в Чехии. Что касается отношений Москвы с чехословацким правительством Э. Бенеша в лондонской эмиграции, то, по мнению В.В. Марьиной, эти отношения изменились после падения Франции как со стороны чехов, так и в определенном смысле и со стороны СССР. Бенеш явно повернул в сторону восстановления отношений с Советским Союзом, о чем свидетельствовали его неофициальные высказывания. Заметную роль в налаживании этих отношений играла разведка, как чешская, так и советская, особенно активизировавшаяся начиная с лета 1940 г. Бенеш, не имея ничего против контактов чешских представителей с советской разведкой и обмена информацией, предложил осуществлять последний под его непосредственным контролем в Лондоне, но в тайне от британских властей.

Бенеш настаивал в этот период, чтобы Советский Союз как-то отреагировал на образование чехословацкого временного правительства, которое Англия уже признала. СССР, естественно, игнорировал подобные предложения. В свою очередь Москва была крайне заинтересована в чешской разведке, имевшей свою агентуру по всей Европе, и прежде всего в информации, касающейся Германии. Во второй половине 1940 г. в Лондоне имели место многочисленные встречи бывшего посла Чехословакии в Москве З. Фирлингера, выступавшего в качестве частного лица, с советским полпредом И.М. Майским. Во время этих встреч Фирлингер передавал от имени Бенеша сообщения, которые удавалось получить чешской разведке. Служебный дневник Майского, находящийся в АВП РФ, содержит немало интересной информации на этот счет.

Канд. ист. наук А.А. Гуров (ИВИ МО) обратил внимание на то, что в сообщении В.К. Волкова нечетко определено, что такое Восточная Европа в 1940 г. По мнению А.А. Гурова, страны Восточной Европы можно разделить на три категории по политическим, военным, экономическим и другим аспектам. Одна категория – это страны Прибалтики. Вторая категория – оккупированные Германией страны Восточной Европы, т.е. Польша и Чехия. И третья – балканские страны: Румыния, Югославия. Их политику необходимо оценивать, исходя из этих категорий. Как полагает А.А. Гуров, Э. Дурачинский отстаивает концепцию равной ответственности за войну Гитлера и Сталина, утверждая, что они оба агрессоры. Эта концепция превалирует не только в Польше, но и во многих других странах, особенно на Западе. Она возникла в 1985 г., т.е. с началом Перестройки, и служила дискредитации Советского Союза, разгромившего фашизм. До этого времени шла ожесточенная борьба по вопросу о том, кто внес больший вклад в победу над фашистской Германией. Именно с учетом этих обстоятельств, по мнению А.А. Гурова, следовало бы, и рассматривать Восточную Европу "между Сталиным и Гитлером".

Канд. ист. наук Е.Л. Валева (ИСл РАН) отметила, что осенью 1940 г. на Балканах началась быстрая эскалация противоречий между Германией и СССР. В это время одним из центральных звеньев советской системы безопасности, по ее мнению, стала Болгария, представлявшая собой сухопутный мост к турецким Черноморским проливам. Однако бесплодная берлинская встреча, на которой Молотов безуспешно поднимал вопрос о советских гарантиях Болгарии, свидетельствовала о том, что Сталин стремительно проигрывал битву за эту страну.

Тем не менее, 25 ноября 1940 г. в Софию прилетел генеральный секретарь Наркоминдела А.А. Соболев с предложением заключить пакт о взаимной помощи. Встретившись поочередно с премьер-министром Б. Филовым и царем Борисом, Соболев ознакомил их с советским предложением. В 12-ти его пунктах СССР предлагал Болгарии тесное сотрудничество, помощь, в том числе и военную, а также поддержку "в осуществлении ее национальных устремлений не только в Западной, но и в Восточной Фракии". В свою очередь, Болгария должна была оказать помощь СССР, в случае возникновения реальной угрозы его интересам в Черном море или в районе проливов. Особо оговаривалось, что предлагаемый пакт никоим образом не затра-

гивает внутренний режим, суверенитет и независимость Болгарии. Особый интерес представлял последний, 12-й пункт советского предложения, гласивший, что "при условии заключения пакта о взаимной помощи с СССР отпадают возражения против присоединения Болгарии к известному пакту трех держав. Вполне вероятно, что и Советский Союз в этом случае присоединится к Тройственному пакту" [15. Л. 42]. По-видимому, считает Е.Л. Валева, в Москве полагали, что в случае заключения советско-болгарского пакта позиции СССР в Болгарии и на Балканах настолько бы укрепились, что даже подписание Болгарией Тройственного пакта не представляло бы серьезной опасности.

В осторожной, но категоричной форме болгарское правительство, имевшее перед глазами пример прибалтийских государств, ссылаясь на возможное осложнение отношений с Германией, с которой уже давно ведутся переговоры о присоединении Болгарии к Тройственному пакту, отклонило советское предложение.

Однако Москва не желала отступить и 6 декабря советский полпред в Софии А.А. Лаврищев вручил министру иностранных дел Болгарии И. Попову ноту, в которой мотивы отказа признавались необоснованными. При этом предлагалось вместо заключения пакта о взаимной помощи ограничиться предоставлением советской стороной гарантий безопасности и интересов Болгарии, что означало бы освобождение последней от военных обязательств. В ответ Попов просил передать в Москву, что "Болгарское правительство считает, что заключение пакта с Советским Союзом усилило бы угрозу военного нападения на Болгарию и было бы лишним грузом для самого СССР" [11. Кн. 2. Док. 597. С. 211].

Сталин попытался оказать нажим на царя Бориса через народные массы, используя болгарских коммунистов, деятельность которых направлялась находившимся в Москве Заграничным бюро ЦК БРП. Однако развернувшаяся в Болгарии массовая кампания в пользу принятия советского предложения, так называемая "Соболевская акция", не принесла желаемых результатов. Зато миссия Соболева вызвала большое раздражение в Берлине. 3 декабря Гитлер, беседуя с болгарским посланником П. Драгановым, внушал ему, что наивно верить заявлениям советского руководства о гарантиях Болгарии, которые не связаны с вмешательством в ее внутренние дела. "Пока у русских остается надежда получить что-то в Болгарии, они не оставят болгар в покое", – заявил фюрер. Поэтому Россию "следует поставить перед свершившимся фактом": "если Болгария вступит в Тройственный пакт, Россия автоматически уберет свои руки от Болгарии" [16. Вд. XI. 2. Док. 438. S. 643]. В историографии имеются разные точки зрения по вопросу о том, ускорила ли "Соболевская акция" присоединение Болгарии к Тройственному пакту или, напротив, затормозила. Скорее всего, полагает Е.Л. Валева, она позволила царю Борису несколько оттянуть этот шаг. При этом царь приводил в качестве основного аргумента русофильство болгарского народа, продемонстрированного в ходе "Соболевской акции".

Канд. ист. наук *В.П. Сафронов* (ИРИ РАН) предложил свою оценку политики Советского Союза в Восточной Европе в 1940 г. Как он считает, для понимания сути политики Сталина нужно осмыслить ее логику. При этом необходимо рассматривать не только конкретные внешнеполитические шаги: в Финляндии, Прибалтике, Румынии, а взять проблему шире, добавив, в частности, Дальний Восток. И тогда, по мнению В.П. Сафронова, складывается вполне целостная картина. Сутью политики Сталина в 1939–1940 гг. был возврат территорий Российской империи. Это – идея фикс Сталина. Целью войны с Финляндией было только одно – возврат российских территорий. По договору от 12 марта 1940 г. СССР получил именно те границы, которые были определены еще в результате Северной войны по Ништадтскому миру 1721 г. Утверждение, что Советский Союз стремился захватить Финляндию, создать себе какие-то стратегические базы, – это уже другой вопрос. Это же относится к Западной Украине и Западной Белоруссии, Прибалтике и Бессарабии. Единственное исключение – Северная Буковина, никогда не входившая в состав России. И на Дальнем Востоке Сталин не отходит от этой концепции, стремясь к такому

соглашению с Японией, которое позволило бы ему вернуть Южный Сахалин и Курилы. В.П. Сафронов приходит к выводу, что Сталину было глубоко безразлично, что происходило в 1940 г. на Западе между Англией, Францией и Германией, ибо его главной задачей был возврат территорий, ранее принадлежавших Российской империи, и поскольку цель, преследуемая Сталиным, была такой ограниченной, СССР оставался нейтральным государством.

Л.Я. Гибианский (ИСЛ РАН) выразил несогласие с точкой зрения В.П. Сафронова, отметив, что вся советская политика демонстрирует как раз полностью противоположное. Все происходившее на Западе отслеживалось в Москве с особым вниманием, и активность СССР напрямую увязывалась с развитием событий на Западном фронте.

Далее Л.Я. Гибианский остановился на некоторых вопросах, поднятых в сообщении В.К. Волкова и в дискуссии. По его мнению, главный вопрос связан с выяснением смысла берлинских переговоров для советской стороны и последующих действий Кремля, прежде всего советского ответа от 25 ноября на предложение Гитлера и Риббентропа о присоединении СССР к Тройственному пакту. В.К. Волков представил свою точку зрения, которую он подробно изложил в одной из глав книги "Восточная Европа между Гитлером и Сталиным" [1. С. 283–294], где приводится логичная система доказательств серьезности намерений Сталина на этот счет. Однако в историографии по-прежнему идет спор, и этот спор имеет свои основания, потому что кроме некоторых умозаключений, может быть и верных, у нас нет никаких документальных доказательств, и пока их нет, стоило бы воздержаться от категоричных выводов.

Остановившись на вопросе о реакции правящих кругов балканских стран на захват прибалтийских государств, Л.Я. Гибианский согласился с точкой зрения В.К. Волкова, что они спокойно отреагировали на эти события и даже оправдывали советскую политику. Однако как только последовало советское предложение о гарантиях Болгарии, на Балканах вспомнили о прибалтийском опыте.

Много неясного остается и в советской политике по отношению к оккупированным Германией странам Восточной Европы. И, прежде всего, это связано с польским вопросом, в отношении которого советские документы начала и середины лета 1940 г. оставляют немало загадочного. Например, к этому времени относится директива Сталина ЦК компартии Украины и львовскому обкому, возлагающая на них ответственность за недопустимые перегибы в отношении польского населения, его прав, языковой политики, культурного развития, его самоорганизации и т.д. Чем это можно объяснить? Этот вопрос, далеко выходящий за пределы польского аспекта советской внешней политики, уже неоднократно ставился как польскими, так и западными историками, но удовлетворительного ответа пока нет.

С.З. Случ особо отметил, что активность советской внешней политики в 1940 г., будь то в отношении Финляндии, Прибалтики, Румынии, была возможна только благодаря благожелательной позиции Берлина, оговоренной еще в секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. И эту доминанту внешней политики сталинского режима не следует упускать из вида. По мнению С.З. Случа, опираясь на нормы тогдашнего международного права, СССР, начиная с 17 сентября 1939 г., принимал участие во Второй мировой войне де-факто на стороне Германии. Именно исходя из этого необходимо оценивать действия Советского Союза в 1940 г. в отношении государств Восточной Европы.

В заключительном слове В.К. Волков согласился с теми участниками дискуссии, кто отмечал важнейшую роль румынской проблемы в развитии Балканского региона в 1940 г. как в связи с занятием СССР Бессарабии и Северной Буковины, так и с решениями 2-го Венского арбитража, в совокупности означавшими, по определению румынской историографии, раздел страны. Полемизируя с В.П. Сафроновым, он отметил, что Сталин стремился не только к возвращению территорий Российской империи, сколько к улучшению Советским Союзом его геостратегических позиций. При этом ему хотелось иметь четкие границы на западе и прочные позиции на

Дальнем Востоке. Возвращение к границам Ништадтского мира, по мнению В.К. Волкова, являлось для Сталина программой-минимум. А программа-максимум, вероятно, была связана с Финляндией, которая должна была либо, оставаясь формально независимой, фактически превратиться в сателлита, либо развитие на этом направлении должно было пойти по прибалтийскому варианту.

Что касается балканских стран, то Румыния традиционно рассматривалась советской дипломатией как препятствие на пути России к проливам. После предоставления ей германских гарантий осенью 1940 г. здесь на первый план выходила проблема Болгарии и Турции, а Турция – это контроль над проливами. По-видимому, Сталин в этот момент стремился всеми силами к тому, чтобы ему были предоставлены те стратегически важные территории, которые обеспечивали бы благоприятные условия для утверждения советского военно-политического господства в сопредельном регионе.

Подытоживая свое выступление, В.К. Волков отметил, что в 1940 г. в головах советского руководства произошел тот поворот, который в дальнейшем затмил ему взгляд на реальное развитие событий. Отсюда несоответствие политических установок тем предложениям, которые шли со стороны Генштаба, начиная с августа 1940 г.

Комментарий составителя. Тема "Восточная Европа между Гитлером и Сталиным" уже своим названием предполагает один из трех вариантов ее раскрытия: положение стран региона между Германией и СССР, их политика в отношении Берлина и Москвы; политика третьего рейха и Советского Союза по отношению к Восточной Европе в целом, так и в отношении отдельных стран этого региона; и, наконец, сочетание первого и второго вариантов, что, на мой взгляд, представляется оптимальным. Подходя с этими мерками к сообщению В.К. Волкова, нетрудно заметить, что фактически не один из перечисленных вариантов не был в нем реализован, на что, в частности, обратил внимание Т.М. Исламов. В.К. Волков основное внимание сосредоточил на политике Сталина, но преимущественно не в отношении стран Восточной Европы, а на германском ее направлении (этот недостаток был частично восполнен в ходе ответов на заданные В.К. Волкову вопросы и в его заключительном слове, но только частично). При этом общая характеристика советской политики в отношении нацистской Германии на протяжении 1940 г. не нашла четкого выражения.

Недостаточное внимание В.К. Волкова к процессам, происходившим внутри восточноевропейского региона, не только не позволило дифференцировать политику, входящих в него государств, по степени определенности в их ориентации к началу рассматриваемого периода, но и объяснить в ряде случаев достаточно очевидную тенденцию в изменении этой ориентации не только под влиянием резкого изменения соотношения сил на континенте после поражения Франции, но и под воздействием нарастающего экспансионизма советской внешней политики. И в этой связи весьма симптоматично, что советская экспансия в отношении Прибалтики оказалась вообще вне поля зрения В.К. Волкова, хотя она представляла собой одну из важнейших составляющих советско-германских договоренностей от 23 августа 1939 г. о разделе сфер интересов в Восточной Европе. Отвечая на вопрос о советской политике в отношении прибалтийских стран, он оправдывал действия СССР, как "необходимый и неизбежный шаг", хотя отличие последнего от действий нацистской политики в отношении Австрии в 1938 г. и Чехии – в 1939 г., если и имело место, то в основном сводилось к тому, что фюрер действовал фактически в одиночку, а Сталин, опираясь исключительно на договоренности с Гитлером. Суть же содеянного оставалась той же самой – насильственный аншлюс малых суверенных государств.

С сообщением на тему "Изменение соотношения сил в мире после поражения Франции и позиция Коминтерна" выступил д-р ист. наук, проф. Исторического ф-та МГУ В.П. Смирнов. При освещении этой темы, естественно, обращение, прежде всего к политике Советского Союза, потому что политическую линию Коминтерна тогда определял Сталин. Первый вопрос – о целях сталинского руководства. Все знают, что в 1939–1940 гг. Советский Союз и Германия, связанные договором "о дружбе и границе" и рядом секретных протоколов, нередко действовали совместно и, следовательно, имели общие или совпадающие цели.

Цели советского руководства очень четко были определены Сталиным в известной беседе с Г. Димитровым 7 сентября 1939 г., когда он заявил, что коммунисты не должны поддерживать ни одну из воюющих коалиций. При этом Сталин добавил: "Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо было бы, если бы руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)". В связи с предстоящим разделом Польши между СССР и Германией Сталин сказал: "Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население?" (цит. по: [17. С. 18–19]). Эти слова представляли собой инструкции Коминтерну, и они были подтверждены всем последующим ходом событий. Разумеется, эти цели не имели ничего общего ни с международным правом, ни с правами человека и гражданина, ни с правом наций на самоопределение. Сталин действовал в соответствии с унаследованной от прошлого империалистической логикой, дополненной мотивами революционного мессианства. Однако поставленные им цели, не совпадая с долговременными целями гитлеровской Германии, отчасти и временно совпадали с ее краткосрочными целями.

Второй вопрос – как изменилась политика Советского Союза и Коминтерна после поражения Франции? До этого Коминтерн, в соответствии с инструкциями Сталина, называл войну империалистической с обеих сторон, выдвигал на первый план лозунг мира и считал главным врагом – "врага в собственной стране", т.е. собственную буржуазию и социал-демократию.

Наиболее опасным противником СССР считалась не Германия, а Англия. "Не фашистская Германия, пошедшая на соглашение с СССР, является опорой капитализма, а реакционная антисоветская Англия с ее огромной колониальной империей", говорилось в секретной директиве Коминтерна компартии Великобритании 29 сентября 1939 г. [18. Л. 53]. После поражения Франции вся мировая политическая и стратегическая ситуация резко изменилась. Войну против Германии и Италии продолжала только Англия.

В политике всех великих держав произошли большие перемены. Начался процесс формирования новых, противостоящих друг другу военно-политических коалиций. С одной стороны, вместо распавшегося англо-французского союза формировался англо-американский блок, с другой – происходило дальнейшее сближение Германии, Италии и Японии. 27 сентября они подписали Тройственный пакт, согласно которому Япония признавала руководящую роль Германии и Италии в создании "нового порядка" в Европе, а Италия и Германия – руководящую роль Японии в "великом восточно-азиатском пространстве" [19]. По существу это был договор о переделе мира.

Какой выбор был у Советского Союза? Теоретически, можно было подумать о присоединении к Англии, но на практике это означало бы немедленную войну с Германией в самых невыгодных условиях. Противоположный вариант: присоединиться к Германии и вступить в войну с Англией, чтобы воспользоваться плодами казавшейся близкой победы над Англией, мог представиться более выгодным, но он тоже означал бы вступление в войну.

По мнению В.П. Смирнова, Сталин избрал третий, промежуточный вариант, который можно назвать тактикой "двойной игры". Суть ее состояла в том, чтобы, не вступая в войну, поддерживать официальные "дружественные отношения" с Германией, использовать их для новых территориальных приобретений, и в то же время тайно противодействовать Германии, в том числе через Коминтерн.

Сразу же после поражения Франции советское правительство присоединило к СССР Эстонию, Латвию и Литву, а затем Бессарабию и Северную Буковину. Такие действия, в общем, соответствовали секретным советско-германским протоколам 1939 г., хотя в них речь шла о "сфере интересов" СССР, а не о присоединении к Советскому Союзу новых территорий, а Северная Буковина вообще не была упомянута.

Одновременно руководство Коминтерна издало секретные директивы, которые на первый взгляд, противоречили политике Сталина, а на деле были согласованы с ним.

Так, 22 июня 1940 г. руководство Коминтерна дало компартии Франции секретную директиву "поддерживать и организовывать сопротивление масс против мер насилия, грабежей и произвола со стороны захватчиков" [20. Док. 104. С. 372]. Принятые через неделю негласные "советы" компартиям Дании и Норвегии также нацеливали коммунистов на противодействие оккупантам, хотя Коминтерн продолжал считать войну империалистической с обеих сторон и требовал заключения мира.

Все эти рекомендации, в том числе наивные и совершенно безуспешные попытки распропагандировать немецких солдат – не имели большого практического значения, но они указывали направление политики Коминтерна, которое, по видимости, не совпадало с официальной политикой СССР, но фактически дополняло ее, как часть "двойной игры" Сталина.

Третий и наиболее спорный вопрос – это позиция Советского Союза и Коминтерна во время Берлинских переговоров Молотова с Гитлером и Риббентропом в ноябре 1940 г.

Оперативный план вооруженных сил СССР, утвержденный правительством 14 октября, исходил из предположения, что "Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией, и на Востоке – против Японии" [21. Кн. 1. Док. 117. С. 237]. Вместе с тем советское руководство еще не исключало возможности на некоторое время остаться вне войны и при содействии Берлина добиться новых территориальных приращений, особенно, если Англия будет вынуждена пойти на компромиссный мир с Германией.

После заключения Тройственного пакта советское правительство приняло предложение Германии вступить в переговоры с ней, чтобы, – как говорилось в этом предложении, – "*согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов*" [22. Док. 132. С. 234]. Одновременно Гитлер приказал продолжать подготовку к нападению на СССР. По-видимому, считает В.П. Смирнов, он хотел выяснить намерения советского руководства, а, может быть, даже втянуть Советский Союз в войну против Англии, соблазнив его руководство перспективой раздела британского наследства.

О намерениях советского руководства можно судить по исключительно важному документу – директивам Сталина Молотову перед его отъездом в Берлин [11. Кн. 2. Док. 491. С. 30–32]. Согласно им, Молотов должен был решить две основные задачи: Первая из них – относительно простая: а) *Разуздать* действительные намерения Г[ермании] и всех участников Пакта 3-х", в том числе и "*место СССР*" в их планах. Вторая задача была гораздо сложнее: "б) *Подготовить* первоначальную наметку *сферы интересов СССР* в Европе, а также в ближней и средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Г[ерманией], (а также с И[талией]), но не заключать какого-либо соглашения с Германией и И[талией] на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риб[бентроп] в ближайшее время".

Далее в директивах говорилось, что поскольку секретные соглашения 1939 г. с Германией о разграничении сфер интересов исчерпаны (за исключением Финляндии) нужно добиваться, чтобы к сфере интересов СССР, кроме Финляндии, были еще отнесены Дунай (в части морского Дуная) и, особенно Болгария – "главный вопрос переговоров" – сказано в директивах. Кроме того, советское руководство желало участвовать в решении дальнейшей судьбы Турции, Ирана, Румынии и Венгрии.

В случае согласия Германии на такие условия Молотов имел инструкции "предложить сделать *мирную акцию*" в виде открытой декларации 4-х держав (СССР, Германии, Италии и Японии), "*если выяснится благоприятный ход основных переговоров: Болг[ария], Тур[ция] и др. на условиях сохранения Великой Британской Империи (без подмандатных территорий) со всеми теми владениями, которыми Англия теперь*

владеет, и при условии невмешательства в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта, а также с обязательством немедленного возврата Германии ее прежних колоний...". В директивах указывалось, что СССР готов заключить с Японией договор о ненападении на определенных условиях и не возражает, "чтобы Индонезия была признана сферой влияния Японии", а Маньчжоу-Го осталось под ее властью, но считает необходимым "добиваться почетного мира для Китая" [11. Кн. 2. Док. 491. С. 30–32].

По мнению В.П. Смирнова, директивы 9 ноября 1940 г. доказывают, что Сталин был готов договориться со странами Тройственного пакта о новом переделе мира, при условии, что Советский Союз получит свою долю. При этом, очевидно, предполагалось, что СССР останется вне войны, а Британская империя сохранится, хотя и в сильно урезанных размерах.

В ходе Берлинских переговоров Гитлер и Риббентроп фактически отвергли притязания Молотова на отнесение к сфере интересов Советского Союза Финляндии и Болгарии, но предложили СССР "участвовать как четвертому партнеру" в Тройственном пакте [11. Кн. 2. Док. 498. С. 46], обещая, что в таком случае "СССР может извлечь выгоды при перераспределении территорий Британской империи путем экспансии в направлении Персидского залива и Аравийского моря" [11. Кн. 2. Док. 497. С. 37].

После возвращения Молотова в Москву советское правительство 25 ноября 1940 г. сообщило германскому послу, что оно готово присоединиться к Тройственному пакту на следующих условиях: немедленный вывод германских войск из Финляндии; заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Болгарией и организация военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл; признание центром тяжести дальнейших стремлений СССР район к югу от Батума и Баку "в общем направлении к Персидскому заливу"; отказ Японии от концессий на Северном Сахалине [11. Кн. 2. Док. 548. С. 136–137].

Гитлер не ответил на это предложение, и оно не имело практических последствий, но вызвало споры среди историков. Одни предполагают, что нота от 25 ноября свидетельствует о намерении СССР присоединиться к Тройственному пакту и тесно сотрудничать с Германией; другие – что это был дипломатический маневр с целью уклониться от слишком обязывающего предложения и выиграть время.

В.П. Смирнов полагает, что вторая точка зрения более убедительна, потому что нота 25 ноября лишь повторяла требования, выдвигавшиеся Молотовым в Берлине. Гитлер их уже отверг, и было очевидно, что Германия их не примет. Дополнительным аргументом в пользу этого вывода может служить позиция Коминтерна. В этот же день состоялась беседа Молотова с Димитровым, в ходе которой Димитров сказал: "Мы ведем линию на разложение немецких оккупационных войск в разных странах. И эту работу, не крича об этом, мы хотим еще больше усилить. Не помешает ли это советской политике?" Молотов ответил: "Конечно, это надо делать. Мы не были бы коммунистами, если бы не вели такой курс. Только делать это надо бесшумно" (цит. по: [23. С. 57]). Эта беседа, по мнению В.П. Смирнова, подтверждает мысль о "двойной игре" советского правительства. Берлинские переговоры Молотова означали не дальнейшее развитие германо-советского сотрудничества, а начало его конца. Именно с этого времени, резюмирует В.П. Смирнов, Советский Союз и Коминтерн все более и более определенно начали противодействовать гитлеровской Германии, медленно, но верно перемещаясь на сторону ее противников.

В.П. Смирнов ответил на ряд вопросов участников Круглого стола.

Вопрос: Насколько влиятельной политической силой был Коминтерн в 1940 г.? Могла ли привести пример, хотя бы одной крупной акции Коминтерна в Европе, которая бы пошатнула Европу, заставила задуматься европейские правительства?

В.П. Смирнов: Разумеется, невозможно сравнивать силу реального влияния Коминтерна или социал-демократов с политикой какой-либо крупной, а тем более великой державы. Не было и никаких крупных акций Коминтерна в 1939–1941 гг., которые

повлияли бы на политику какого-либо правительства, например, гитлеровского. Тем не менее, Коминтерн все же оставался существенным фактором развития международных отношений. Во-первых, благодаря тому, что компартии продолжали действовать, и сыграли свою роль в движении Сопротивления; во-вторых, потому что Коминтерн обладал огромной сетью, которая позволяла Сталину получать информацию; и, наконец, в-третьих, активность Коминтерна создавала представление не только о нем самом, но и о советской внешней политике.

Вопрос: Не считаете ли вы, что идея мировой революции претерпела некоторые изменения на протяжении 1939–1941 гг., в первую очередь позиция Сталина по отношению к этой идее?

В.П. Смирнов: Да, несомненно. К примеру, 21 января 1940 г. Сталин заявил: "Мировые революции как единый акт – ерунда. Она происходит в разные времена в разных странах. Действия Красной Армии – это также дело мировой революции" (цит. по: [20. Док. 161. Прим. 1. С. 516]). Таким образом, в это время Сталин связывал развитие мировой революции напрямую с действиями Красной Армии.

Вопрос: Как развивалось движение Сопротивления во Франции во второй половине 1940 г.? Можно ли говорить об имевших место там процессах, как о движении Сопротивления, или как таковое оно оформилось только после нападения Германии на Советский Союз?

В.П. Смирнов: Я думаю, что в этот период можно говорить как о движении, но ограниченном в основном коммунистами, т.е. существовали небольшие подпольные группы, издававшие небольшие информационные листки. Но все другие организации Сопротивления в это время были такие же или даже меньше. К примеру, "Humanité" издавалась тиражом в несколько сотен тысяч экземпляров, а тираж организации "Resistance" составлял 200 экземпляров.

Первым в дискуссии по сообщению В.П. Смирнова выступил Э. Дурачинский, выразивший согласие с оценкой докладчиком зародышевого состояния сопротивления во Франции во второй половине 1940 г. Что касается влияния Коминтерна на начало движения Сопротивления в оккупированной Европе, то, с точки зрения Э. Дурачинского, оно было крайне незначительно и в известной мере даже негативно. Роль возникшей в июле 1940 г. в Англии организации "Управление специальных операций" (Special Organization Executive), создавшей постепенно свои отделения во всех оккупированных странах, прежде всего в Западной Европе, а во Франции уже в 1940 г., на самой начальной стадии развития сопротивления оккупантам, была намного больше, чем Коминтерна.

Что касается Чехии и Польши, то в них сопротивление, как известно, началось значительно раньше, независимо от Коминтерна и даже вопреки ему. "Обрана народа" – самая крупная подпольная организация в Чехии, связанная с Бенешем, не имела ничего общего с Коминтерном. Коммунисты, конечно, принимали участие в ее создании, но они не играли в ней той роли, какую стали играть позже. А для Польши 1940 г. – это очень важный год, ибо именно тогда оформилось то, что называется в польской историографии подпольным польским государством ("Polish underground state"). Именно в 1940 г. возникли его основы – тайная армия, тайная подпольная администрация, тайное просвещение, тайное судопроизводство, тайная пресса, тайная культура и т.д. Начало этого процесса, его корни – в 1939 г., а оформилось оно в 1940 г.

Л.Я. Гибианский остановился на директивах Коминтерна и его уставах компартиями в 1940 г. После поражения Франции эта организация известным образом корректирует, а затем меняет свою линию, выдвигая на первый план антиоккупационную тональность в своих директивах. Фактически же такая политика проводилась Коминтерном с начала Второй мировой войны в отношении некоторых балканских стран. Это была линия, направленная, разумеется, не на открытую борьбу, но на известное противодействие германской экспансии. Существовали антибританские и антифранцузские директивы Коминтерна. Однако в отношении Югославии и Болгарии они выглядели иначе. На этом направлении прослеживалась очень сильная тенденция

противодействия на двух фронтах: против англо-французского альянса и против распространения нацистской агрессии в регионе. Эта особенность балканского направления в политике Коминтерна получила дальнейшее развитие во второй половине 1940 г., когда на Балканах началось явное противостояние СССР и Германии. Но, в известном смысле, тенденции этой политики, по мнению Л.Я. Гибианского, проявились еще раньше.

Как полагает д-р ист. наук *И.В. Михутина* (Исл РАН), отказ от идеи мировой революции произошел значительно раньше, чем в 1939–1940 гг. Он связан с укреплением власти Сталина, т.е. относится к концу 20-х – началу 30-х годов. Тогда начал преобладать более прагматичный взгляд на положение СССР "не до жиру, быть бы живу", т.е. не до мировой революции⁴. По мнению И.В. Михутиной, методологически не правильно ограничивать дискуссию только 1940 г.

Т.М. Исламов полагает, что 1940 г. совершенно обоснованно выбран для дискуссии. Два главных события этого года определили фактически всю предвоенную ситуацию для Советского Союза: это разгром Франции и ноябрьские переговоры в Берлине. По мнению Т.М. Исламова, в ходе берлинских бесед Молотова с Гитлером и Риббентропом выяснилось, что дальнейшее сотрудничество невозможно. Можно сказать, что в ноябре 1940 г. завершается этап в советско-германских отношениях, начавшийся после заключения пакта Молотова–Риббентропа. В ноябре 1940 г. становится очевидным невозможность для Гитлера удовлетворять дальнейшие политические и территориальные притязания Сталина, а Сталин понимает, что Гитлер не пустит его на Балканы. И это решающий момент.

В.К. Волков остановился на роли Коминтерна. Сталина в 1940 г. волновали проблемы ближайшего времени, а в обозримом будущем не было надежды на широкое развитие коммунистического движения. Другое дело, считал Сталин, использование инструмента Коминтерна в торге с руководством Германии и в создании Гитлеру препятствий по осуществлению его замыслов. В оценке этого вопроса, отметил В.К. Волков, он полностью согласен с В.П. Смирновым и Л.Я. Гибианским и выразил несогласие с утверждением Т.М. Исламова, что в ходе берлинских переговоров выяснилась невозможность дальнейшего сотрудничества Советского Союза и Германии. Сталин воспринял итоги переговоров не так, поняв их как вопрос о цене за продолжение сотрудничества. Десять дней – с 15 ноября, когда Молотов возвратился в Москву, и до 25 ноября, когда Шуленбургу была вручена нота советского правительства с согласием на присоединение СССР к Тройственному пакту на определенных условиях – внесли существенные коррективы в дальнейшие планы Кремля. Сталин реально предложил Гитлеру пакт четырех держав, и этот шаг, по мнению В.К. Волкова, не следует воспринимать только как маневр. Сталин думал, что он сможет вынудить Гитлера принять его условия, но ведь и Германии он предложил немало – возможность достичь победы во Второй мировой войне. В случае осуществления этого замысла Сталина такой блок четырех держав был бы полностью неуязвим на мировой арене.

В.П. Сафронов затронул вопрос о влиянии поражения Франции на ситуацию на Дальнем Востоке, где для Советского Союза она изменилась в лучшую сторону. Уже 2 июля 1940 г. после почти десятимесячного молчания Япония решила начать переговоры об урегулировании отношений с Советским Союзом, предложив заключить пакт о нейтралитете. Ответ советского руководства увязывал заключение подобного соглашения с Японией, в результате которого якобы неизбежно ухудшение отношений Москвы с целым рядом крупных государств, с необходимостью соответствующей территориальной компенсации со стороны Токио за возможный ущерб. В этой ситуации новый глава японского МИД И. Мацуока воспользовался идеей Риббентропа о создании Четверного блока и стал активно лоббировать ее в беседах с герман-

⁴ Отказ от идеи мировой революции как первостепенной задачи международного коммунистического движения нашел отражение в решениях VII конгресса Коминтерна в 1935 г. См. подробно: [24].

скими представителями. В Берлин был передан план присоединения СССР к Тройственному союзу, чтобы сделать Кремль более покладистым в отношении интересов Японии. В частности, у Мацуоки возникла идея направить советские aspirations в сторону Индийского океана. Поэтому, резюмировал В.П. Сафронов, нельзя согласиться с утверждением, что Сталин не хотел присоединиться к Тройственному пакту. Риббентроп очень много ему обещал за это присоединение. И Сталин не мог от этого отказаться, хотя и выдвинул свои контрпредложения. В частности, советские aspirations в сторону Индийского океана были заменены aspirations в сторону Персидского залива, и т.д., что подтверждает серьезность намерений Сталина.

С.З. Случ остановился на влиянии, которое оказало завершение кампании вермахта на севере и западе Европы на экономическое положение третьего рейха. В распоряжении Германии оказались крупные запасы стратегически важного сырья: железная руда Эльзас-Лотарингии, молибден Норвегии, доступ к сырьевым источникам Испании и Португалии. Швеция переориентировала практически всю свою внешнюю торговлю на третий рейх, а с Румынией был заключен договор об обмене нефти на оружие. В связи с этим, считает С.З. Случ, роль, которую играло в планах третьего рейха экономическое партнерство с Советским Союзом, особенно, в том, что касается поставок стратегического сырья, видоизменилась. Отныне эти поставки не имели для Берлина прежнего значения – они при необходимости могли быть в значительной мере восполнены из других источников. А вот роль поставок продовольствия из СССР оставалась на прежнем уровне. Поэтому во второй половине 1940 г. немецкие представители на переговорах в Москве постоянно акцентируют внимание на их увеличении.

С.З. Случ также затронул вопрос об оценке деятельности Коминтерна в третьем рейхе. Так, в начале февраля 1940 г. в Главном имперском управлении безопасности (РСХА) была подготовлена записка "Борьба с коммунизмом" [25. Л. 75–82]. В ней отмечалось, что в условиях действия пакта с Германией Советский Союз, по крайней мере, внешне, соблюдает все установленные правила игры. Однако это ничего не меняет в отношении третьего рейха к коммунизму и его носителям – Коминтерну и компартиям. Это была принципиальная установка Берлина на всем протяжении действия советско-германского пакта. В конце мая 1940 г. Внешнеполитическое ведомство НСДАП, возглавлявшееся А. Розенбергом, подготовило записку под названием "Нынешняя позиция Советского Союза по вопросу о мировой революции и Коминтерне" [25. Л. 162–168]. В ней указывалось на то, что после августа 1939 г. Москва не ограничивала и не корректировала деятельность секций Коминтерна и его руководства. На основании этого в записке констатировалось: во-первых, цели Советов, связанные с мировой революцией, остались неизменными; во-вторых, советское правительство считает целесообразным вновь акцентировать эти цели для внутреннего пользования и для его зарубежных сторонников; в-третьих, в оценке Москвой Германии и существующего в ней режима не произошло никаких изменений: она, как и прежде, фигурирует среди врагов мирового пролетариата.

Все это дополняется памятной запиской, подготовленной в РСХА к первой годовщине пакта, т.е. в конце августа 1940 г. Она называлась "Анализ деятельности мирового коммунизма со времени заключения советско-германского пакта о ненападении и его влияния на Великую Германию" [25. Л. 4–21]. В ней обращалось внимание на серьезные различия между заявлениями советских официальных инстанций, советской прессы и высказываниями лидеров и функционеров Коминтерна. По мнению сотрудников РСХА, влияние Коминтерна и его конкретных секций на политику в оккупированных странах имело явную тенденцию к снижению. Последнее объяснялось все возрастающими арестами, в частности, только в Протекторате в течение 1940 г. было арестовано 4300 коммунистов. Таким образом, резюмировал С.З. Случ, карательные органы третьего рейха на протяжении 1940 г. констатировали наличие неразрывной, хотя и тщательно скрываемой связи между советской внешней политикой и деятельностью Коминтерна.

В заключительном слове *В.П. Смирнов* подчеркнул, что не следует однозначно отрицательно оценивать деятельность Коминтерна в рассматриваемый период. Уже во второй половине 1940 г. он начинает ориентировать коммунистические партии на борьбу с оккупантами. "Управление специальных операций" сыграло важную роль в годы Второй мировой войны, однако в 1940 г. его деятельность еще не была сколько-нибудь заметна; в то время как коммунистические партии в оккупированных странах уже тогда взяли на себя львиную долю пропагандистской работы в массах [26. С. 18–39].

Комментарий составителя. В последние годы отечественные историки опубликовали монографию [27], ряд статей [28] и сборник документов [20], освещающих деятельность Коминтерна в первые годы Второй мировой войны. Появились документальные публикации о деятельности Коминтерна и за рубежом, которые должны вызвать особый интерес у отечественных исследователей, поскольку проливают дополнительный свет на механизм связи между высшим советским руководством и руководством Коминтерна – это дневник Димитрова, изданный в Болгарии и Германии, и переписка Сталина и Димитрова в 1934–1943 гг., изданная А. Далиным, Ф. Фирсовым в США [29]. Сообщение В.П. Смирнова и последовавшая за ним дискуссия продемонстрировали, что эти источники медленно вводятся в научный оборот. Это обстоятельство, а также недоступность все еще многих документов, связанных с работой Секретариата ИККИ, но особенно относящихся к деятельности Службы связи, осуществлявшей по поручению руководства Коминтерна многочисленные зарубежные операции, нередко выходящие за рамки контактов с компартиями, позволяют делать порой лишь предположительные выводы относительно подоплеки конкретной деятельности этого инструмента советской внешней политики. Это относится и к утверждению В.П. Смирнова, что Советский Союз и Коминтерн после неудачи переговоров Молотова в Берлине все более и более определенно начали противодействовать гитлеровской Германии, медленно, но верно перемещаясь на сторону ее противников; и к предположению В.К. Волкова о якобы имевших место замыслах Сталина по использованию инструмента Коминтерна в торге с руководством гитлеровской Германии.

В.П. Смирнов и принимавшие участие в дискуссии мало внимания уделили роли Германии, политика которой и явилась причиной резкого изменения соотношения сил в мире в середине 1940 г. Может сложиться впечатление, что внешняя политика третьего рейха, изучением которой на широкой документальной базе занимаются историки различных стран на протяжении многих десятилетий, не оставила к сегодняшнему дню никаких вопросов. Это – не так. Более 35 лет тому назад в фундаментальной монографии западногерманского профессора А. Хильгрубера "Стратегия Гитлера. Политика и руководство войной 1940–1941" [30] было обозначено такое количество проблем, которые и сегодня, несмотря на все усилия исследователей, оставляют немало вопросов.

Повышенное внимание к позиции советской стороны на переговорах Молотова в Берлине не должно затенять изучения политики и замыслов инициатора этих переговоров – Гитлера, который пошел на них исключительно для введения в заблуждение советского руководства.

С сообщением "Советский Союз и Германия: союзники, партнеры или антагонисты?" выступил канд. ист. наук *М.И. Мельтюхов* (Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела). За последнее десятилетие в России появилось не только большое количество исследований, но и новые документальные публикации, по советско-германским отношениям. Благодаря этому историки располагают хотя бы общей картиной взаимоотношений двух стран в период кануна Великой Отечественной войны, в том числе и по 1940 г.

В начале 1940 г. шли советско-германские экономические переговоры. Начались они еще осенью 1939 г. и в январе-феврале 1940 г. достигли своего апогея. Уровень переговорщиков постоянно повышался: в итоге в них принял участие сам Сталин, которому Риббентроп направил личное послание с просьбой содействовать достижению соглашения. По мнению М.И. Мельтюхова, советскому руководству удалось настоять на учете своих интересов. Хозяйственное соглашение от 11 февраля 1940 г. стало компромиссом, определявшим экономические взаимоотношения Москвы и Берлина на протяжении последующего года.

Какой вес имели в германской внешней политике эти контакты с Советским Союзом? Под влиянием англоязычной историографии периода холодной войны в последние годы в отечественных исследованиях, все чаще стало однозначно утверждаться, что именно советская экономическая поддержка позволила немцам продолжать войну. Однако в работах немецких историков, появившихся в последние 10–15 лет и базирующихся на материалах германских архивов, доказывается, что в основе подобных оценок лежит серьезное преувеличение роли советских поставок для военной экономики третьего рейха. Как видно из немецкой статистики, в 1940 г. в германском экспорте Советский Союз занимал соответственно всего 4,5%, а германском импорте – 7,6%. Тем не менее, исследование этого вопроса на советских источниках весьма актуально, поскольку в российской историографии он остается фактически неизученным. С другой стороны, продолжал М.И. Мельтюхов, нельзя забывать о том, что территория Советского Союза использовалась немцами для транзита грузов. И здесь, согласно немецкой статистике, он играл гораздо более значительную роль: за 1940 г., германский экспорт через территорию СССР составил 49%, импорт – 59%.

Переходя к политическим отношениям между СССР и Германией, М.И. Мельтюхов отметил, что по мере обострения отношений между Москвой, с одной стороны, и Лондоном и Парижем, с другой, в ходе советско-финской войны создалась реальная угроза того, что западные державы могут вмешаться тем или иным способом в эту войну: либо, высадив войска на Скандинавском полуострове, либо, нанеся авиационные удары по Закавказью. Учитывая, что одним из мотивов подобного вмешательства был бы тезис об активной поддержке Советским Союзом германских военных усилий, Москва стала демонстрировать нейтралитет. Германские дипломаты отмечали, что с конца февраля и в марте–апреле 1940 г. возникают определенные заминки в контактах между Москвой и Берлином.

Когда же в апреле–мае 1940 г. немецкие войска начали реальную войну в Западной Европе, угроза столкновения СССР с западными союзниками перестала быть актуальной. И Москва смогла позволить себе вновь потепление отношений с Германией.

Как отразилось изменение ситуации в Европе после разгрома Франции на советско-германских отношениях? Проблема вывода из войны Англии в то время являлась для немцев первостепенной. Поначалу в Берлине полагали, что буквально через неделю другую, максимум через месяц Лондон пойдет на переговоры с Германией.

Одновременно на повестку дня германской политики выходит восточная проблема. В конце июня – июле 1940 г. в германских военных кругах возникает идея заняться разработкой военных действий и против Советского Союза. И, после того как 21–22 июля эти настроения были официально озвучены Гитлером, началось планирование той операции, которая в дальнейшем получит название "Барбаросса".

Однако эти подготовительные мероприятия находились еще в начальной стадии, а основная в те месяцы проблема – "что делать с Англией?". В августе – сентябре 1940 г. выяснилось, что у немцев пока нет реальных возможностей для силового воздействия на англичан: воздушная битва за Англию закончилась ничем, а на форсирование Ла-Манша и высадку на Британских островах немцы не решились. Проблема незавершенной войны на Западе во второй половине 1940 г. по-прежнему существовала, что учитывалось в расчетах, как в Берлине, так и в Москве.

Уже в июле, но особенно в августе и сентябре 1940 г. постепенно выявляется, что Москва и Берлин по-разному видят решение вопросов, касающихся Восточной Европы. Проблемы возникли уже в связи с инкорпорацией Литвы в состав Советского Союза и т.д. Еще в большей степени разные интересы проявились в ситуации вокруг Румынии в ходе 2-го Венского арбитража, приведшего к перекройке границ Румынии и закрепившей ее присоединение к числу германских союзников. К этому времени руководство третьего рейха все больше полагало, что от него политических уступок в

отношении СССР не потребуется, поскольку Германия достаточно сильна. Однако в Москве расценили эту позицию Берлина, если не как нарушение соглашения 1939 г., то как весьма опасный симптом.

Советское руководство не собиралось в этой ситуации ограничиваться шагами по дипломатическим каналам. Летом – в начале осени 1940 г. были подготовлены первые варианты оперативных планов Красной армии, которые однозначно свидетельствовали о том, что самый вероятный противник СССР – это Германия. 14 октября советское правительство утвердило один из таких планов, в результате чего, как полагает М.И. Мельтюхов, Красная армия получила действующий документ, который лег в основу дальнейшего военного планирования и подготовки советских войск в преддверии войны.

При анализе советско-германских отношений в 1940 г. неизбежно большое внимание уделяется переговорам Молотова в Берлине. По мнению М.И. Мельтюхова, проявившаяся в историографии, да и в рамках данного Круглого стола, дискуссия по вопросу о замыслах советского руководства на этих переговорах во многом свелась к неоправданному противопоставлению зондажа реальным расчетам сторон, хотя одно и другое в дипломатии неразрывно связано. Нет оснований для утверждения, считает М.И. Мельтюхов, что еще до начала переговоров их результат был очевиден для обеих сторон. Напротив, и в Берлине, и в Москве имели место определенные ожидания относительно продолжения отношений, сложившихся между СССР и Германией после 23 августа 1939 г.

Ход берлинских переговоров проливает свет и на последующее развитие советско-германских отношений. Если Гитлер и Риббентроп на них больше говорили о глобальных аспектах будущего сотрудничества Москвы и Берлина, то Молотова в первую очередь интересовали конкретные проблемы, связанные с ситуацией в районах примыкающих к западным границам СССР. Однако выяснилось, что немцы не готовы к их обсуждению. С этим обстоятельством непосредственно связан документ, который Москва передала Берлину спустя две недели, 25 ноября 1940 г. В нем содержались условия, на которых Советский Союз был готов присоединиться к Тройственному пакту, точнее, по мнению М.И. Мельтюхова, продолжить переговоры о заключении нового соглашения, прежде всего между СССР и Германией. Тем не менее не следует представлять этот документ как выбор. Здесь был и элемент игры со стороны Москвы, и обозначение тех реальных условий, на основе которых в Кремле были готовы обсуждать эту проблему, и в определенном смысле зондаж – готов ли Гитлер реально обсуждать эти проблемы.

Для германского руководства (на это обращали внимание и отечественные и зарубежные историки) уступки, о которых шла речь в советских условиях присоединения к Тройственному пакту, были неприемлемы. Поэтому большинство историков рассматривает утверждение Гитлером плана "Барбаросса" 18 декабря 1940 г. как его непосредственную реакцию на советские предложения. В то же время для обоих государств внешняя сторона их отношений сохраняла свою важность вплоть до 22 июня 1941 г.

По мнению М.И. Мельтюхова, в отношениях Москвы и Берлина в 1940 г. условно можно выделить несколько периодов: февраль–март – это небольшое охлаждение, затем непродолжительное потепление и с июля вновь постепенно нарастающее охлаждение. В этом контексте ноябрьские переговоры в Берлине можно рассматривать как реальный перелом в советско-германских отношениях, подведший черту под двусторонним сотрудничеством.

Говоря о характере советско-германских отношений в 1940 г. в целом, М.И. Мельтюхов высказал мнение, что в этот период не существовало советско-германского союза ни формального, ни фактического.

Если исходить из значения слова "партнер" – участник какой-то совместной деятельности, – то, конечно, Москва и Берлин были партнерами. А что сделало возможным их партнерство? В чем заключался коренной интерес, сблизивший обе

страны? По мнению М.И. Мельтюхова, стремление к ослаблению влияния Англии и Франции толкнуло СССР и Германию к соглашению в августе 1939 г., и оно же сыграло спустя некоторое время противоположную роль. Отношения между Кремлем и рейхсканцелярией никогда не выходили за рамки партнерства-соперничества, поскольку каждая из сторон совершенно по-разному видела и цели, и результаты этого партнерства, которое по мере ослабления западных держав наполнялось все большими противоречиями. И переговоры Молотова в Берлине обозначили тот рубеж, за которым соперничество становится непримиримым.

В заключение М.И. Мельтюхов вернулся к вопросу о том, был ли Советский Союз после начала Второй мировой войны нейтральным государством и, если да, то в чью пользу был этот нейтралитет? Здесь, по его мнению, историки сталкиваются с проблемой, которая никогда не рассматривалась в отечественной литературе⁵ и не очень объективно поднимается в иностранной историографии. Утверждение, что Советский Союз не был нейтральным в отношении англо-германской войны, с точки зрения М.И. Мельтюхова, требует серьезных доказательств. Однако, если рассматривать Вторую мировую войну не только как противостояние между Лондоном и Берлином, а как борьбу за новое мировое устройство, то в этом случае нейтралитет Москвы более чем сомнителен. Это касается как действий СССР в Восточной Европе, в том числе и в 1940 г., так и подготовки, которую он осуществлял накануне войны. Вопрос о международно-правовой оценке действий СССР в Европе вплоть до 22 июня 1941 г. требует самого серьезного изучения.

М.И. Мельтюхов ответил на вопросы участников Круглого стола.

Вопрос: Всегда ли интересы Советского Союза тождественны интересам сталинского руководства?

М.И. Мельтюхов: А кого мы можем противопоставить действовавшему советскому руководству? Кто еще реально определял интересы страны?

Вопрос: Какое место занимали решения высшего германского руководства второй половины июля 1940 г. (имеется в виду решение о нападении на СССР) в последующей политике третьего рейха?

М.И. Мельтюхов: Опираясь на официальные документы Верховного командования вермахта, можно сказать, что вплоть до конца 1940 г. в первоочередных задачах не произошло кардинальных изменений. Политическое решение о нападении на СССР было одной из многих задач, стоявших перед высшим руководством Германии, и во второй половине 1940 г. происходили непростые процессы согласования различных взглядов на проблему войны на Востоке при одновременном ведении войны с Англией.

Первым в дискуссии по сообщению М.И. Мельтюхова выступил В.К. Волков, остановившийся, прежде всего, на методологическом аспекте проблемы, представив оценки и решения Сталина и Гитлера в 1940 г. с точки зрения теории международных отношений. По его мнению, осмысление внешнеполитических реалий имело место с обеих сторон, но со значительными деформациями и отходом от реальных потребностей и интересов. Формулирование Сталиным национально-государственных интересов представляло собой чрезвычайно сложное переплетение самых противоречивых компонентов, например, таких как его коммунистические взгляды и эклектические представления о национально-государственной традиции России, унаследованной Советским Союзом, схематическое представление о новом мировом устройстве, содержащее массу неизвестных, и стремление обеспечить СССР соответствующее положение в новой системе координат.

Продолжая тему национально-государственных интересов, В.К. Волков отметил, что в общественном мнении Советского Союза в 1940 г. присутствовало и критическое отношение к сотрудничеству с Германией. Об этом, в частности, говорил

⁵ Это утверждение неточно, первые шаги в изучении этой проблемы уже были сделаны в отечественной историографии. См. [14].

М.И. Калинин в беседах с югославским послом М. Гавриловичем. Во второй половине 1940 г. и в начале 1941 г. в СССР бытовало выражение как "заклятые друзья", отражающее представления части советской элиты о преходящем характере сотрудничества с гитлеровской Германией.

Далее В.К. Волков вновь затронул вопрос о мотивации ноты советского руководства Берлину от 25 ноября 1940 г., призвав самым серьезным образом отнестись к мыслям, выраженным в этом документе. Это была не игра, а вполне конкретный ответ на германский зондаж советских намерений. Никакой неприемлемости в сталинских требованиях для Гитлера не было. В.К. Волков согласен с теми немецкими историками, кто считает, что решение Гитлера напасть на Советский Союз было вызвано отсутствием у фюрера желания идти на дальнейшие соглашения с Москвой. С точки зрения Гитлера, проще или дешевле было разбить СССР, чем заплатить ту цену, которую запрашивал Сталин.

А.А. Гуров считает, что СССР и Германия были в 1940 г. антагонистами, но никак не союзниками, хотя элементы партнерства (экономического и политического) присутствовали. Почему же все-таки антагонисты? Нацистское руководство заговорило о войне с СССР уже 25 июня 1940 г., т.е. на третий день после подписания капитуляции Франции. 22 июля были уже готовы наброски плана разгрома Советского Союза, а 31 июля на совещании Гитлер практически этот план утвердил⁶. 18 декабря им был подписан окончательный вариант плана "Барбаросса". Весьма симптоматично, отметил А.А. Гуров, что фазы разработки плана нападения на СССР почти синхронно совпадали с подготовкой и утверждением соответствующих мобилизационных планов в Советском Союзе. Эти факты являются еще одним свидетельством того, что СССР и Германия были, прежде всего, антагонистами.

По мнению д-ра филос. наук. Ю.С. Новопашина (ИСл РАН), утверждение, что Москва и Берлин в 1940 г. были антагонистами, не вытекает из схожести политических режимов, господствовавших в обоих государствах, а потому требует более серьезной аргументации и дополнительного изучения.

И.В. Михутина обратила внимание, что уже в 1940 г., несмотря на произошедший раскол ОУН (Организация украинских националистов) на две организации: мельниковскую и бандеровскую, обе они были ориентированы Германией на подрывную работу внутри Советского Союза, прежде всего на Украине.

Канд. исг. наук А.А. Печенкин (Московский педагогический государственный ун-т) вернулся к вопросу, соответствовали ли внешнеполитические интересы сталинского руководства интересам Советского Союза? По его мнению, не во всем и не всегда, но в 1940 г. проводимая Сталиным внешняя политика вполне отвечала интересам Советского Союза. Стоит пристальнее посмотреть на то, в каких военных конфликтах участвовал Советский Союз в тот период. Речь идет о государствах, которые либо уже были союзниками Германии, либо стали таковыми в ближайшее время. Это – Япония, затем Финляндия и, наконец, Румыния. Польша – это, конечно, особый случай. Хотя поход, начавшийся 17 сентября 1939 г., вряд ли можно назвать войной с советской стороны. Территориальные приращения, которые были сделаны Советским Союзом в 1939–1940 гг. соответствовали его внешнеполитическим интересам и укрепляли оборону страны.

С.З. Случ остановился на нескольких вопросах, поднятых в сообщении М.И. Мельтюхова. Во-первых, амплитуда колебаний в советско-германских отношениях на протяжении 1940 г. Если взглянуть на динамику их торгово-экономических отношений, то возникает несколько иная картина. Самый незначительный германский импорт из

⁶ 31 июля 1940 г. Гитлер не утверждал никакого, даже предварительного плана разгрома СССР, его к этому времени еще не существовало. Он сформулировал в этот день политическое решение и обозначил общие контуры замысла операции. Поручение о разработке первого варианта подобного плана было дано начальником генштаба сухопутных войск генерал-полковником Ф. Гальдером начальнику штаба 18-й армии генерал-майору Э. Марксу 29 июля [31. С. 70].

Советского Союза падает на январь–март 1940 г., а самый большой – на август–октябрь, причем в сентябре импорт из Советского Союза составлял 17,5% от общего импорта Германии. Далее, что касается германского экспорта в СССР: низшая точка февраль – март, что почти совпадает с объемом импорта в тот же период, и пик – июнь и декабрь. Причем, в июне – это 8,7% от общего экспорта Германии. Теперь о распределении советских поставок в Германию, если брать 1940 г. в целом: за январь – май они составили 16%, за июнь – август 26%, и за сентябрь – декабрь 22% [32. С. 367–383]. Таким образом, на лето 1940 г. падает максимум советских поставок в Германию. По мнению С.З. Случа, это не совсем совпадает с предложенной М.И. Мельтюховым концепцией периодов потепления и охлаждения в советско-германских отношениях.

Во-вторых, что касается политического решения о нападении на Советский Союз. Здесь одним из важнейших источников является дневник Гальдера. Вот его известная записка о выступлении Гитлера 31 июля 1940 г. *"Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года. Начало [военной кампании] – май 1941 года. Маскировка: Испания, Северная Африка, Англия"* [31. С. 80–81]. С точки зрения С.З. Случа, после 31 июля 1940 г. для большой германской политики не было уже альтернативы нападению на СССР.

В заключительном слове М.И. Мельтюхов остановился на проблеме национально-государственных интересов. В теории международных отношений сложился на сегодняшний день консенсус по поводу того, что у любой страны объективный интерес распадается на три составляющие. Это – национальная безопасность, экономическая мощь и благосостояние населения.

Советский Союз уже со второй половины 30-х годов стремился к достижению, прежде всего, равноправия в кругу тогдашних великих держав. Для СССР речь шла в первую очередь о том, чтобы на его границах не было либо потенциально, либо реально враждебного окружения. Переговоры Молотова в Берлине подтверждают, что советское руководство готово говорить в принципе о чем угодно, но только в том случае, если интересы Москвы будут учитываться.

По поводу сказанного С.З. Случа относительно решения Гитлера о нападении на СССР: окончательное оно или не окончательное? Начиная с лета 1940 г. и примерно до конца сентября–октября в германских штабах параллельно разрабатывались операция "Морской лев"⁷ и операция "Барбаросса", хотя к концу года последняя выходит на первый план. Однако, считает М.И. Мельтюхов, любое решение рассчитанное на перспективу, каким бы окончательным оно ни выглядело в момент его принятия, всегда имеет возможность быть скорректированным. Как известно, операция "Барбаросса" была перенесена с середины мая на вторую половину июня 1941 г. Однако к маю 1941 г., сложилась новая ситуация, связанная с необходимостью для Берлина вести войну на Балканах, которую летом 1940 г. предусмотреть было невозможно. Поэтому, утверждает М.И. Мельтюхов, реальное решение напасть на Советский Союз было принято, все-таки, днем 21 июня 1941 г., когда войска, сосредоточенные на Востоке, получили известный пароль "Дортмунд"⁸, который и развязал нацистскую агрессию. Тот же факт, что со второй половины 1940 г. операция

⁷ 15 сентября 1940 г. ОКВ (Верховное командование вермахта) издало директиву о мероприятиях по маскировке операции "Морской лев" [33. С. 426–427], которые фактически предназначались уже для маскировки ее отмены. 19 сентября последовала новая директива ОКВ, предписывавшая приостановить "движение по сосредоточению транспортных средств, если оно еще не закончено" [33. С. 436]. Она была первым практическим мероприятием по приостановлению дальнейшей подготовки к уже фактически отложенной на весну 1941 г. операции.

⁸ Пароль "Дортмунд" был направлен в войска вечером 20 июня [34. С. 408]. М.И. Мельтюхов смешивает принятие военно-политического решения о нападении на Советский Союз (Entschluß zum Ostfeldzug) с решением об отдаче приказа о нападении (Befehl zum Losschlagen).

"Барбаросса" постепенно вытесняла в германском руководстве другие альтернативы внешнеполитических действий, сомнений не вызывает.

Комментарий составителя. В контексте советско-германских отношений 1940 г. центральным событием, несомненно, было совещание Гитлера с высшим военным руководством 31 июля, на котором он сообщил о своем решении напасть на Советский Союз весной 1941 г. В конкретной обстановке второй половины лета 1940 г. оно играло двоякую роль – осуществление центрального замысла всей внешнеполитической программы Гитлера и одновременно разрешение тупиковой ситуации, связанной с невозможностью для Германии завершить войну на Западе военными средствами или вынудить Великобританию заключить мир с третьим рейхом на условиях последнего. При этом попытки элиминировать "английскую проблему" до начала нападения на СССР, прежде всего путем массированных бомбардировок, а после их провала, переключив внимание на периферийную стратегию и создание широкого антибританского блока, основой которого стал Тройственный пакт, отнюдь не снимались с повестки дня. Однако они представляли собой вспомогательные и промежуточные, а не альтернативные нападению на СССР решения, что лишний раз подтверждается графиком осуществления этих операций, полностью подчиненным срокам осуществления плана "Барбаросса" [31. С. 277–278; 34. С. 204–205]. Все это в совокупности подтверждает оценку А. Хильгрубером решений июля 1940 г. как "истинного поворотного пункта Второй мировой войны" [35. С. 78].

Другие события в рамках отношений Германии и СССР – визит Молотова в Берлин, нота Кремля от 25 ноября об условиях присоединения СССР к Тройственному пакту, перепады в торгово-экономических отношениях и т.д. характеризовали больше действия советской стороны, подчеркивая определяющую роль политической составляющей в отношениях между двумя тоталитарными режимами. В сообщении М.И. Мельтюхова и в большинстве выступлений советско-германские отношения представляли преимущественно как "германское направление внешней политики СССР". Вместе с тем мотором международного развития в 1940 г. по-прежнему была политика нацистской Германии, во многом определявшая и температуру в советско-германских отношениях.

За последние десятилетия в освещении советско-германских отношений конца 30-х – начала 40-х годов произошли немалые позитивные сдвиги, но ситуация все-таки еще далека от раскрытия, как утверждает М.И. Мельтюхов, "общей картины взаимоотношений двух стран в период кануна Великой Отечественной войны". Это объясняется рядом причин. Во-первых, сложностью и многогранностью самой проблемы, которая отнюдь не сводится к комплексу дипломатических или экономических отношений Москвы и Берлина. Советско-германские отношения, особенно во второй половине 1940 г., это – ключевая проблема для международных отношений в целом. Во-вторых, недоступностью значительного массива советских политических, военных, экономических, разведывательных и тому подобных документов, не позволяющих адекватно оценить, прежде всего, намерения Сталина, степень его информированности и, соответственно, реакции на меняющуюся обстановку. В-третьих, разобщенность усилий небольшой группы историков, профессионально занимающихся этой проблемой. И, наконец, в-четвертых, отставание многих публикаций по истории советско-германских отношений от современного уровня знаний по данной теме, предполагающего архивный поиск не как самоцель, а как обоснованное движение вперед от уже достигнутого уровня в исторической науке.

С сообщением "Состояние источниковой базы исследований. Российские документы: опубликованные и архивные" выступил канд. ист. наук *В.П. Сафронов* (ИРИ РАН). Политика СССР в 1940 г. в советское время была в наибольшей мере закрытой и не обеспеченной опубликованными документами темой. Однако в последнее десятилетие в России имеет место настоящий документальный бум по данной проблематике.

Опубликованные документы можно подразделить на несколько групп: дипломатические [4; 11; 21; 36–38], военные [21; 39–43], оперативно-разведывательного характера [20–21; 44]. В указанных публикациях с той или иной степенью полноты представлены все основные перипетии 1940 г.: советско-финская война; расширение территории СССР; отношения с основными государствами-фигурантами: Германией, Японией, Англией, Финляндией, Румынией, Эстонией, Латвией, Литвой, Болгарией, Италией, США; укрепление обороноспособности СССР; советская разведка.

Дипломатическая сторона советско-финской войны, отраженная в Документах внешней политики (ДВП), представлена не вполне достаточно, в том числе переговорный процесс, связанный с посредничеством Швеции в прекращении войны и заключении мира [11]. К примеру, не опубликованы важнейшие записи бесед Молотова со шведским посланником П.В.Г. Ассарсоном, имеющиеся в АВП РФ, в ходе которых советская сторона изложила свои условия мирного договора. Хотя именно эти документы, полагает В.П. Сафронов, позволяют утверждать, что целью военной кампании, начатой Сталиным, являлась не аннексия Финляндии и не насаждение там просоветского правительства О. Куусинена, а лишь намерение вернуть Советскому Союзу бывшие российские земли на Карельском перешейке и в Карелии.

Центральное место во внешней политике СССР в 1940 г. занимали отношения с Германией. Опубликованы практически все основные переговоры и записи бесед между советскими и немецкими представителями по экономическим вопросам, в том числе записи бесед со Сталиным [11]. Вызывает, однако, недоумение отказ составителей сборника от публикации документов, отражающих списки заказанных и поставленных сторонами друг другу товаров.

Политическим взаимоотношениям СССР и Германии в публикациях уделено главное внимание. Документы отражают самые разные вопросы, которые обсуждались в то время между Москвой и Берлином. Важнейшие из них касались таких тем, как территориальное переустройство в Прибалтике и Румынии; переселение немецких подданных из этих регионов в Германию; вступление немецких войск в Финляндию и Румынию; гарантии безопасности Болгарии; новое разграничение сфер влияния в мире между державами "оси" и СССР.

Большой интерес представляют опубликованные документы о советско-германских контактах по вопросу передачи Советскому Союзу Бессарабии и Северной Буковины, которые, как считает В.П. Сафронов, показывают прямую вовлеченность Берлина в эти мероприятия и учет Москвой его позиции. Если сравнить ДВП с немецким изданием "Akten zur deutschen auswärtigen Politik" (ADAP), то следует отметить наличие в обеих публикациях тождественных документов о подавляющем большинстве бесед советских руководителей с германскими представителями. И лишь небольшая часть их отсутствует в российском или немецком издании. Например, среди важных документов, не помещенных в ДВП, можно выделить запись беседы Молотова с Шуленбургом от 26 июня 1940 г. во вопросу о согласии Москвы ограничить свои требования к Румынии уступкой Советскому Союзу только Северной Буковины, а не всей области.

Вместе с тем существенным отличием и несомненным преимуществом российских сборников документов является то, что в них приведены полные записи бесед, в то время как с немецкой стороны чаще всего (когда это касается, прежде всего, участия посла Шуленбурга) мы имеем только их краткий пересказ в его телеграммах в Берлин. Между тем, полагает В.П. Сафронов, именно существование образцовой немецкой публикации стало примером при подготовке российского издания. Полнота германской проблематики в ДВП особенно выделяется на фоне других тем.

Основные документы об отношениях СССР с прибалтийскими странами (Эстонией, Латвией и Литвой) в 1940 г. были изданы МИД СССР в сборнике "Полпреда сообщают..." [36] еще в 1990 г. С одной стороны, целью составителей было осудить проявления сталинизма во внешней политике Советского Союза, выразившиеся в использовании Молотовым и другими советскими государственными деятелями формы ультиматумов во взаимоотношениях с государствами Прибалтики. С другой, требовалось обосновать законность их присоединения к СССР. При этом данные мероприятия составители сборника предлагают рассматривать под углом зрения укрепления обороны СССР и трех прибалтийских стран от угрозы возможной германской агрессии в связи с опасениями Москвы блокирования правящих кругов Эстонии, Латвии и Литвы с фашистской Германией.

Между тем важные аспекты этого процесса вызывают сомнения, в частности, свобода волеизъявления населения Прибалтики и демократичность выборов, проведенных на их территории летом 1940 г. Из опубликованных документов следует, что в выборах участвовали только левые политические силы просоветской ориентации, объединенные в один избирательный блок и получившие почти стопроцентную поддержку голосовавших. С большой осторожностью следует относиться и к опубликованным документам о претензиях Москвы к правительствам прибалтийских государств, якобы вынудивших ее предъявить им в июне 1940 г. политические ультиматумы, повлекшие за собой все последующие события.

Одним из важнейших сюжетов 1940 г. явилось территориальное переустройство Румынии, произведенное первоначально по инициативе СССР, примеру которого затем последовали Венгрия и Болгария. Этим событиям посвящено большое число документов, опубликованных в России в 1990-е годы, в том числе два специальных документальных сборника [4; 37]. В них рассматриваются две ключевые темы: уступка Румынией Бессарабии и Северной Буковины Советскому Союзу и позиция СССР в связи с венгеро-румынским территориальным спором из-за Трансильвании. В XXIII томе ДВП [11] и в "Советско-румынских отношениях" [4] достаточно подробно представлена первая из них. Центральное место здесь занимают записи бесед Молотова с посланником Румынии Г. Давидеску в конце июня 1940 г. (в ходе которых советская сторона выдвинула ультиматум о передаче Бессарабии и Северной Буковины), позволяющие лучше уяснить мотивацию советских действий. Для обоснования присоединения Северной Буковины к СССР Москва избрала факт проживания на ее территории некоторого количества украинцев. Но, поскольку этот довод выглядел не очень убедительно, был добавлен и другой – компенсация Советскому Союзу за двадцатилетнюю эксплуатацию Румынией Бессарабии. Из документов явствует и намерение Сталина захватить и Южную Буковину. Этому замыслу не суждено было осуществиться после территориальных гарантий, предоставленных Берлином Бухаресту, и вводом германских войск в Румынию.

Большой новизной отличается комплекс опубликованных документов, содержащихся в ДВП, посвященный советско-английским отношениям в 1940 г., картина которых до сих пор мало была известна. В количественном отношении они занимают второе место после документов по советско-германским отношениям. Материалы полпредства в Лондоне свидетельствуют, что Майский по праву являлся ключевой фигурой в советском дипломатическом корпусе. Исследователями справедливо выделяются записи бесед Сталина и Молотова с английским послом Криппсом и Майского с парламентским заместителем министра иностранных дел Великобритании Р. Батлером летом 1940 г. Не менее важной является и беседа Криппса с А.Я. Вышинским 22 октября 1940 г., в ходе которой британская сторона предложила Москве договориться о взаимных обязательствах соблюдать благожелательный нейтралитет в сложившейся ситуации, заключить пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому, и обещала признать территориальные приобретения СССР, совершенные им с начала Второй мировой войны.

С особым интересом исследователи ожидали появления документов советских разведывательных органов за этот период. Таких материалов опубликовано много. Они свидетельствуют как о контроле советской разведки за оперативными передвижениями немецких войск на территориях, прилегавших к западным границам СССР, так и об отсутствии у Москвы на конец 1940 г. конкретных данных о планах Гитлера напасть на Советский Союз.

Необходимо отметить, что сборники документов, подготовленные с помощью сотрудников научных институтов, удалась лучше, чем издания, осуществленные в одиночку соответствующими ведомствами. Это, например, относится к сборнику "Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг." [38], подготовленному учеными Института Дальнего Востока РАН, в котором собран комплект документов,

представляющий целостную картину событий. В то время как в ДВП по данной теме имеются большие пробелы, а также часто отсутствует указание о пропуске документов, о которых известно из контекста или из других документальных публикаций.

В.П. Сафронов ответил на вопросы участников Круглого стола.

Вопрос: Вы считаете, что надо публиковать все документы без исключения?

В.П. Сафронов: Это было бы, конечно, идеально, но вряд ли возможно, да и целесообразно. Вместе с тем, многие важные документы не публикуются совершенно неоправданно. Например, освещение советско-японских отношений в XXIII томе ДВП (11) вызывает откровенное недоумение и разочарование. Составители изъяли почти все (шесть!) важнейшие (70 машинописных листов) записи бесед Молотова с японскими послами в Москве С. Того и И. Татекавой в ходе переговоров о заключении пакта о нейтралитете или ненападении в августе, октябре, ноябре 1940 г. и апреле 1941 г., без которых эту проблему вообще невозможно понять.

Вопрос: В Советском Союзе все делалось согласно решениям ЦК, а иногда и Политбюро. В какой степени эта инстанционная канва отражена в опубликованных сборниках документов?

В.П. Сафронов: Решения высших партийных инстанций в дипломатических документах представлены крайне слабо. Правда, применительно к советско-германским отношениям можно проследить позицию Сталина. В других же случаях, как правило, имеются лишь записи бесед, на основании которых только и возможно сделать вывод, в чем заключалась суть политики. Однако никаких директивных документов, касающихся внешней политики, мне встречать не приходилось.

Затем началась дискуссия по сообщению В. П. Сафронова.

Как отметила *В.В. Марьина*, прозвучавшее сообщение было полезно. Однако более интересно было бы получить представление и о фондах тех архивов, в которых работают исследователи. Например, особенно для изучения периода 1939–1941 гг. было бы очень полезно познакомиться с дневником советского посла в Лондоне Майского, который находится в АВП РФ. Как и всякий источник, он требует сопоставления с другими документами. Имеющиеся расхождения в записях тех или иных бесед носят далеко не всегда безобидный характер, требуя *post factum* как минимум соответствующих комментариев. Например, помещенная в ДВП запись беседы Бенеша с Майским 22 сентября 1939 г., в частности, касающаяся позиции бывшего президента Чехословакии в отношении Закарпатской Украины, выглядит так: «Что же касается "Рутении" (Карпатской Украины), то она, по мнению Бенеша, непременно должна войти в состав УССР. Еще в бытность свою президентом Чехословацкой республики Бенеш мысленно всегда считал "Рутению" будущей частью СССР» [12. Кн. 2. Док. 625. С. 122]. Запись этой беседы, сделанная Бенешем, расставляет в его позиции иные акценты. На вопрос Бенеша о Подкарпатской Руси (Карпатской Украине), Майский "усмехнулся. Я (Бенеш) сказал, что эта земля наша, что мы имеем на это право... Для нас решение может быть только двояким: или она останется у нас, или, в случае, если они (Советы) будут нашими соседями и потребуют этого, то мы против этого не возражали бы. Ни поляки, ни венгры, а они особенно, не должны ее иметь" [45. С. 146]. Очевидно, что есть определенное расхождение между этими двумя записями, позиция Бенеша во второй из них выглядит не столь однозначно и категорично⁹. Однако именно документ, опирающийся на первую запись Майского, был предъявлен Бенешу в марте 1945 г. в Москве, как отражающий его позицию, когда его вынудили подписать обязательство о передаче Закарпатской Украины СССР [46. Л. 9; 47. С. 83. Прим. 2].

⁹ Опубликованная в ДВП запись беседы Бенеша с Майским от 21 ноября 1939 г. практически полностью совпадает с этой позицией бывшего президента Чехословакии в вопросе о Карпатской Украине [12. Кн. 2. Док. 802. С. 327].

С.З. Случ также обратил внимание на издание "Документы внешней политики"¹⁰. Сравнивая освещение советско-германских отношений в 1940 г. в российской публикации ДВП и в немецкой ADAP необходимо отметить, что в отечественной публикации отражены подробные записи бесед между советскими и немецкими представителями, которые носят более полный характер по сравнению с телеграммами-отчетами немецких дипломатов. Однако, как уже отмечал В.П. Сафронов, в томе фактически отсутствуют инструкции руководства Наркоминдела советским дипломатам в Берлине, что свидетельствует об избирательном подходе публикаторов. Можно предположить и наличие купюр при публикациях, причем не оговоренных в тексте. И здесь очень полезна та сопоставительная работа, о которой упоминала В.В. Марьина. Например, 3 января 1940 г. Риббентроп сообщил Шуленбургу о намерении направить в Москву Н. Роста для изучения возможности влияния немецкой стороны на французскую секцию Коминтерна и зондирования доступа к советским информационным материалам, касающимся французских коммунистов. Риббентроп просил Шуленбурга оказать содействие этой деликатной миссии Роста. 9 января вопрос обсуждался германским послом с первым заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным. В ДВП содержится запись этой беседы [11. Кн. 1. Док. 11. С. 30–31], но в ней нет ни слова о поднятом послом вопросе, хотя в подготовительных материалах Шуленбурга содержится специальный пункт относительно миссии Роста [16. Bd. VIII. Dok. 521. S. 505]. Этот дает основания предполагать, что данный пункт был выпущен при публикации документа в ДВП или, что менее вероятно, при оформлении записи беседы¹¹.

С.З. Случ остановился на репрезентативности издания ДВП за 1940 г. Вот как выглядит она в чисто статическом сопоставлении с ADAP. За период с 1 января по 31 декабря 1940 г. немецкая публикация содержит 1723 документа, наша – 627, что не может не натолкнуть на предположение, что многие, в том числе и принципиально важные документы, не были в нее включены.

С.З. Случ остановился и на комментариях мидовского издания ДВП. В советское время они носили полностью идеологизированный характер. Нельзя сказать, что от этой практики полностью отказались и в наши дни, принимая во внимание персональный состав редакционной коллегии, в частности, О.А. Ржешевского, В.Я. Сиполса и некоторых других. Оставляет желать лучшего и качество комментариев в XXIII томе ДВП, посвященного событиям 1940 г. (см., например: [11. Кн. 2. С. 819. Прим. 208]). Все это, резюмировал С.З. Случ, приводит к выводу, что и к документальным публикациям 1990-х годов нужно по целому ряду причин подходить с осторожностью, не забывая о необходимости сопоставления одних публикаций документов с другими, не говоря уже о критическом отношении к комментариям.

В заключительном слове *В.П. Сафронов* выразил свое согласие с тем, что исследователи не могут быть в полной мере удовлетворены теми изданиями документов, которыми они располагают на сегодняшний день. Это относится, прежде всего, к дипломатическим сборникам документов, при издании которых необходимо учитывать опыт, например, США. Там, отметил В.П. Сафронов, издавали пять–восемь томов документов по каждому году, а у нас – максимум два тома. При этом публикуется в среднем по 40–50 документов, касающихся отношений с крупными государствами, что ничтожно мало по сравнению с имеющимися в фондах документами.

¹⁰ В начале 1990-х годов аббревиатура СССР в угаре политической конъюнктуры исчезло из названия XXII тома [12], создав беспрецедентную ситуацию, когда из названия продолжающейся многотомной серии документов не понятно о каком государстве идет речь. Этот "научный" подход сохранен и при публикации последующих томов.

¹¹ Для подобных предположений есть серьезные основания, так как на телеграмме Риббентропа имеется пометка советника германского посольства в Москве В. фон Типпельскирха от 9 января 1940 г.: "Обсуждалось г-ном послом с г-ном Потемкиным, был поставлен вопрос о возможности беседы Роста с руководителем французской секции Коминтерна. П. проверит эту возможность и даст ответ" [16. Bd. VIII. Dok. 501. Anm. 1. S. 469].

Купюры при публикации документов – это большая беда и давняя болезнь наших издателей, особенно в тех случаях, когда они не оговорены, что неизбежно вызывает недоверие к изданию в целом. Что касается комментариев, то, по мнению В.П. Сафронова, здесь необходимо брать за образец западные публикации документов, содержащие лишь те комментарии, без которых действительно невозможно обойтись. В отечественных сборниках часто в примечаниях публикуются оригинальные документы, что недопустимо. В целом же, все опубликованное на сегодняшний день – лишь малая толика того, что имеется в архивах.

Разумеется, подытожил В.П. Сафронов, то, что уже опубликовано, создает определенную базу для исследования, прежде всего, по таким проблемам как советско-германские и советско-английские отношения. Но по многим другим проблемам публикации документов явно неудовлетворительные и исследователи должны по-прежнему работать в архивах, хотя сейчас это уже труднее делать, чем раньше. Архивы постепенно закрывают свои фонды, и не исключено, что многие документы будут вскоре опять недоступны для исследователей.

Комментарий составителя. Несмотря на то, что выступление В.П. Сафронова во многом носило фрагментарный характер и преимущественно затрагивало опубликованные, прежде всего дипломатические документы, поднятые в нем вопросы представляют значительный интерес для исследователей. Количество опубликованных советских документов по 1940 г., хотя и неизмеримо (соизмерять практически не с чем!) выросло за последнее десятилетие, но все же остается недостаточным для понимания многообразных процессов внутренней и внешней политики СССР.

Подготовители и комментаторы публикуемых документов должны стремиться к полноте информации о фондах архивов. Невозможно, да и в этом нет необходимости, публиковать все или даже большую часть документов, находящихся в архивах. Однако их отбор должен осуществляться на сугубо научной основе, исходя, прежде всего из важности того или иного документа в общем контексте исторических событий. Комментарий должен нести полезную, дополнительную информацию, облегчающую исследователю ориентацию среди огромного числа опубликованных и поистине необозримого количества неопубликованных документов. Но эта информация не должна быть избыточной и ни в коем случае не носить оценочного характера, если только он не относится к источниковедческому анализу документа. И здесь, конечно, не обойтись без широкого привлечения сотрудников специализированных институтов РАН, знания которых явно недостаточно востребованы при подготовке публикаций документов.

На этом Круглый стол завершил свою работу. Активное и заинтересованное обсуждение актуальных проблем международного развития в 1940 г. дало немало полезного его участникам. Дискуссия обнаружила не только позитивные сдвиги в разработке ряда вопросов, но и лакуны. Так, например, отсутствует целостное представление об изменении соотношения сил в мире после поражения Франции, английском аспекте стратегии прямых и непрямых (периферийных) действий Гитлера в 1940 г., коалиционной стратегии в рамках фашистского блока, о влиянии "фактора США" на политику третьего рейха, отнюдь не исчерпала себя и дискуссия о мотивах и времени окончательного решения Гитлера напасть на СССР и т.д. Все эти проблемы, хотя интерес к ним за последние годы явно снизился, являются актуальными для мировой историографии, особенно под влиянием введения в оборот большого массива ранее неизвестных советских документов. Но еще большее значение они имеют для российской историографии, стоящей перед сложными задачами не только осмысления прошлого собственной страны, но и нового прочтения истории международных отношений, в том числе и событий 1940 г.

Явно недостаточно используются исследования зарубежных историков, причем в возрастающей мере наблюдается острая крайность: если в советской историографии трудно было преодолеть себе исследование международных проблем без учета зарубежной, прежде всего "буржуазной историографии", позволявшей хотя бы в какой-то мере возместить отсутствие возможности работать в архивах, то ныне,

наличие подобной возможности, сплошь и рядом ведет к игнорированию достижений западных коллег. Не случайно, в рамках Круглого стола, хотя и состоялась продуктивная дискуссия по некоторым вопросам, общего впечатления о состоянии международной историографии проблем 1940 г., равно как и основным дискуссионным и неразработанным проблемам в ней так и не сложилось. Последнее в очередной раз привлекло внимание к специфической ситуации в отечественной исторической науке, переживающей в значительной мере период экстенсивного освоения ранее недоступного архивного материала, и, потому во многом замыкающейся на самое себя. Одной из форм преодоления этого, определенно затянувшегося состояния, является обмен мнениями между историками в рамках Круглых столов, которые, как хотелось бы надеяться, являясь некоторым "раздражителем" научной мысли, дадут импульс новым исследованиям.

Материалы Круглого стола систематизировал и комментировал С.З. Случ*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. М., 1999.
2. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000.
3. Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.
4. Советско-румынские отношения 1917–1941 гг. Документы и материалы: В 2-х т. М., 2000.
5. Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001.
6. Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt am Main, 2000.
7. Zwischen Tradition und Revolution: Determinanten und Strukturen sowjetischer Aussenpolitik 1917–1941. Stuttgart, 2000.
8. Elvert J. Mitteleuropa! Deutsche Pläne zur europäischen Neuordnung (1918–1945). Stuttgart, 1999.
9. Christof F. Befriedung im Donauraum: Der Zweite Wiener Schiedsspruch und die deutsch-ungarischen diplomatischen Beziehungen 1939–1942. Frankfurt am Main, 1998.
10. Правда. 1940. 30. IX.
11. Документы внешней политики. 1940–22 июня 1941. М., 1995–1998. Т. XXIII. Кн. 1–2.
12. Документы внешней политики 1939. М., 1992. Т. XXII. Кн. 1–2.
13. Oppenheim L. International Law. London, 1940. Vol. I–II.
14. Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре–декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5, 6.
15. Архив на Министерство на вътрешните работи (АМВР) II Народен съд. А.е. 14.
16. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D: 1937–1941. Baden-Baden, Göttingen, 1950–1970.
17. Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история, 1992, № 6.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 184. Д. 4.
19. Правда. 1940. 28. IX.
20. Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1994. Ч. 1.
21. 1941 год: В 2-х кн. М., 1998.
22. Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы. М., 1991.
23. Фирсов Ф.И. Советско-германские отношения, политика СССР на Балканах в конце 1940 г. и Коминтерн (новые документы) // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941). М., 1992.

* Автор выражает благодарность коллегам: канд. ист. наук Е.П. Серапионовой, д-ру ист. наук А.Л. Шемякину и аспирантам Ю.В. Лобачевой, Н.С. Сахаровой, А.А. Силкину за информационное обеспечение публикуемых материалов.

24. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.
25. Российский государственный военный архив (РГВА), Ф. 500/К. Оп. 3. Д. 129.
26. *Смирнов В.П.* Коминтерн и поражение Франции (По архивам Коминтерна) // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995.
27. *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997.
28. *Лебедева Н.С., Наринский М.М.* Коминтерн и Вторая мировая война 1939–1941 гг. Вступительная статья // Коминтерн и Вторая мировая война 1939–1941 гг. Часть I. М., 1994; Centre and Periphery. The History of the Comintern in the Light of New Documents. Amsterdam, 1996; *Наринский М.М.* Советская внешняя политика и Коминтерн 1939–1941 // Война и политика. 1939–1941. М., 1999.
29. *Димитров Г.* Дневник: (9 март 1933–6 февруари 1949). София, 1997; *Dimitroff G.* Tagebücher 1933–1943. Berlin, 2000. 2 Bde.; *Dimitrov and Stalin, 1934–1943. Letters from the Soviet Archives.* New Haven; London, 2000.
30. *Hillgruber A.* Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung 1940–1941. Bonn, 1965.
31. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. В 3-х т. М., 1969. Т. 2.
32. *Schwendemann H.* Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm? Berlin, 1993.
33. Dokumente zum Unternehmen "Seelöwe". Die geplante deutsche Landung in England. Göttingen, 1959.
34. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) 1940–1945. Bd. 1: 1. August 1940–31. Dezember 1941. Frankfurt am Main, 1965.
35. *Hillgruber A.* England in Hitlers aussenpolitischer Konzeption // Historische Zeitschrift, 1974, Bd. 218, H. 1.
36. Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990.
37. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов. М., 2000.
38. Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М., 2000.
39. Зимняя война 1939–1940 г. Кн. 2. И.В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М., 1998.
40. Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940: По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000.
41. Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7–1). М., 1997.
42. Русский архив: Великая Отечественная. Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. Т. 12 (1). М., 1993.
43. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937–22 июня 1941 г. Т. 13 (2–1). – М., 1994.
44. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. М., 1995. Т. 1: Накануне. Кн. 1: Ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.
45. *Марьина В.В.* Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
46. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 835.
47. *Марьина В.В.* Э. Бенеш: Последний визит в Москву (март 1945 г.). Документальный очерк // Славяноведение. 1996. № 6.

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА "РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ"

14 декабря 2000 г. в Отделе истории культуры Института славяноведения в рамках исследовательского проекта "Сакральное и светское в славянской культуре" прошел Круглый стол "Религиозные мотивы в славянской культуре". Главная его тема – соотношение светских и религиозных элементов культуры. Участники Круглого стола рассмотрели различные эпохи: те, в которых язык светской культуры использовался в сакральной сфере, в которых сакральное начало не стремится к пересечению границ со светским; в которых светская сфера пытается овладеть сакральным языком. Участники обсуждения обратились и к "атеистическим" эпохам, где борьба с религией ведется в столь активных формах, что позволяет предположить слабо вытесненную значимость сакрального, о чем свидетельствуют многочисленные заимствования из репертуара его тем и мотивов. Таким образом, оппозиция сакральное/светское предстает в различных ипостасях, что придает ее исследованию глубину и завершенность.

Оппозиция сакральное/светское – одна из основополагающих для любой культуры. Она определяет характер историко-культурных эпох, характеризует пространство культуры и ментальность общества, разводит мирское и священное, а также определяет их отношения. То, что в одну эпоху находится в зоне сакрального, в другую оказывается в сфере светской. Осознаваемые ранее как сакральные, например, феномены народной культуры утрачивают первоначальные значения и переходят в разряд мифопоэтических. Основные значения религиозной культуры, оставаясь неизменными, уже не доминируют на всем ее пространстве.

Реализуется эта оппозиция не только в соотношении религиозного и светского, так как в пространстве культуры продолжают существовать архаические представления о сакральном. Кроме того, в ней возникают и другие сакрально отмеченные феномены. Противостояние светского и сакрального нельзя назвать незыблемым. Оно не дано раз и навсегда, и граница между светским и сакральным постоянно видоизменяется, влияя на тип культуры. В ней возникают формы смешанного типа, вообще свойственные славянскому миру.

Нарушение границы между сакральным и светским порождает особые культурные пограничья, где появляются новые феномены синтезированного типа, в которых сакральное содержание передается в светских формах, а светские идеи получают воплощение в терминах сакрального. Так как способов нарушения границы между сакральным и светским существует великое множество, то всякий раз это происходит по-разному. Все они способствуют возникновению светских текстов сакрализованного типа или десакрализации священного слова и изображения. Эти новые формы характеризуются особым типом поведения в культурном контексте.

Круглый стол был проведен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 00-06-80181а).

Очевидно, что соотношение сакрального и светского различно проявляется в разные эпохи. Когда сакральное стремится к изоляции от светского, они находятся в состоянии покоя. Эта картина преобразуется с попытками светской сферы культуры овладеть сакральным языком и использовать его с целью создания сакрализованных форм. Кроме того, сакральная сфера культуры вбирает светское влияние, использует элементы языка светской культуры с тем, чтобы расширить сферу своего воздействия и добиться от общества максимально адекватного восприятия религиозных ценностей, не лишая их присущей им высокой позиции. Этот процесс различен в православном и католическом кругах славянской культуры.

Синтез сакрального и светского совершается естественным путем, складывается постепенно и входит в пространство культуры надолго, как, например, мифологема власти в русской культуре. Может он быть и результатом насилия над культурной ситуацией и формироваться искусственно. Тогда некоторые тексты меняют свой ранг и переносятся из одной сферы культуры в другую, становясь сакрализованными или десакрализованными, что наблюдается, в том числе, в советскую эпоху. Бывает этот синтез проявлением воли художника или знаком целой историко-культурной эпохи, как барокко или романтизма. Сакрализованные формы не застывают в неизменном виде и наделяются множеством культурных коннотаций, чему способствуют как их общий контекст, так и активизация различных механизмов культуры. Одним из наиболее распространенных способов нарушения границы между сакральным и светским является введение сакральных мотивов в светское пространство культуры. Они появляются в свернутой форме, переносятся в виде цитаты, парацитаты, сюжетного эпизода, сохраняя свое значение, повышая ранг светского произведения, обогащая его семантическую структуру.

Анализ сакрализованных форм свидетельствует о том, как и в каких терминах происходит сакрализация истории, выдающихся исторических персонажей и событий, какую роль играет сакрализация знания о мире в развитии науки. Он показывает, как в синтезе сакрального и светского формируются идеологические течения, например польский мессианизм или идеология балканских национально-освободительных движений, как решается проблема власти в различные исторические эпохи. Очевидно, что не только история и власть, наука и идеология воспринимаются обществом как священные. Искусство в славянском мире также подлежит сакрализации, что подтверждается отношением не только к творчеству, но и к имени и биографии творца (Пушкин, Мицкевич), устойчивым представлением о его сакральной миссии. Соответственно, стремление превратить художника в священную фигуру порой сменяется попытками его развенчать, что также органично входит в процесс взаимодействия сакрального и светского. В культуре всегда происходит процесс, обратный сакрализации, – десакрализация. Она не превращает культурный феномен в светский, но стремится отказать ему в прежде придававшихся ему смыслах самыми различными способами. Заметим, что сакрализация художника отнюдь не всегда зависит от его подлинной роли в искусстве. Личная судьба, участие в социально значимых общественных процессах часто становятся определяющими факторами в отнесении его к ряду особо отмеченных персонажей в истории культуры. То же происходит и с произведениями, чья малая эстетическая ценность не замечается благодаря тому общественному звучанию, которое они имеют или которое им приписывается.

© 2001 г. Л.А. Софронова, д-р филол. наук

Синтез священного и государственного начал отчетливо проявился в славянских странах эпохи Средневековья, явившегося временем становления и расцвета государственности. Последовавшая затем потеря независимости частью славянских стран превратила эту эпоху в историческом сознании славян периода Национального возрождения в "золотой век". Священными стали памятники истории: летописи и хроники, своды законов, предания о великих государях и ратных подвигах. Памятники

средневековой архитектуры также расценивались как исторические свидетельства. Вновь усилился культ святых властителей: Вацлава, Владимира Святославича, Александра Невского, династии Неманичей. Среди церковных деятелей прошлого особый пиетет вызывали те, кто непосредственно был связан с политической жизнью: утверждавшие христианство, благословлявшие на борьбу с врагами, поддерживавшие политику централизации. Сохраняли свое значение религиозные святыни – храмы, монастыри, чудотворные иконы, в почитании которых выделялись мотивы святого заступничества и покровительства. Так в XIX в. формировалось понимание святынь славянского мира как синкретического религиозно-государственно-национального феномена. В XX в. особое внимание уделялось духовным подвижникам и религиозно-культурным деятелям, таким как Иоанн Рильский, Евфимий Тырновский, Нил Сорский, Максим Грек, Паисий Величковский.

Особое место занимают святые просветители Кирилл и Мефодий, непосредственно связывающие сакральную и светскую сферы культуры. Хотя разделение европейского христианства на православие и католичество (практически с X в.) прошло по живому телу славянского мира, а последующее противостояние конфессий, усугубленное появлением гусизма, протестантизма и униатства, сделало невозможным существование единого корпуса церковных святынь, тем не менее на фоне бесконечных распрей явственно сохранялось кирилло-мефодиевское религиозно-культурное наследие. Канонизированные в православии в конце X в., эти святые благодаря усилиям чешского короля и императора Священной Римской империи Карла IV с середины XIV в. почитались католиками. Хорватские монахи-бенедиктинцы ("глаголяши") сохраняют глаголицу как священное письмо. В Праге основывается монастырь "На Слованех", где приглашенные "глаголяши" служат по-церковно-славянски, а в перечне его патронов почетные первые места отведены солунским братьям. Реформаторы (гуситы и протестанты) также подчеркивали славянский характер их просветительства.

Среди историко-религиозных памятников славянского Средневековья своим глубоким влиянием на историческое сознание не только отдельных славянских народов, но и более широкого славянского ареала, выделяется еще несколько феноменов. Чешский князь Вацлав (907–929), первенствующий в иерархии чешских святых, почитался в Польше, на Руси (как Вячеслав), а также в Германии (как Венцель). Его культ в Чехии весьма специфичен и заметно превосходит культы национальных святых властителей в других странах, так как, являя собой образ князя-христианина, совмещая черты монарха и монаха, он стал не только "небесным патроном" Чехии, но и ее "вечным властителем", предводителем "Небесного Иерусалима". Карл IV в принадлежащей его перу редакции Жития св. Вацлава подчеркивал, что верховная власть – это особая ответственная форма служения Богу. Монарх, заботящийся как отец обо всех своих поданных, одновременно предстательствует за них перед Богом, покровительствуя всей "челяди святого Вацлава". Так образ государя приобретал сакральные черты.

Польша не явила подобного примера государственно-церковного синтеза. Напротив, в ее исторической традиции эти два начала противостоят. Для нее характерен культ небесного покровителя Польши Станислава – краковского епископа, убитого по приказу Болеслава Храброго в 1079 г. Вина власти перед церковью настолько вошла в польскую традицию, что в обряд коронации было включено покаяние коронуемого государя за грех его предшественника перед гробницей св. Станислава.

Отсутствие сакрализованной фигуры властителя обусловило обращение к чудотворной иконе Ченстоховской Божьей Матери. В 1717 г. она была увенчана папской короной, что возвело ее в ряд крупнейших святынь католического мира. После разделов Польши Ясногурский монастырь, где находится икона, стал не только религиозным, но и национально-духовным центром всех поляков, символом польской идентичности. При этом она оставалась и православной святыней, была самым распространенным священным изображением для всего населения Речи Посполитой.

В униатских и православных церквях, в хатах западных украинцев и белорусов списки и реплики иконы всегда находились на почетном месте. Таким образом, икона сохраняла общехристианское значение, спланивая конфессионально и этнически славянское население Речи Посполитой.

В Болгарии, при отсутствии общebolгарского религиозного центра, процесс формирования корпуса общенациональных святых остался незавершенным. В этом свою роль сыграла экспансия греческого духовенства, а также культ св. воинов Георгия и Димитрия Солунского как защитников всех православных от турецкого ига. К середине XV в. наиболее почитаемым из болгарских святых стал аскет-подвижник Иоанн Рильский (876–946). В XIX в., в эпоху Национального возрождения, Рильский монастырь приобретает черты религиозного и культурного центра Болгарии. Насыщенный обильным живописным повествованием на темы Священного Писания и болгарской церковной истории, выполненный в несколько наивном стиле, отвечающем болгарскому народному религиозному сознанию, он сохранил православные ценности во времена османского господства.

В сербской традиции ведущее место заняла династия Неманичей, прежде всего св. Савва (1169–1237). Соединение священного и мирского, государственного и церковного именно в Сербии дало наиболее результативный синтез, сформировав специфику самосознания сербов. Нигде в Европе сакрализация правящей династии (почти всей!) не приобрела таких масштабов, как в Сербии. Канонизированы были крупнейшие политические деятели: Стефан Первовенчанный, князья Лазарь, Милутин, Урош и многие другие. "Святородность" династии нашла воплощение в искусстве. Появилось родословное древо Неманичей, созданное по подобию "Древа Иисеева" – родословной Иисуса Христа. Впервые это изображение (1315) встречается на стенах монастыря Грачаница. В главной сербской святыне, монастыре Студеница, оно помещено на стене входной башни, чтобы каждый верующий мог осознать особый статус – хриstopодобный – правящей династии.

Итак, в славянском мире, за редкими исключениями, существовала гармония сакрального и светского (государственного), что отличает его от Запада и Византии с их извечным противостоянием церковного и государственного начал.

© 2001 г. Г.П. МЕЛЬНИКОВ, канд. ист. наук

Сравнительный анализ сочинений второй половины XVI в. о путешествии в Святую Землю, принадлежащих перу польского магната М. Радзивилла Сиротки и русского купца В. Позднякова, которые были чрезвычайно популярны и многократно переписывались, показывает, что их сходства и различия существенны для выяснения соотношения сакрального и светского, а также для восприятия сакрального, разнящегося в православном и католическом мире. Оба автора следуют заданному канону, не имевшему кардинальных отличий в католической и православной литературе. Существенны расхождения в той части паломнического рассказа, которая жестко каноном не задана. Это сфера авторских комментариев, а также внесюжетные вставки, среди которых наиболее значимы "легендарные чудеса". Именно в них наиболее ярко проявилась позиция автора, а также религиозные и этнические стереотипы. Объединяет их тема сохранения традиционной веры в условиях иноконфессионального окружения.

Наибольшее число чудес приведено Поздняковым, который явно не нуждался в их рационализации. Он поверял их только религиозным чувствованием, а не наблюдением. Польский же автор отдает предпочтение тем чудесным явлениям, которые мог наблюдать сам, также отвергая рациональное восприятие, что он специально оговаривает. Таковы его размышления о следах рук и колен Иисуса, сохранившихся на месте его падения с крестом во время Страстного пути. Но построены они достаточно рационально. Радзивилл, последовательно опровергая всякое иное, кроме чудесного, объяснение происхождения этих следов, пишет, что они сохранились, хотя

находятся под открытым небом, что немало людей целовало их за тысячу лет, что камень мог бы стереться со временем, но сохранился на удивление хорошо. Никто не может сказать, что эти следы обновляли, – утверждает он. Это и невозможно, так как они находятся рядом с общественной дорогой. Рассмотрев реальные условия существования священных знаков, автор сообщает, что они не сотворены человеческой рукой. Заметим, что Поздняков вообще не упоминает о них.

Главные действующие лица в обоих повествованиях – христианские священники и монахи, на которых обрушиваются гонения не-христиан. Если в паломничестве Радзивилла это – только турки-мусульмане, то в тексте русского хождения кроме них активно действуют иудеи. Представители этих конфессий не просто посрамляются, но и наказываются Богом. Радзивилл называет турок язычниками (погаными), а не только мусульманами, но акцент у него смещен в сторону этнической составляющей. Для Позднякова вероисповедание отрицательных персонажей много важнее всех иных характеристик, оно в каком-то смысле заменяет их. Часто в чудесах не-христиане занимают высокое положение в социальной иерархии, что примечательно. В одной из легенд веру православного патриарха испытывают двое – турецкий "царь", "вельми злой на христиан", и его врач-жидовин, ставший инициатором этой проверки и задумавший погубить православных в Египте. Судя по тому, как прошло испытание, вину еврея автор расценивает как наибольшую, хотя и заявляет: "Мы вашей турецкой веры не хулим, и жидовския же не хулим же; а наша прямая православная вера добрая". Итак, "чудеса" в том и в другом сочинении преследуют общую цель – доказать единственность истинной веры и носят характер аргументации в пользу вероисповедания автора.

Кроме того, различия в описании "легендарных чудес" состоят в их функциональном значении. Для Радзивилла апелляция к чуду всегда оправдана и органично входит в контекст повествования. Она "приписана" к конкретному локусу, святыне или деянию. Это позволяет предположить, что функция чуда в польском памятнике предельно ясна. Она задана собственным "планом", или "программой", автора. Исключением подтверждением служит тот факт, что в описании чуда, за редким исключением, отсутствует личное к нему отношение. Описание чудес лаконично, в нем нет лишних эпитетов и подробностей. Они приближаются к фактам истории (причем неважно какой – библейской, античной или недавней) и всегда находятся в общем с ними ряду. Их описание лишено эмоционального начала, они больше похожи на заметки хрониста. Совершенно иначе выглядят подобные экскурсы в тексте православного паломника. Зачастую они мало связаны с конкретным изложением, иногда их появление вообще ничем не объяснено, и потому они, действительно, кажутся вставными. Легенды о чудесах очень пространны, иногда даже превышают по объему описания святынь. Автор не просто сочувствует героям, но переживает за них, что еще раз подчеркивает отношение повествователя к чуду.

У Позднякова наиболее часто фигурируют Богородица, Николай Угодник. У Радзивилла – Бог, поддержка Иисуса в делах человеческих деперсонализирована и проявляется опосредованно. Католический паломник неоднократно подчеркивает внутреннюю, "сердечную" связь с Иисусом, отражающуюся не в действиях или видениях, но в тайном общении человека и Бога, в акте их мистического единения. Молитва играет ключевую роль в чудесах: она обязательно предваряет их, они и происходят после мольбы верующего. Описание молитвенного обращения в текстах православного и католического авторов различно. Например, для Радзивилла имеет значение место и обстоятельства молитвы: произносится ли она в храме, во время службы или нет, вместе с монахами или мирянами. Важно для него внутреннее состояние молящегося и то, к кому обращена молитва. Переживания молитвенного акта столь глубоко сокрыты от окружающих, что явственная причинно-следственная связь между молитвой и чудом обычно не очевидна для них. В описании Позднякова обращает на себя внимание эмоциональное состояние творящего молитву. Оно выра-

жается самым непосредственным образом и часто сопровождается слезами умиления, жалости, скорби. Переживает его группа молящихся, а не один человек. Плачут и ликут в слезах они сообща, сопереживая молитве и чуду.

Введение "легендарных чудес" в тексты паломничеств предоставляет читателю убедительные примеры, доказывающие "правильность" его веры, что многократно усиливается тем обстоятельством, что действие рассказа происходит в сердце всех христианских святынь, в Иерусалиме.

© 2001 г. *М.В. ЛЕСКИНЕН*, канд. ист. наук

Сложнейшие процессы, происходившие в русской культуре XVII в., обычно называют "обмирщением веры", что не совсем верно, поскольку не вера стала светской, "обмирщилась", а мир переживал сакрализацию, лишаясь одномерных значений. Так нарушалась граница, разделявшая в системе ценностей высокое и низкое. Негативная оценка всего мирского, "внешнего" препятствовала проникновению светских черт в искусство и литературу, но все же их элементы и ранее проникали в иконы и фрески, попадали на страницы учительной литературы, естественно, в минимальной степени, как уступка мирскому началу, отношение к которому должно было смягчиться, перед тем как в дальнейшем произойдет смешение сакрального и светского.

Потому происходила своеобразная "вторичная сакрализация жизни", начавшаяся с оправдания человека, его плоти. В XVII в. возрождается античное определение человека как микрокосма. Так, Карион Истомир пишет о человеке-микрокосмосе, малом мире, подобном макрокосмосу. В "Толковании нужнейших вещей" человек обьявляется изоморфным небу и земле: его "вышняя" часть уподобляется небу, нижняя – земле. Это, по существу, светское определение объединяет в единое целое тело и душу, снимая тем самым отрицательную маркированность плоти.

Следующий шаг в оправдании человека, а через него и "суетного мира" – защита человеческого стремления к "внешнему", под которым понимался материальный мир, телесная красота, вообще все мирское, а также чужое, "неверное", "поганое". Внутренний мир – мир православной веры, полный благодати, благолепия, благочиния. Внешний – мир зла, суеты, "дьявольской пестроты", адской тьмы. Различались также писания, как "внешние" и "внутренние". Под "внутренним" понималось Священное Писание, под "внешними" – вся не-христианская письменность. Чтение "внешних" книг, произведений античной мифологии разрешалось ради познания, о чем писал автор предисловия (возможно, Феофилакт Лопатинский) к книге Полидора Вергилия Урбинского "О изобретателях вещей". Он утверждал, что читать можно книги "различны", не только христианские, но "еллинов", египтян и персов, которым не следует верить, но знать их должно. Он призывал концентрироваться на "внешнем" знании, заложенном в переводных книгах, несущем несомненную пользу "внешнему человеку". Мыслители XVII – начала XVIII в. доказывали, что "внешнее" не есть негативное, что телесное здоровье влечет за собой душевное, что чтение "внешних" мудрецов обогащает разум и не развращает веры. Требования "мирского образа жизни для мирян" звучат у Юрия Крижанича в "Политике", у Леонтия Магницкого в "Арифметике".

Особое значение приобретает защита "внешнего"-светского в первых сочинениях о художествах. В известном "Послании некоего изуграфа Иосифа к цареву изуграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу" утверждалась новая "живоподобная" манера иконописания, называемая "премудрой". Его автор, иконописец Иосиф Владимиров, ратовал за то, чтобы всякий образ или икона новая "светло" и "румяно", "тенно" и "живоподобне" изображалась. Внимание художника, таким образом, должно быть обращено на "внешнего человека", на его телесность. Если ранее зримо показывалось то, что невозможно видеть телесными глазами, то теперь перед ним

ставилась задача изображать то, что очами видимо. В основу искусства Нового времени закладывался принцип "зеркала", о чем писал Симон Ушаков в "Слове к люботщательному иконного писания", называя художника "вторым зеркалом". Иосиф Владимиров указывал, что "премудрость" мастера состоит в зеркальном отображении красоты внешнего мира. Чтобы облегчить задачу художника, Симон составил "Алфавит", атлас с зарисовками человеческого тела в разных ракурсах. Одним из важнейших положений в трактатах защитников "светловидной манеры письма" было признание независимости красоты от вероисповедания мастера, ее сотворившего. Иосиф Владимиров разоблачал "нечестивых человек", упрекавших художников в том, что внешняя телесная красота на их картинах соблазняет христиан. Стимулом ему послужил спор с сербским архидьяконом Иоанном Плешковичем по поводу "живописанного" образа Марии Магдалины. Живописец остроумно отводит аргументы архидьякона, выступавшего против новизны. Он как бы спрашивает Плешковича, посмеет ли он портрет русского царя "поставить в бане для ругательства" только за то, что он написан иностранцем? Ответ на сей риторический вопрос ясен. Никто не посмеет пренебречь "персонью царскою за майстроту иностранных художеств".

Появляется плеяда ученых монахов, признававших пользу "внешней" мудрости – светского знания. Среди них Симеон Полоцкий, Иосиф Туробойский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович. По определению Н. Дилецкого, данному им в "Мусикийской грамматике", все они воплощали образ нового духовенства, внесли свою лепту в утверждение права на существование "внешнего" знания, то только подчиняясь государственной культурной политике, то как Иоанникий Галатовский, глубоко осознавая неизбежность проникновения светских знаний в сакральную сферу культуры. В особенности в проповеди – люди любят узнавать нечто новое и необычное, содержащееся во "внешних лжах и баснях". Священнослужители нового типа, подобно автору "Статира", испытали на себе ненависть тех, кого Ю. Крижанич называл приверженцами "мудроборской ереси", а И. Туробойский – "невегласами, ничто же ведающими".

Итак, культура постепенно превращалась в светскую ("для ведения" и "искусства"), получив тем самым импульс для своего развития, чему способствовало формирование нового отношения ко всему мирскому, затем не раз испытывавшему влияние со стороны сакрального.

© 2001 г. Л.А. ЧЕРНАЯ, д-р ист. наук

В довольно пестрой картине театральной жизни Чешских земель в XVIII в. значительное место принадлежало театру пиаров (*Ordo clericorum regularium pauperum Matris Dei scholarum piarum*). Этот орден был основан в Риме в 1597 г. и ставил своей целью учить "божественным наукам", заботиться о бедных учениках (*pietate et litteris*). Он появился в Чешских землях сначала в Литомышле (1640) и через города Слане, Остров у Карловых Вар, Кромнержиш, а в XVIII в. – Бенешов, Ческе Будеевице и Нови Бор достиг Праги. Документы о театральной и литературной деятельности пиаров сохранились не в Праге, а в районном архиве г. Пршеров, в частности, сведения о 153 спектаклях, поставленных учащимися школ ордена. Отметим, что пиарский орден реже, чем другие, прибегал к театру как средству обучения, опасаясь, что он будет отвлекать учащихся от занятий. Но, подобно другим орденам, и пиары смотрели на театр как на своеобразную подготовку к публичным выступлениям, средство воспитания у актеров и зрителей "чувства сцены".

Этот театр начинал с декламаций, помогавших ученикам освоить чтение стихотворных текстов и начала ораторского искусства. Во второй половине XVIII в. он ставил пьесы, которые уже назывались "трагедией" либо "комедией". Большинство из них состояло из трех-пяти действий (*actus*), каждое действие – из нескольких сцен (*scaena*). Пьесу, как правило, открывало музыкальное выступление. Паузы между

актами заполняли хоры, объяснявшие содержание пьесы, интермедии, пантомимы, балетные вставки. Музыкальные номера (*aria*) либо изначально составляли часть пьесы, либо "стихийно", по ходу действия вводились в отдельные сцены. Так выполнялись правила театральной поэтики, изложенные во многих руководствах, в том числе в иезуитских "Науке об ораторском искусстве и поэтике" (1768), "Очерке гуманитарных дисциплин" Б. Бальбина (1666). Главными видами драм в обоих сочинениях назывались трагедия и комедия. Для трагедии предлагалось выбирать печальные либо "жестокие" случаи из жизни знати, ориентируясь на истинные события, имевшие место в отдаленных местах и временах. Комедии, по мысли авторов, высмеивали мелкие человеческие ошибки и прегрешения. Обоим жанрам должно было иметь в основе исторический материал, в реальное действие не следовало допускать аллегорические фигуры. Их место было за его пределами, в хорах и декламациях.

В XVII в. пиарские пьесы имели религиозную тематику. Это были пьесы рождественские и пасхальные, изобиловавшие аллегорическими фигурами, превращавшими их в одну единую аллгорию. Панегирические пьесы также были аллегорическими, как, например, "Спасение Йоппе" (Кромнержиш, 1698), в которой Персей олицетворяет оломоуцкого архиепископа Карла, прибывшего с визитом в кромнержишскую резиденцию.

Менее типичными для пиарской драматургии были пьесы о христианских добродетелях. Такова "Невинность, одерживающая победу над завистью" (1727). Их аллегорический характер поддерживали хоры, содержание которых нередко имело весьма слабую религиозную окраску. Репертуар пиаров не обходился без пьес из жизни святых, в которых с начала XVIII в. присутствовали светские элементы.

С точки зрения соотношения сакрального и светского начал интересную группу пьес середины XVIII в. составляют те, в которых религиозное начало обогащалось светскими элементами. Примером такой драмы может служить "Упорство Амбросия и покаяние Теодосия" (Липник, 1762 г.). Архиепископ Амбросий принуждает к покаянию императора Теодосия Великого, совершившего неблагоприятный поступок. Призыв к покаянию перемежается сценками из жизни, изображающими заботы и дела "маленьких" людей: развлекается группа молодежи, безуспешно пытается обобрать крестьянина, продающего сыры; не обошлось без традиционной комической фигуры еврея, который за какую-то провинность должен съесть нашпигованную свиной колбасу. Все эти сценки почти дословно через 72 года повторит Й.К. Тыл в "Фидловачке", и критика назовет их "симфонией городской жизни". Пьеса "Упорство Амбросия и покаяние Теодосия", подобно всем драматическим произведениям этого времени, написана по-латыни, но впервые именно здесь встречается чешская фраза – "ani za fajfku tabáku nestojeji" ("за них – лихоимцев-дворян – я не отдал бы и трубки табаку").

Смешение мотивов светских и сакральных жанров, появление действующих лиц "из жизни", проникновение разговорного чешского языка на сцену свидетельствуют о том, что театр вступил на путь, ведущий от сакрального к светскому. Рассматривая в хронологическом порядке пиарские пьесы, в них можно обнаружить все усиливающуюся склонность к комедийным сценам, приводящую к формированию собственно комедии. Отметим, что все эти жанровые изменения тесно связаны с выбором языка на театральной сцене. С 60–70-х годов XVIII в. латынь постепенно отходит на задний план, и "партнером" чешского становится немецкий язык; прежде всего в комических сценах, но уже и не только в них. Его присутствие объясняется не только общей тенденцией к распространению немецкого во всех землях Австрийской монархии. Следовательно, относительно этого этапа развития театра речь идет не о противопоставлении двух языков, немецкого и чешского, которое вскоре станет характерным для эпохи чешского национального возрождения, а о противоборстве языка сакрального и *běžní čestiny*, т.е. разговорной речи торговцев и ремесленников (латынь versus немецкий).

В заключение скажем, что пиарский театр в Чешских землях в XVIII в. своей толерантностью, спокойным отношением к чешскому языку, склонностью к комедийным жанрам, а также динамичным "продвижением" по пути от театра сакрального к театру светскому, выполнял роль своеобразного противовеса театру иезуитскому, наступательный характер которого еще долгое время будет ощущаться в сценическом искусстве Чехии.

© 2001 г. Л.Н. ТИТОВА, д-р филол. наук

Современники прочитывали Пушкина совсем не так, как прочитывают его ныне, и это естественно. Понять великого поэта означает реконструировать культуру эпохи, в которую он творил. История не сводится к "проблеме осознанных мотивов", которые остается только расшифровать исследователю иных времен. "Труды и дни" ушедших поколений всегда скрывают некую тайну. Уже через несколько лет многое стирается в памяти просто потому, что "об этом хочется забыть". Разгадка "тайны Пушкина" лежит в постижении его времени. Оно представляется значительно менее понятным, чем даже более отдаленные исторические периоды. Русский XVIII в. гораздо более изучен и запотоколирован, чем I-я четверть XIX в. Нечто подобное можно сказать о любой переходной эпохе, когда новые веяния накладываются на старое и преобразуют его порой до неузнаваемости. Но уже через поколение духовный климат резко меняется. Следствием является то, что недавнее прошлое начинает рассматриваться через призму настоящего.

Пушкин был сыном александровского времени, которое все чаще именуется эпохой "просвещенного мистицизма". Тогда он сформировался как личность. Пушкин не был склонен к отвлеченным рассуждениям. На первый взгляд, его не волновали такие вопросы, как бытие природы и место человека в мире природы. Пушкин был прежде всего художником. Временами кажется, что любая попытка понять натурфилософию Пушкина оказывается чем-то вроде погони за призраками. Необычность этой проблемы привела к тому, что ее старательно обходили в многочисленных пушкиноведческих штудиях. Единственно О.М. Гершензон сделал попытку осветить ее. Он справедливо писал о метафизике поэта, т.е. о целостном представлении о строе и закономерности Вселенной, без чего невозможно даже просто мысленное существование, тем более творчество. Действительно, любое созидание опирается на устойчивую философскую основу. Ее Гершензон увидел в стихии огня. По его мнению, поэт мыслил жизнь как горение, а смерть – как угасание. Пытаясь разгадать "тайну Пушкина", Гершензон обращает взор к досократикам. По его мнению, метафизика великого русского поэта повторяет в общих чертах метафизику Гераклита. Однако встает вопрос: где искать связующие нити между античным мыслителем и Пушкиным? Ведь наверняка о Гераклите он имел самое смутное понятие. Даже имени эфесского мудреца Пушкин нигде не упоминает. Очевидно, что найти ответ можно только в эзотерической философии эпохи "просвещенного мистицизма".

В поле зрения, прежде всего, попадает масонство. Но сразу же следует оговориться. Натурфилософия русских "вольных каменщиков" мало изучена. Это объясняется тем, что внимание исследователей сосредоточивалось на этических проблемах, ибо они представлялись главными в понимании мира и природы. Натура же у масонов выступала не просто как макрокосм, а как макроантропос, как нечто зависимое и определяемое через человека. Другими словами, закономерности человеческого бытия они распространяли на природу, ибо человек – высшее из творений Божиих и "экстракт всех вещей". Они также не уделяли большого внимания чисто натурфилософским проблемам. Их восприятие природы подчас выражалось лишь в беглых намеках, расшифровать которые легче всего опираясь на труды предшественников "вольных каменщиков", признаваемых ими самими за авторитеты.

Анонимный автор "Размышления о науке масонской" (Магазин свободнокаменщи-ческий. Т. 1. Ч. 2) называет душу человека магическим огнем из Натуры Бога Отца, что соотносится с алхимическими воззрениями, согласно которым огонь, наравне с водой, представляет собой основную жизненную субстанцию. К.Г. Юнг часто приводит апокрифические слова Христа (из сочинений Оригена): "Кто возле меня, тот возле огня", разъясняя, что эзотерический Христос есть источник огня. Главная масонская метафора уподобляет душу человека и неотесанному камню, созданному из огня и возвращающемуся в него. Алхимические философы и воду (*aqua postra*) представляли как огонь (*ignis*). Источник символизировал у них не только течение жизни, но и ее теплоту, жар, секрет страсти, синонимом которой всегда является огненность. Эти примеры позволяют предположить, что "вечный огонь" Гераклита мог прийти к Пушкину через масонские штудии.

"Московские розенкрейцеры" уделяли большое внимание алхимии. Это подтверждает значительное число алхимических книг, изданных Н.И. Новиковым. Правда, он сам свидетельствовал в своих показаниях, что "розенкрейцеры" сделали в этом направлении только первые шаги. Практических лабораторий они не создавали, довольствуясь лишь умозрительными опытами. Однако, по мысли Юнга, предмет алхимии – не исследование природы, а сфера психологии и философии. Для алхимика такое значение имеет психологический настрой, сопровождающий его действия. Таким образом, алхимия – вовсе не наука в современном смысле слова, а один из способов мировосприятия. Именно так ее понимали русские масоны. Скорее всего, алхимических трудов Пушкин не читал. Но носившиеся в атмосфере "просвещенного мистицизма" отзвуки розенкрейцества не могли не произвести на склонного к таинственному поэта глубокого впечатления.

Метафизика Пушкина представляется переводом основных алхимических (правда, точнее было бы сказать – розенкрейцеровских) воззрений на язык XIX в. Ю.М. Лотман полагал, что специфика творческого мышления Пушкина отливается "в трех-членную парадигму, первую, вторую и третью позиции которой занимали сложные и многоаспектные символические образы, конкретное содержание которых раскрывалось лишь в их взаимном отношении при реализации парадигмы в том или ином тексте" (*Лотман Ю.М. Замысел стихотворения о последнем дне Помпеи // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 2. С. 447*). Некоторые из выделенных им позиций звучат совершенно по-масонски. Такова чисто мифологическая проекция: вода (= огонь) – обработанный металл или камень – человек. Исследователь разъясняет, что вторые члены парадигмы истолковываются различно: культура, *ratio*, власть, город, законы истории. Тогда первый компонент будет трансформироваться в понятия "природа", "бессодержательная стихия". Однако ни одна из этих возможностей никогда у Пушкина не выступает как единственная. Парадигма у него дана во всех своих потенциально возможных проявлениях. Несовместимость этих проявлений придает образам глубину незаконченности, возможность отвечать не только на вопросы современников Пушкина, но и на будущие вопросы потомков.

Духовный мир русского поэта много сложнее, чем у античных досократиков, алхимических философов Средневековья и розенкрейцеров, порожденных эпохой барокко. Пушкин был сыном своего времени. Воспитанный в духовной атмосфере "просвещенного мистицизма", он до конца своих дней не отрешился от "впечатлений молодости". Впрочем, Пушкин скорее всего и не стремился к этому, ибо "заметы юности" казались ему гораздо более поэтическими, чем сухой практицизм и трезвый позитивизм наступающего "денежного века". Здесь разгадка столь необычного на современный взгляд мировосприятия Пушкина. Рядом со своими сверстниками, шеллингианцами Е.А. Баратынским и Д.В. Веневитиновым, он представляется принадлежащим к другому, более раннему поколению. Но было бы ошибкой тесно связывать его с каким-нибудь определенным "мистическим толком" (масонством, сведенборгианством) 1-й четверти XIX в. Сравнивая Пушкина с великими современ-

никами (Байроном, Мицкевичем), В.С. Соловьев справедливо называет его выразителем чистой поэзии. Эзотерика, с которой поэт близко соприкасался в отрочестве и юности, навсегда осталась для него более эстетической и привлекательной, чем любые новейшие философские умствования, вникать в которые у него не было большой охоты.

© 2001 г. *В. И. НОВИКОВ*, канд. филол. наук

Обращенное к польской эмиграции "Послание братьям-изгнанникам" К. Бродзиньского (1835), занимающее особое место в его историософии, принадлежит к манифестам польского мессианизма: в нем концепция польской истории приобретает законченные очертания, и художественные и историософские. "Послание" представляет синтез религиозных (в том числе милленаристских), исторических и политических идей. В нем знаменательно сочетаются языки религии и истории, что соответствует польским традициям того времени, когда светская история рассматривалась сквозь призму священной; она не только давала форму выражения, но и была источником историко-политических идей.

Стиль "Послания" в значительной степени восходит к Ветхому Завету, что определяется, в том числе польскими поэтическими традициями рубежа XVIII–XIX вв. Сам Бродзиньский как поэт часто обращался к ветхозаветным текстам. Он сделал переложение "Книги Иова", несколько поэтических парафраз "Палача Иеремии", образы которого ассоциируются с бедственным положением польского народа, его разбитой армии, а судьба "дщери Сиона" – опустевшего и безлюдного, а затем разрушенного Иерусалима – напоминает судьбу покоренной русскими Варшавы. Таким образом, общественно-политическая ситуация, в которой Бродзиньский создавал свою историософию, способствовала обращению к библейским текстам.

Сюжеты Ветхого Завета, представляющие драму израильского народа, насыщенные отчаянием, атмосферой скитаний и мытарств, перекликались с исторической ситуацией, в которой оказалась польская нация после 1831 г. Чтобы интерпретировать польскую историю, связать прошлое, настоящее и будущее народа единой концепцией, Бродзиньский в "Послании братьям-изгнанникам" обращается к аналогиям в истории божественной, ища в ней знаки национальной судьбы, предназначенной Богом. Избранничество польского народа подтверждается очевидным сходством его судьбы с судьбой Израила. Подобно еврейскому народу, взыскующему Земли Обетованной, он находится "в рассеянии". Символичным для Бродзиньского является то, что "сорок лет искал Израиль святую землю" – ведь со времени последнего раздела Польши к тому времени прошло около сорока лет.

Библейский Иов становится "фигурой" польской истории, учит беззаветной покорности Божьей воле, что позволяет Бродзиньскому подчеркнуть значение пассивности и терпения для исторических судеб Польши. Его образ раскрывает смысл страдания, посылаемого Богом праведнику. Он, страдая, остается верен Богу, за что оказывается вознагражденным. Он выдержал все испытания терпеливо и смиренно, не роптал, не богохульствовал и оставался богобоязненным. Пример Иова кажется Бродзиньскому в наибольшей степени приложимым к нравственному облику польского народа и его характеру: он прошел по пути благополучия, как Иов, выдержал все муки, которые ему были посланы по наущению сатаны, и вышел из них чистым, как Иов. Даже в деталях, по мысли Бродзиньского, его судьба схожа с судьбой Иова. Польский народ – это подлинно второй Иов, которого почти в одно мгновение настигли болезнь, голод, огонь войны – все богатства Иова пожирает огонь Божий, упавший с неба (Иов 1 : 16). Подобно Иову, который славился богатством и "был знаменитее всех сынов востока" (Иов 1 : 3), был некогда славен и польский народ: чужеземцы дивились его достатку, обозам, толпам слуг, нарядам, а теперь не могут оторвать глаз от его нищеты. Некогда "кормильцы голодных", поляки теперь просят хлеба у чужих.

Лишившись родины, они терпят унижения, ибо к обнищавшему даже лучшие из людей относятся с подозрением, как к Иову. Библейский сюжет позволил Бродзиньскому поставить и решить вопрос о том, являются ли страдания поляков наказанием за их грехи. В религиозной интерпретации истории он был одним из центральных.

Бродзиньский был уверен в безгрешности поляков, так как в польской истории видел явную аналогию с земной жизнью Иисуса Христа и его воскресением. По его словам, вся жизнь польского народа является образом Спасителя, который страдал, умирал и воскрес. Он усматривал в истории Польши явные совпадения с евангельскими мотивами, а не с отдельными знаками и символами. Весь ритм польской истории со времен разделов свидетельствовал для него о повторении евангельских событий. Бродзиньский проводил знаменательную параллель между муками Иисуса, преданного, замученного и распятого, и мучениями польского народа, распространяя свои выводы на периодизацию мировой истории. Польский народ, по его словам, издавна хотя и был полон духа Божия, теперь забыт, как род Давидов. Он пришел к братьям-славянам, но те его не узнали; пришел к иноплеменникам, а те сказали, что он бунтует против кесаря. Другие встретили его с пальмовыми ветвями и славили его победы (имелись в виду Франция и участие Польши в наполеоновских походах), но когда нависла угроза, отреклись от него. Он был предан Иудой, судим убийцами. Его мучили и распинали на трех гвоздях, надев терновый венец из трех веток (число три – символ разделов Польши), а над умирающим издевательски написали: "Королевство Польское", как на кресте Иисуса Христа был написано "Царь Иудейский". То, что польский народ прошел через все муки Спасителя, должно свидетельствовать, что близится его воскресение: "Любовь и вера тайно бодрствуют над твоим телом, ты восстанешь и возведешь о новом царстве свободы во Христе". Рассуждая об испытаниях, выпавших на долю Польши, писатель развивал идею христианской нищеты, ссылаясь на то, что Христос испытывал своих учеников бедностью, в которой братство во Христе всегда бывает прочным. Истинно польскую душу провидение наделило равнодушием как к богатству, так и к бедности. Польский народ подобен воину и земледельцу, который никогда не может ни поставить все на карту, ни полностью разориться.

На языке священных образов К. Бродзиньский скрыто полемизировал с А. Мицкевичем, который также видел в фигуре Христа символ судеб польского народа. Но если, по мысли Мицкевича, зло будет побеждено всеобщей войной за свободу народов, то для Бродзиньского на первом плане находится нравственное значение терпения. Историческая миссия поляков осуществится, по Бродзиньскому, через их покорность Божьей воле. Потому он призывает поляков-эмигрантов к скромности, невмешательству во внутренние дела приютивших их государств и терпеливому ожиданию, когда их мученичество и рассеяние пробудят в народах высокие чувства и обратят сердца к Владыке королей и народов. Тогда судьба поляков столько же добродетелей пробудит в народах, сколько ужасных преступлений совершили их правители.

Присутствуют в "Послании" также апокалиптические мотивы: затмение Солнца, тревожное ожидание Страшного суда, которыми сопровождаются предсмертные мучения польского народа. Они предвещают обновление мира и установление Царства Божьего на земле, которое в проекции на историю трансформируется у Бродзиньского в "царство мира", в котором народы и правительства будут вести себя в соответствии с учением Христа так, как истинный христианин ведет себя по отношению к братьям своим.

Таким образом, будущие перемены, которые, по мысли Бродзиньского, должны произойти в социально-политическом облике Европы и всего человечества, описываются через христианские категории. Идея христианизации политической жизни будущего была центральной для польского мессианизма и заслуживает отдельного исследования в контексте оппозиции сакральное/светское.

Образу Руси – птицы-тройки, созданному Н.В. Гоголем на последних страницах первого тома "Мертвых душ", суждено было стать национальной мифологемой. Этот образ – свежий и оригинальный, оставаясь таковым, имеет, тем не менее, прототипы в культурной традиции и восходит, в конечном счете, к видению славы Господней из Книги пророка Иезекииля.

Уровень, на который выведена гоголевская тройка – а именно отождествление тройки со всей Русью, – не является безусловным открытием для русской словесности, и здесь необходимо вспомнить имя Стефана Яворского. Русь предстает в образе колесницы в двух его проповедях (1703, 1704), посвященных триумфальным победам Петра I над шведами (см.: Проповеди блаженные памяти Стефана Яворского. М., 1805. Ч. 3). В проповедях Стефан Яворский прямо указывает на свой источник и пишет, что "выкатывает" сию колесницу не из "колесничного" ряда, но из Библии от книг Иезекииля пророка. Пророку открылась в видении фантастическая картина: четверо чудесных животных, имеющих четыре крыла и четыре лица, а также по колесу возле каждого с "высокими и страшными ободьями", передвигаются со стремительностью молнии. "И когда шли животные, шли и колеса подле них... и когда те стояли, стояли и они... ибо дух животных был в колесах". Над головами животных было подобие престола. Величественная картина с видением крылатой херувимской колесницы Бога явила взору пророка апофеоз славы Господней (Иез 1: 4–26).

Обращаясь к православным "слышателям", Стефан Яворский впервые предложил имперско-государственную интерпретацию богословского образного понятия: тайну преславную изъявил Дух Святой чрез Иезекииля Пророка, когда царство изобразил колесницею. Херувимская колесница, воплощающая идею *Gloria Domini*, превратилась под пером Ст. Яворского в *Gloria Imperii*: "Триумфальною колесницею Иезекилевою нареку тебе, преславная наша Российская монархия, тривенечное царство Московское... Зрю широту Монаршества Российскаго полуношными и восточными странами мало не *четвертою частию света владеющего*... Зде убо мене воспросите, для чего то сия колесница Божия, сия тривенечная Монархия *вознесенная больше и больше, вышше и вышше, от славы в славу, от силы в силу, от победы в победу?*"

Сочинения Стефана Яворского входили в число источников, которыми пользовался Гоголь в пору создания "Мертвых душ". В 1843 г., работая над вторым томом, он просил прислать ему из России среди прочих книг и "Сочинения Стефана Яворского в 3 частях, проповеди", указывая на издание, вышедшее в Москве в 1804–1805 гг.

Очень сходную структуру имеют интересующие нас образы у Ст. Яворского и Гоголя – образы, в которых зримо воплощен апофеоз государства, явленный, однако, в символах, соответствующих своему времени. России эпохи Петровских побед приличествовал имперский символ триумфальной квадриги, для России своего времени Гоголь создал образ, отвечавший национальным исканиям русского образованного общества. И там, и там Россия предстает в необъятности своего пространства: в проповеди она владеет "мало не четвертою частию света"; у Гоголя Русь "разметнулась на полсвета". И колесница, и тройка наделены чертами сакральности: у Ст. Яворского – "*...колесница мастерства не земнаго, но небснаго!*", управляемая Божьим промыслом через Петра; у Гоголя тройка – "*Божье чудо*", она мчится "вся вдохновенная Богом", "*неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях*".

Важнейшими субстанциональными признаками, объединяющими триумфальную колесницу Яворского с птицей-тройкой Гоголя, являются: отождествление колесницы/тройки с государством и народом; государственный пафос, идея апофеоза Руси. В гоголевском финале, сущность которого связана с понятием о Руси-тройке как "*Божьем чуде*" (она мчится "вся вдохновенная Богом"), проступают несомненные интертекстуальные связи и с собственно библейским текстом из книги пророка Иезекииля, с которым писатель мог быть знаком независимо от Ст. Яворского или благодаря отсылке последнего к своему источнику. Гоголевский образ *птицы-тройки* – своего рода вариант крылатой колесницы: воспарившие чудо-кони несутся с быстротой летящей птицы. Говоря о чудо-конях, Гоголь определяет их груди

эпитетом "медные". В видении Иезекииля ноги крылатых животных, несущих престол Божий, "сверкали, как блестящая медь" (Иез 1, 7). Понятие *медь*, *медный* прилагаются в Ветхом Завете к сакральным предметам. "Медные груди" гоголевских чудоконей, обладающих "*неведомой силой*", символизируют их причастность к высшему миру, ведь недаром птица-тройка тронулась в путь по знаку, поданному свыше: кони "заслышали с *вышины* знакомую песню и разом напрягли *медные груди*, и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, *вся вдохновенная Богом!*".

При движении колесницы из видения славы Господней слышался, как сказано в Библии, "*сильный шум, как бы шум в воинском стане*" (Иез 1: 24); вихрем летящая гоголевская тройка "*гремит и становится ветром разорванный в куски воздух*". *Фантастические животные*, увиденные Иезекиилем, "*двигались* туда и сюда, *как сверкает молния*" (Иез 1: 14), возле них слышался "*звук сильного грома*" (Иез 3: 13); у Гоголя "*неведомые светом кони*" в их "*наводящем ужас движении*" воспринимаются созерцателем как "*Божье чудо*": "*не молния ли это, сброшенная с неба?*"

Визионерство – еще одно качество, объединяющее заключительные строки первого тома "Мертвых душ" с видением пророка Иезекииля и панегирическими проповедями Ст. Яворского. Отличающая жанр видений специфическая темпоральность, сливающая воедино настоящее и будущее, ставит тем самым содержание видения вне определенного времени. Именно такая темпоральность определяет смысловое поле гоголевского финала (начиная со слов: "Не так ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься?"), выдержанного в настоящем времени, которое легко эксплицируется воспринимающим сознанием в будущее, и увиденное мысленным взором предстает как пророчество.

В риторически выстроенном лирическом отступлении о птице-тройке, великолепно демонстрирующем прием градации, фрагмент, содержащий визионерское пророчество, занимает место заключительного аккорда, которому предшествуют идущие по нарастающей силе звучания части; каждая из них начинается вопросом. Тема первой – русский человек: "И какой же русский не любит быстрой езды?...". Тема второй – русский народ: "Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться..." И, наконец, заключительный фрагмент, предмет которого – вся Русь, сплавляя эти темы в единство, расширяет образ тройки, проходящий через все три части, до метафоры: Русь – птица-тройка. Явленная в апофеозе своей славы Русь выглядит одновременно и торжественно-величественной, и грозной: "не *молния* ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение?"

Гоголевский образ Руси птицы-тройки отмечен небывалой глубиной и широтой историко-культурной памяти, сплавившей в едином синтезе откровение библейского пророка, государственно-имперский пафос проповедника, панегирическо-одический стиль, видение как прием и лиризм "народных" песен с их образом ямщицкой тройки. Таковы качества, сделавшие заключительный апофеоз столь впечатляющим, а созданный Гоголем образ – национальной мифологемой.

© 2001 г. Л.И. САЗОНОВА, д-р филол. наук

Содержание картины И.Е. Репина "Прием волостных старшин императором Александром III во дворе Петровского дворца в Москве" (1885) отражает ее название. Изображен на ней император в окружении своего народа, который представляют съехавшиеся со всей России волостные старшины. Смысл сюжета и композиции картины очевиден – это единство царя и народа, отвечающее известной формуле "самодержавие, православие, народность". Он раскрывается и в раме картины, отражающей сакрализацию образа монарха и определяющей логику зрительского восприятия.

В центральной точке всей композиции находится император, предстающий во весь рост; его темная массивная фигура, светлое, спокойное лицо как бы посредничают между видимым и невидимым. Император смотрит вдаль, поверх голов, фиксируя взглядом некую невидимую точку, которую зритель не в состоянии локализовать в картине: она находится за рамой. Император разглядывает небо, т.е. зрелище небесных сущностей, эквивалент того порядка, который он пытается осуществить на земле. От глаз императора к объекту его созерцания властно прочерчена линия, пересекающая раму и заставляющая плоскость, которую она ограничивает, смещаться, двигаться, делая всю (казалось бы, очень устойчивую) композицию легкой, почти невесомой, как в иконе. Эта "неотмирность" ситуации подчеркнута поворотом фигуры императора. Он стоит на своей тени, как на постаменте под безоблачным небом Москвы. Благодаря ей свет (солнце) почти точно локализуется над его головой. Солнце освещает как передний, так и задний план. Кажется, перед нами пространство чистой взаимности и абсолютного "взаимопонимания": император слушает Бога и говорит с народом, который, внимая ему, слышит слово Небесного Отца. Фигуры первого плана меньше фигуры императора: художник использует прием обратной перспективы, выделяя размером семантически важную фигуру, находящуюся в центре. Поэтому, как и в иконе, они образуют естественную раму изображения. Справа на заднем плане находятся лица духовного звания: они стоят с непокрытым головами, свидетельствуя о подчинении светской власти. За спиной царя – его семья, придворные казаки. Там же виднеются открытые ворота с перспективой на площадь перед Петровским путевым дворцом. На этой оси картины они символизируют связь народа с императором, представляющим и устойчивый центр всех взглядов – персонажей и зрителей. Точное их соотношение усиливает эффект возвеличивания императора, который дополняют стены Петровского дворца, не ограничивающие и не замыкающие пространство. Они выполняют в композиции роль колонн, всегда призванных символизировать могущество и устойчивость. Жест правой руки императора подчеркивает весомость его слова. Он направлен к центру, где только и происходит движение – говорит император. Народ же застыл. В пространстве толпы, обрамляющей императора, событий нет или почти нет. Казалось бы, зритель исключен из всей этой ситуации. Однако это не так. Здесь в игру между зрительским взором и происходящим на полотне событием вступает рама.

Первый взгляд, брошенный на картину, падает на надпись на нижней стороне рамы: "Я очень рад еще раз видеть вас; душевно благодарю за ваше участие в торжествах наших, к которым так горячо отнеслась вся Россия. Когда вы разъедетесь по домам, передайте всем Мое сердечное спасибо; следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобному. Эти слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно так же как и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай вам Бог счастья и здоровья". В центре нижней стороны рамы, прямо перед зрителями, помещена дополнительная прямоугольная рамка, напоминающая аналогичные рамки на иконах XVII–XIX вв. Обычно в них находились слова молитвы или песнопений. В нашем случае эта дополнительная рамка (рама в раме) и содержит слова императора. Они, помещенные в пространство рамы, т.е. между зрителем и картиной, воспринимаются обращенными к зрителю. Рама смыкает пространство языка и визуального образа: зритель читает надпись и принимает участие в том, что происходит в глубине картины. Она говорит о том же, что картина, но только другим языком – букв и условных украшений, служит переходом из пространства вербального в пространство визуальное. Живописное изображение и текст рамы отсылают друг к другу, выступая то комментарием, то иллюстрацией. Дополнительная рамка воспринимается и как ступень, подножие фигуры императора: кажется, еще один шаг, и он выйдет за раму. Но в реальный мир выдвигается написанное на раме его слово, заставляющее зрителя занять место среди народа, рядом с императором. Этот эффект усилен переходом, образованным фигурой императора

и расступившимися перед ним фигурами первого плана, подчеркнут ярким светом и цветом земли, отчетливо согласующихся с золотом рамы.

Движение взгляда зрителя снизу вверх по вертикали неизбежно замыкается вновь на раме: в центре ее верхней части изображен герб Российской империи, что окончательно устанавливает символическую связь на оси: слово – император – герб. Слово вновь вводит зрителя в картину, и он предстает перед императором, олицетворяющим государство, что символизируется гербом с короной. Эффект действия рамы заключен в том, что взгляд зрителя обречен на обратное движение, сверху вниз по той же оси: герб – император – слово. Он то проникает в глубину картины, то возвращается из нее на окаймляющее ее пространство. Такое включение рамы в зрительское восприятие картины неизбежно заставляет разглядывать раму не только по вертикали, но и по кругу, точнее, по часовой стрелке. Яркие гербы всех земель и областей Российской империи рассыпались подобно драгоценным камням золотого оклада иконы. Они же – драгоценные камни императорской короны, ибо они – визуальные знаки развернутого титула императора: вместе с двуглавым орлом они – его полное ИМЯ. Движение взгляда соотносит гербы разных областей России с волостными старшинами, устанавливая между ними символические связи. Рама содержит и дополнительные сведения о том, что на картине изображена идеальная Россия. Ее плоская конструкция сближает картину со стеной, чему способствует ее орнамент, грифоны и сюжетные сцены, взятые со стен Димитровского собора во Владимире XII в. Боковые выступы на раме, повторяющие формы оконных наличников в деревенских избах, сближают ее с формой окна, а также крыши дома, поскольку они вторят и формам ветровых досок. Эти формы типичны для рам в "русском стиле". Прозрачная символика "единого дома" подкрепляется гербами. Таким образом, рама содержит основополагающие коды культуры, управляющие ее языком и ценностями.

© 2001 г. *О.Ю. ТАРАСОВ, д-р искусствоведения*

Словенский писатель Иван Цанкар (1876–1918) в начале своей литературной карьеры пережил потрясение, узнав, что практически весь тираж его первого поэтического сборника "Эротика" был выкуплен люблянским епископом Егличем и сожжен. Эта акция, восстанавливающая в памяти времена инквизиции, была направлена против поэзии кощунственного атеиста. Сам писатель начал готовить новое издание сборника (вышедшего в 1902 г.), что не помешало ему в то же самое время восхищаться циклом сонетов друга "Мой Бог", в котором, по его словам, с совершенной красотой и ясностью выражено то стремление к прекрасному, к вечному Богу, которое и является главным содержанием любого произведения, созданного истинным художником.

Неприятие и даже отторжение от официальной церкви и одновременно глубокие религиозные переживания проявлялись в различных произведениях Цанкара, что вызывало двойственность их толкования. Они привлекали то клерикалов, то коммунистов. И это неслучайно. В ранней художественной прозе и публицистике Цанкара ощутима антиклерикальная направленность, чему способствовало влияние А. Ашкерца, властителя дум словенской молодежи рубежа веков. Свое отношение к официальной церкви Цанкар выразил не только в "Эротике", но и в прозе тех лет (рассказ "Деревенский фарисей", повести "Госпожа Юдит", "Алеш из Разора"). Однако уже в этих произведениях появляются новые образы и символы, многие из которых станут сквозными и будут словно перетекать из произведения в произведение. Большую группу среди них занимают имеющие фольклорно-мифологическую основу. "Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов, – писал Ю.М. Лотман, – в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные

границы культур" (*Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. С. 12.*)

Наряду с фольклорно-мифологическими образами, в творчестве словенского автора формируется иной пласт символики, связанный с сакральной сферой. На первый план выступают крест и идея крестного пути. Затем появляется сам Иисус Христос как воплощение страдающего человечества, символ жертвенной любви и всепрощения, ср. названия рассказа и романа "Крестный путь", "Крест на горе". Сакральные символы и образы чаще всего оказываются скрыты внутри повествования и предполагают активизацию не только ассоциативной памяти, но и памяти текстовой, ибо продолжают однажды уже прозвучавшую тему, выводя ее, благодаря новому включению символического образа, на новый, более глубокий уровень восприятия.

Тема крестного пути в раннем рассказе о деревенском мальчике Марко, несущем во время церковной процессии крест, лишь заявлена. Она развивается в романе "На улице бедняков". Многократно повторяющиеся эпизоды: человек, бегущий вслед за уносящейся повозкой, человек, несущий тяжелую ношу (вязанку хвороста, бревно, крест), – не теряя связи с реалистически-предметным пластом повествования, символизируют недостижимость счастья на земле. В финале они образуют единый комплекс значений, отсылающий к евангельской теме крестного пути. Особым образом евангельская тематика преломилась в повести "Батрак Ерней и его право". Задуманная как агитационная брошюра, она реализовалась в философской притче о хождениях Ернея в поисках правды и справедливости. Используя евангельский топос пути, мифопоэтический мотив поиска счастья, Цанкар сумел передать настроения, царившие в обществе того времени.

В поздних произведениях Цанкара религиозные темы и мотивы становятся все более отчетливыми. Показателен в этом отношении цикл коротких рассказов, частью стихотворений в прозе, "Видения". Ключ к его пониманию находится в автобиографической книге "Моя жизнь". Во многих рассказах звучит ностальгия по вере детских лет ("На печи", "Вечерняя молитва", "Чужая ученость"). Возвращение к детству, к истокам нравственного воспитания определяет мировидение писателя в период всеобщего хаоса военных лет. Он стремится его преодолеть, доказывая, что война дана человечеству как возмездие за грехи ("Зеркало"), что путь к возрождению лежит через покаяние и неминуемость многотрудного пути на Голгофу. Этот путь должны пройти все народы земли, представляющиеся в его сновидениях многоликой процессией паломников ("Король Матъяж"). Цанкар в этих произведениях выстраивает оппозицию смерть/жизнь. В образе смерти выступают безжалостный всадник ("Тени"), сотник, подавляющий все чувства ("Страх"). Жизнь же есть Бог, то далекий, как звезды ("Среди звезд"), то близкий, как попутчик деревенского парня ("Дурачок Мартинец") или безмолвный собеседник ("Тот вопрос"). Автор постоянно меняет ракурсы изображения. В поле его зрения попадают то одна семья, то целый народ. Он словно раздвигает пространственные границы, выходит за рамки настоящего времени, пытаясь найти ответы на главные вопросы, для себя и для многих: что есть истина? Где лежит путь к спасению? Где надежда на возрождение? Ища к ним путь, писатель произносит три самых важных слова, в которых он видит "истинное знамение словенской души и словенской земли": Мать, Родина, Бог.

© 2001 г. *Т.И. ЧЕПЕЛЕВСКАЯ*, канд. филол. наук

Всякая религия, вступая в поле национально-исторического организма, обволакивается его космо-психо-логосом и обретает некий вариант, краску и акцент. Так, то же самое православие "поболгаривается", русифицируется в свете национального религиозного чувства; так складывается национальный образ Бога. Сравним болгарский и русский национальные христианские образы, обратившись к категории имени. Поразился я, что имя "Христо(с)" так часто-буднично в Болгарии – ну, как у нас

"Ванька". Мальчику кричат: "Эй ты, Христо! Что же в штаны наделал?" Спросил я знакомую образованную христианку – Анастасию Бойкикову: «Не фамильярно ли это – имя "Христо" давать?» – «Это по примеру греков, – ответила она. – У них полно "Кристов". Наш царь Симеон [X в.] после принятия христианства повелел переводить греческие имена на родной язык, и стали: Тео-дор = Божи-дар, Тео-фил = Бого-мил, Петр = Камен, Серафим = Огнян, Константин = Стоян».

Важное качество для болгарского Логоса – понятность своего имени, а значит, и мира вокруг, априорный рационализм. Русский же человек привык жить с непонятным – и своим именем (знает ли "рус Иван", что его имя – от еврейского "Йоханаан" и значит "благодать Божия"?), и с собой, с миром вокруг, с Богом, с властью: "Там – виднее, там – знают!.." А болгарский простой человек хочет, чтоб ему было все понятно. Вон у поэта Петко Славейкова: "Мне не достает ума понять, каким христианином может быть тот, кто ничего не знает о Боге".

"Но есть в этом и другая сторона, – продолжала Анастасия, – теряет болгарин связь со своим святым: Божидар – с Федором, Камен – с Петром. Оземляется человек". Да, больше тут притяжение Бога вниз, сильнее кенозис Богочеловека, и сильнее вочеловечивание Бога, чем возвышение, обожение человека. Ближе к арианству: одна – человеческая – природа у Христа акцентируется. Тут сестра Анастасии, Мокка, вспомнила о поездке в Россию: «Я попробовала заказать в церкви поминовение и написала шесть имен, но когда русская служительница прочитала: "Христо", "Любомир" – отказалась: нет, мол, таких имен!..»

Расспрашивал я в свой недавний приезд в Болгарию и Йордана Радичкова, самого крупного ныне писателя страны, о народном чувстве Бога. И он вспомнил, как говорили в его родном селе: "Дядо Бог? Нито той не ме идвал на гости, нито аз към него. Не знам, къде му е и вратата!" ("Дед Бог? Ни он ко мне не ходил в гости, ни я к нему. Не знаю даже, где его дверь!") Вот критерий: "ходить в гости", соседство, космос близкодействия. Без трансцендентного Бога обходятся. Именуют "Дядо Бог" или "Бог". Из святых болгарам ближе всего св. Георгий. На "Гергьев ден" (6 мая) колят жертвенного агнца: ведь они – народ-"овчар", народ пастухов. Потом – архангел Михаил ("Рангел") – ему осенний праздник, когда убран урожай. Когда мы путешествовали с Радичковым по Якутии и Сибири, он мне болгарское, свое кредо так сформулировал: «Для болгарина святое – семья, дети, дом ("къща")». Троица по-болгарски – свое гнездо. "За дете и човека убивам!" – припомнил он поговорку ("За ребенка и человека убью!"). Дитя, значит, больше взрослого, ибо в нем еще божеское свежее, ангел по плоти. Болгарин – как бы ангелоприемник: на первой стадии воплощения души на земле. Потому Рождество тут главнее, чем Пасха, что важнее на Руси. И у Пасхи имя понятное, свое – "Великден", Дитя, своя "рожба", "сладур" – главный в доме. Радичков рассказывал, что при турецком еще иге, когда ага ехал в болгарское село и собирался заночевать в доме какого чорбаджи, сперва осведомлялся: "Нет ли главного?" – имея в виду младенца, кто бы плакал и мешал спать, и если "главный" есть, останавливался в другом доме. У болгарского современного учителя внецерковного Петра Дънова, выступающего за "природосообразный" образ жизни, есть такое рассуждение-уравнение: младенец = генерал, повелевает всем в доме, а по мере взросления понижается в чине: вот уже полковник, капитан, а взрослый – солдат, служитель. А у крупного поэта-мыслителя XIX в. Стояна Михайловского смерть чада – травма и начало погружения в Бога. В 28 лет, еще не имея жены, он написал стихотворение "Към нерождената ми рожба" ("К нерожденному моему чаду"), где пронзительнейше выразил алкание отцовства и метафизику бытия глазами нерожденной души:

Спи спокойно, отрок милый! / спи, юноше нероден, / спи всевечно в мойте сили, / спи, о дух невъплотен! / Земна форма, вид веществен / са вериги, чадо мой, / спи в незнайний мир божествен, / в непрекъсваний покой. / Кръв и плът, обем, пространство / чер затвор са, тежък мрак, / временното е злощастно – / спи в баща си, ангел благ! / Спи в сърцето ми, в умът ми, / спи в гърдите ми докрай! / Живите са,

чадо, смъртни, / нищо в живий свят не трай! / До ще час и ще угаснет / в мене умът и мисълта – / нерождените не падат / никога в таква тъма!

В России может ли родиться такое? Нет, скорее, у нас сюжет – безотцовщина. Лamentация сына об отце. Вообще образность поэтов, ассоциируемая с реалиями местного космоса – вернейший ключ к национальному акценту в религиозном чувстве. Космос России – бесконечная равнина, даль-ширь, путь-дорога. И человек, и Бог тут – странники, как у Ф.И. Тютчева. И к Богу тут идти обязательно в святые места. Бог – не в вертикали выси, как в Германстве, где из глуби (Tiefe) – в высь (Höhe), транзитом чрез Innere (внутреннее). В России даль – святое место выси.

© 2001 г. Г.Д. ГАЧЕВ, д-р филол. наук

Город как элемент природного пейзажа не противопоставлен *природе* и характеризуется позитивной пространственностью. Национальная картина мира, проявляющаяся в изображении природы, определяет тип его визуализации. В искусстве XX в. она допускает негативное пространство, разрывы, пространственные цезуры как знаки текста дискретного типа. Этим городской пейзаж обособляется от природного как области знаков непрерывного типа. Важный признак городского пейзажа XX в. – пустырь, отсылающий к базовым концептам русской картины мира, маркирующий полюса сакрального. Одно из определений – *подвергшаяся частичному разрушению часть городской среды* – характеризует его как негативную сущность. В качестве таковой он свойствен русской культуре XX в.

Следует различать *пустырь как концепт* и *как текст реальности*. В качестве концепта он является производным второго члена оппозиции *полнота/пустота* в ее соотношении с универсальными противопоставлениями в описании картины мира. Будучи знаком энтропии, пустырь означает *как партиципированное пространство, время, обращенное вспять, десакрализация сакрального, смерть, хаос*. В XX в. этот концепт – модель *катастрофы*, которая в экспрессионизме становится смысловым ядром мироустройства. В авангарде концепт *пустоты* как нулевой степени письма составляет конструктивную основу поэтики ("Поэма конца" Крученых, "Черный квадрат" Малевича). Он особенно эксплицирован в позднем авангарде – у Хармса. В прозе А. Платонова он очень значим – наделен идеей сакральной полноты. Парадоксальная, наполненная пустота городского пустыря актуализирует архаическую оппозицию *Вавилон/Иерусалим*, где *пустырь* выступает как экзистенциал, отсылающий к универсальному противопоставлению *жизнь/смерть*.

В качестве текста реальности городской пустырь XX в. – это модель культурного пограничья. Он одновременно принадлежит *природе* (как энтропийное начало цивилизационно-урбанистических процессов) и *культуре* (как результат созидательной деятельности). В отношении к *пространству* *пустырь* выступает как минус-пространство, реализует значение "дезорганизованная искусственная среда" и в этом смысле противоположен *саду*, также реализующего идею пограничья *культура/природа*. Его пространственная граничность подтверждена локализацией в урбанистической застройке, на границе города, в фабричных предместьях. В Москве в 1930-е годы, в период массового уничтожения церквей, оппозиция *пустырь/сад* преобразовывалась в "тексте реальности" в эквивалентность: на месте разрушенных храмов разбивали сквер, и таким образом преобразенный *пустырь* вписывался в пространство города. В отношении ко *времени* он выступает как минус-время и реализует значение пограничья между прошлым и будущим, некое *пустое место* в настоящем. В качестве минус-пространства и минус-времени и по признаку разграничения/стяжения полюсов *пустырь* актуализирует негативный модус сакральности. Основанный на принципе деструкции и неупорядоченности, он обладает своей морфологией. Его неизменными атрибутами являются глухие торцы прилежащих жилых домов и гаражей,

строительный мусор, обширная незастроенная площадка. Его синтаксис в городской среде обитания определяется населяющим эту среду лиминальным социальным контингентом.

В русском языке семантика *пустоты* обращена как к предельно сакральному, так и к десакрализованному, что воспроизводится *пустырем* как текстом реальности, закрепляя за ним значение экзистенциала – пограничья *жизнь/смерть*. В этом отношении *пустырь* родствен кладбищу. В 1920–1930-е годы он органично встраивается в фюнеральный код эпохи, вставая в один ряд с реалиями, отсылающими к мифологии загробного мира и семантике *смерти* (архитектура псевдоклассицизма, символика московского метро, мавзолеев). В силу своей концептуализованности как тип пейзажа он легко вербализуется. Этим объясняется высокая частотность этого мотива в русской литературе, особенно поэзии XX в. Однако в силу той же концептуализованности он почти не поддается визуализации. Негативная изображительность *пустыря* находит приют лишь в живописи А. Тышлера конца 1920-х годов. Семантика этого мотива звучит как вызов позитивным установкам соцреализма и соответствует глубинному коду эпохи, ориентированному на погребальную семантику. Пустырям Тышлера соответствует минимализм драматических пейзажей позднего Малевича ("Пейзаж с пятью домами", 1928–1932. ГРМ). Значительно большая его визуализация присуща кинофильму А. Германа "Мой друг Иван Лапшин".

Для мотива *пустыря*, слабо визуализируемого как текст реальности, эстетика экспрессионизма – эстетика безобразного – оказалась недостаточно емкой. Он был адаптирован апокалиптической темой культуры XX в. и имплицитно представлен в апокалиптическом мотиве *разрушенного города* (ср.: Х. Грундик "Знамение будущего", 1935. ГМИИ). Архетипическое для русской культуры противопоставление *Вавилон/Иерусалим* определяет центральные темы литературы и искусства XX в. Особенно интересно скрытое бытование этого мотива. Так, мотив *Иерусалима* прочитывается в частотности и сочетаемости мотива *белый*, распространенным даже вне сочетания с мотивом *города* в литературе позднего символизма, в акмеизме и авангарде, а также в прозе рубежа 1920–1930-х годов, разрабатывающей у(дис)топическую тему (Платонов, Замятин, Олеша). Что касается *Вавилона*, то его тема имплицитно представлена в мотиве *разрушения* как такового. Вспомним, что именно мотивом *разрушения* иконически определяется *пустырь* как концепт и текст реальности. Его семиозис в культуре и формы визуализации в русском искусстве рубежа 1920–1930-х годов и в послевоенные годы, отсылая к *Апокалипсису*, обнажают семантику *сакрализации пустоты*.

Ее сакральность в русской языковой картине мира выступает в своем негативном и позитивном модусах: как *свято место пусто не бывает* и как евангельский сюжет *пустыни* с соответствующими проекциями в конфессиональной культуре. Апокалиптические смыслы, открывающиеся в пустыре как тексте культуры, обосновывают его значимость в ряду мотивов городской среды в России XX в. Вместе с тем его визуализация выступает как значимое отсутствие, как *минус-пейзаж*. Таким образом, концептуализация деструкции артикулируется как нулевое значение. Пространственная среда, образуемая *местами*, выступает в негативе, как среда, организованная *отсутствующими местами*.

© 2001 г. Н.В. ЗЛЫДНЕВА, д-р искусствоведения

Сквозное чтение итоговых сборников трех поэтов, Д. Самойлова (1920–1996), А. Межирова (р. 1923), А. Прасолова (1930–1972), было предпринято нами для того, чтобы установить объем и содержательно-эстетическую роль в их поэтических системах расхожих образов, стереотипных деталей, словесных клише, восходящих к сакральной сфере жизни человека. Самойлов и Межиров – люди одного поколения как в прямом, демографическом смысле, так и по неотъемлемой принадлежности к той шеренге поэтов, молодость которых пришлось на годину Великой Отечественной войны.

У Самойлова поражает отсутствие всякого упоминания о религиозном чувстве у кого бы то ни было – даже у человека прошлой эпохи, сформировавшегося в системе жестоко подавленного старого мировоззрения. Людям это не свойственно – словно настаивает поэт. Такая последовательность, не необходимая по цензурным соображениям, начинает казаться заданностью, внутренним табу Самойлова, по каким-то причинам строго раз и навсегда определенным и неотвратимо исполняемым. Лишь однажды, в стихотворении "Выезд", где "папа еще молодой" и "мама еще молодая", возникает архитектурный облик православного храма, связанный с неизгладимыми впечатлениями детства. То, что когда-то навсегда "впечатлелось в память ребенка" и стало его сокровенностью, не может быть отринуто без ущерба для самого "Я" поэта: *А Москва высока и светла / Суматоха Охотного ряда. / И потом – купола, купола. / И мы едем, все едем куда-то. / Звонко цокает кованый конь / О бульжник в каком-то проезде. / Куполов угасает огонь, / Зажигаются свечи созвездий.*

Обращаясь к историческим и литературным сюжетам и реминисценциям, Самойлов не может обойтись без известной толики религиозной лексики – "евангельские ясли", "рождественская купель", "ангел" ("Блок. 1917"); "византийское чело", "искусный богомаз" ("Софья Палеолог"); *Храмы там суровы и стрельчатые, / В них святые – каменная рать. / Своевольны лысые прелаты. / А до Бога не достать!* ("Анна Ярославна"), но она – лишь знак исторической эпохи.

В отличие от Самойлова, поэта рационального философского склада, сдержанно-аналитического в изображении человеческих чувств, Межиров не боится эмоциональной откровенности, не скрывает своего душевного состояния и чутко сопереживает героям, не отнимая у них право на религиозное чувство. Ему понятна исступленность матери, вставшей на колени перед иконами в горячей молитве за сына, *который на Курской дуге, в наступленье / Будет брошен в прорыв, под гранату и под пулемет. Мальчик выживет, жизнь проживет и умрет. / Но в том, что когда-нибудь все-таки это случится, / Уповающей матери знать в этот час не дано, / И сурово глядят на нее из окладов спокойные лица, / И неведенье это бессмертью почти что равно* ("Курская дуга").

Смутное ощущение предопределенности человеческих судеб, своей не исключая, в иных, надземных сферах, порождает даже – пусть сиюминутно и с явным налетом литературной ходульности – провиденциальный мотив в стихотворении "Как благородна седина": *За мной земной и неправый путь, / Судья Всевышний надо мною / Отсрочил Страшный суд чуть-чуть, / Во имя твоего покоя.*

Несколько чаще и значительно органичнее "осколки" образного мира, сформировавшегося в лоне православной веры, в творчестве младшего из трех анализируемых поэтов – А. Прасолова. Это объяснимо, кроме прочего, и его биографией. Если Самойлов и Межиров – поэты городские, столичные, то Прасолов – сельский, провинциальный (без уничижительного смысла). Если юность и фронтовая молодость пришлось у Самойлова и Межирова на годы государственного атеизма, то Прасолов в житейских невзгодах военного и послевоенного быта несомненно слышал молитвенные слова. Да и архитектурные "родимые пятна" прошлого всего-то двадцати-тридцатилетней давности впечатывались, по всей вероятности, в его сознание глубже, чем у столичных поэтов: в столице храмы стирались с земли чаще, чем в провинции, где они, разоренные и обезображенные, продолжали служить человеку то зернохранилищем, то эмтээсовской мастерской, а то и клубом; они были на виду, зримы. Потому-то и натывается старушка, которую лирический герой подвозит по дороге, равно как, видимо, и он, *то вдруг – / На звезду обелиска, / То в дальней церквушке – / На крест.* Кто помнит или представляет себе антураж хрущевской эпохи, оценит объемную точность использования религиозного символа в жанровом стихотворении "Товарищ из центра", рассказывающем о посещении высоким начальством колхозных угодий: *Как зыбкие нимбы – / Окружности солнечных шляп.*

Трагедию бездуховности людей, в одночасье охотно и даже с каким-то упоением отказавшихся от веры дедов и прадедов, лучше всего ощутил именно Прасолов, который, как и старшие коллеги, был стандартным атеистом и которому *византийский лик / не осенил мальчишеского сердца*, а домашний быт не сделал из поэта *под шепот деда, что в молитвах ник / ...единоверца*. Тем поразительнее стихотворение, написанное в 33-летнем возрасте, когда он, осужденный по уголовному делу, отбывал срок на рудниках и стройках. Разбить на цитаты его было бы непозволительно.

Уже заря пошла на убыль / И с желтым облачком свела / И черный крест, и черный купол, / И черные колокола. / В разноголосице весенней / Неслись трамваи и такси, / И просквозило сумрак пенье / Пасхальным отзвуком Руси. / И пенье гасло – будто ждали, / Что им ответят с высоты... / Казалось, души улетали / Через чернеющие рты. / Казалось, светоносный кто-то / Ответит сонмищу людей: / Мир в напряженье – перед взлетом / Иль перед гибелью своей? / Но замелькали шапки, шали, / Карманный зазвенел металл... / Нет, никого они не ждали / И осмелят б тех, кто ждал. / И слишком трезво ясен жребий, / И в переулки потекли / Они – бескрылые для неба / И тягостные для земли.

Почти полный отказ от обращения к религиозным мотивам, свойственный советской поэзии в целом, приводил к ее серьезному обеднению как в содержательном, так и в формальном и в этико-эстетическом отношениях.

© 2001 г. Ю.И. РИТЧИК, старший науч. сотрудник ИСл РАН

Лирика Н. Рубцова – уникальное явление русской культуры своего времени. Выросший в советское время в детском доме, поэт должен был бы отдать положенную тогда дань атеистическому воспитанию, чего не произошло. Его поэзия пронизана истинной христианской интонацией; в ней постоянно повторяются религиозные мотивы и символы: храмы, монастыри, часовни, иконы, кресты, молитвы, и эти упоминания перерастают в ее основные смыслообразующие элементы. Они маркируют ее национальный характер, выполняют роль своеобразной семантической скрепы: *Вид смиренный и родной! / Березу, избы по буграм. / И, отраженный глубиной, / Как сон столетний, божий храм.*

Если иметь в виду, что поэт писал в период с 1957 по 1971 гг., то можно представить, как одиноко, выбиваясь из общего хора, звучал его голос в то время (именно в годы правления Н. Хрущева, согласно статистике, было разрушено более всего православных храмов). Голос, который не бодро и оптимистично звал к подвигам, к покорению всяческих вершин, а тихо, без надрыва взывал к человеческой душе, предлагая принимать мир таким, каков он есть, беседовал с родной природой, наделяя ее человеческими свойствами – слышать, слушать, сопереживать, уносясь к небесам как к символу вечности. *Снег летит на храм Софии, / На детей, а их не счесть, / Снег летит по всей России / Словно радостная весть. Или: Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды! Останься как сказка, веселье воскресных ночей. / Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы / Старинной короной своих восходящих лучей!..*

Вероятно, именно за эту христианскую интонацию (естественно, не называя ее так) и критиковали Рубцова литературоведы, за воспевание устаревших тем, называя его поэзию "шагом назад". Действительно, в его поэзии очень мало примет своего времени. Она как будто высится над временем, в чем видится одно из проявлений христианского отношения к миру. Поэзия Рубцова актуальна и сегодня и завтра, поскольку посвящена вечным темам человеческого бытия, противопоставленности и единству жизни и смерти.

Совсем нечасто в 1960-е годы обращались поэты к душе, что Рубцов делал постоянно: *"До конца до тихого креста / пусть душа останется чиста"*, – эти слова звучат рефреном его стихотворений. Забота о спасении и воспитании души – один из главных мотивов поэзии Рубцова, совсем не созвучной поэзии многих его современников. Особое почтение к вере, христианское милосердие чувствовали в стихах Рубцова и совсем мало знавшие его, не искушенные в поэзии люди. Вспоминая о встрече с поэтом, мать вологодского писателя А. Романова говорила, что "стал он сказывать мне стихотворения. Про детство свое, когда они ребятенками малыми осиротели и ехали по Сухоне в приют, про старушку, у которой ночевал; про молчаливого пастушка, про журавлей, про церкви наши христовые, поруганные бесами... Я вспугнуть-то его боюсь – так добро его, сердечного, слушать, а у самой в глазах – слезы, а поверх слез – Богородица в сиянии венца. Это обручальная моя икона... А Коля троеперстием-то своим так и взмахивает над столом, будто крестит стихотворение..." Божьим человеком называла его эта женщина, "истая богомолка". Вполне в стилистике повседневного поведения поэта и его мирозерцания, отразившегося в поэзии, очень искренним и естественным представляется любимое его восклицание – "Мать моя Богородица!"

Рубцов сквозь современность видел вечность, потому и не населял ее злободневными, сиюминутными новостями и переживаниями по их поводу. По его мнению, в прошлом кроется для людей очарование, в настоящем – страдание, в будущем – искупление. Социологию и описательность трудовой героики, которыми грешили его современники, он считал неестественными для поэзии. А. Романов вспоминал, что "в те годы об этом говорили тихо, с оглядкой, так как везде оказывались начеку защитники социалистического реализма – этого непреложного кодекса для литературы, идеологии и вообще всей жизни. Рубцов счастливо избежал всего этого". Дело, конечно, не в том, что он обошел гражданские или иные, по его мнению, непозитические, темы, а в жизненной и творческой позиции. Христианский характер поэзии не может родиться случайно или специально, он складывается исподволь, льется из души. В стихах Рубцова почти отсутствуют приметы времени, нет в них и авторского комментария к ним, но отношение свое он все же сообщает читателю, например, повторяя вновь и вновь образы разрушенных церквей, раскрывая суть нового варварства: *С моста идет дорога в гору. / А на горе – какая грусть! – / Лежат развалины собора, / Как будто спит бывшая Русь!* И из другого стихотворения: *И храм старины, удивительный, белоколонный / Пропал как виденье, меж этих промокших полей, – / Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны, / Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!*

Удивительным образом в советской деревне и в 1960–1970-е годы сохранялись многие церковные праздники и обычаи, и самым любимым, несомненно, оставалась Пасха. Возможно, память культуры жила в людях, которые мало соприкасались с идеологизированной и политизированной общественной жизнью. Естественно, что тема Пасхи была дорога и Рубцову как олицетворение всеобщей радости и всеобщего семейного блаженства. В 1966 г. он пишет стихотворение "Промчалась твоя пора". Ностальгическая тоска по светлому празднику звучит в нем пронзительно печально: *Пасха под синим небом, / С колоколами и сладким хлебом, / С гульбой посреди двора / Промчалась твоя пора!.. / О чем рыдают, о чем поют / Твои последние колокола? / Тому, что было, не воздают / И не горюют, что ты была.*

Уже незадолго до трагической гибели поэт создает одно из лучших стихотворений под символическим названием "Конец", где его христианский смиренно-спокойный взгляд на человеческую жизнь и ее завершение проявился с трагической глубиной. И здесь он не мог не упомянуть о светлом Христовом Воскресении. Именно о нем вспоминает старушка в последние мгновения жизни. Здесь звучит уже не отдельный

религиозный мотив, а главная мелодия духовной жизни многих и многих русских людей: *Смерть приближалась, приближалась, / Совсем приблизилась уже, / Старушка к старику прижалась, / И просветлело на душе. / Легко, легко, как дух весенний, / Жизнь пролетела перед ней, / Ручьи казались, воскресенье, / И свет, и звон пасхальный дней...*

Поэзия Рубцова очень немногочисленна. Главные персонажи – сам поэт, природа и ее антропоморфные проявления. Причина этого кроется в глубоком внутреннем одиночестве поэта, его сиротстве и разочарованиях, преследовавших его на протяжении всей жизни. Стихотворений о любви у Рубцова совсем немного, и отношение к ней поэта по-христиански целомудренно и чисто. В его любовной лирике отсутствуют эротические мотивы. Вспомним хотя бы стихотворение "Букет", ставшее через десятилетие популярной песней.

Таким образом, в русской поэзии середины XX в. Николай Рубцов стал едва ли не единственным поэтом, создавшим стройную поэтическую систему христианского мировидения.

© 2001 г. *Н.М. КУРЕННАЯ*, канд. филол. наук

ИЗ СЛОВАРЯ "СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ"

Включенные в настоящую подборку статьи предназначены для готовящегося к печати 3-го тома "Славянских древностей" под общей редакцией Н.И. Толстого (Т. 1. А–Г. М., 1995; Т. 2. Д – Крошки. М., 1999) и объединены темой, которая до сих пор не затрагивалась в предварительных публикациях. Объектом внимания авторов стал "человеческий фактор" в традиционной народной культуре, а именно – профессиональные (Охотник, Пастух, Музыкант), социальные (Нищий) и ритуальные (Кукеры, Невеста) роли человека, которые так же, как и явления и свойства окружающего мира, получают мифологическое осмысление и наделяются символической семантикой. В каждой такой роли персонифицируется некая потусторонняя, иномирная сила: охотник, пастух, музыкант воспринимаются как своего рода демонические персонажи, действующие под наблюдением или по указке лешего, черта и т.п.; нищий, странник и их ритуальные двойники, такие как кукеры или колядовщики (участники рождественских обходов), окружаются особым почтением как посланцы иного мира, курсирующие между живыми и мертвыми и регулирующие взаимные отношения двух миров. И даже невеста как центральный персонаж свадебного обряда, совершающая ритуальный переход из одного жизненного состояния в другое, оказывается личностью маргинальной, мифологически окрашенной, подверженной воздействию нечистой силы и в свою очередь опасной для окружающих и всего мирового порядка. Наряду с предметным (в широком смысле слова) и акциональным кодами, элементами которых были посвящены предыдущие публикации, персональный (или персонажный) код в символическом языке традиционной культуры обладает своей особой структурой, семантикой, "синтаксисом" (сочетаемостью с другими видами символов), своим набором характерных признаков и функций – обо всем этом можно получить представление по публикуемым избранным статьям 3-го тома словаря.

НИЩИЙ – лицо, ущербное в социальном отношении, осмысляемое как посредник между этим и "тем" светом, как представитель и заместитель сакральных сил на земле, обладатель знахарского знания. Нищий близок по своему статусу странникам, паломникам, бродячим ремесленникам, коновалам и под.

В социальном плане нищенство неоднородно. С одной стороны, оно являлось **видом промысла**, а нищими становились не только вынужденно (те, кто не мог зарабатывать на жизнь из-за физических недостатков или лишился дома в результате войн и стихийных бедствий), но и добровольно, сделав сбор подаяния формой "профессиональной деятельности". У восточных славян нищие объединялись в особые организованные сообщества – цеха и ватаги, имевшие своих старейшин, тайный язык и т.п., для вступления в которые требовалось внести определенную плату. С другой стороны, нищен-

ство могло трактоваться как **форма праведной жизни**, когда нищими становились те, кто сознательно раздал свое имущество и "ушел в мир" по религиозным убеждениям.

Отношение к нищим было терпимым и участливым, поскольку считалось, что нищенство как жизненная доля может достаться любому человеку (ср. рус. поговорку "От тюрьмы да от сумы не зарекайся"); с точки зрения церкви нищенство рассматривалось как одна из моделей христианского поведения и мироощущения, поскольку освобождало человека от собственности, приучало к аскетизму и смирению гордыни, что в некоторой степени сближало нищего с монахом (ср. русские поговорки: "Кого Господь полюбит, нищетою възыщет", "Нищета прочнее богатства"; "Нищета живет, богатство гибнет" [1. С. 548]). В русском духовном стихе "О нищей братии" подчеркивается, что право нищенствовать заповедал сам Христос, оставив нищей братии "Христово имя" (т.е. право просить "Христа ради"). Согласно о.-слав. легендам, Христос и многие святые часто представляли перед людьми в образе нищих, чтобы испытать их нравственные качества. Поэтому нищий мог восприниматься как земной "заместитель" Бога, ср. пол. представление о том, что принимая у себя нищего, принимаешь Христа.

Знаками социальной и сакральной выключенности нищего из мира, его маргинального статуса служат его **внешний вид** и **атрибуты**. Нищие носили старую, рваную, заплатанную одежду, часто были босыми. По большей части это были люди увечные, с физическими недостатками и уродствами действительными или имитируемыми. Известны случаи, когда нищие крали или покупали детей и специально калечили их, чтобы использовать их для сбора подаяния, поскольку крестьяне охотнее подавали "убогим" (т.е. неполноценным в каком-либо отношении). Отличительным признаком нищего часто были длинные нестриженные волосы. Необходимой принадлежностью облика нищего были сума для сбора подаяния и посох. Жесты нищего (протянутая рука), его согнутая, сгорбленная поза, его расположение в нижней части пространства (часто нищий сидит на земле, у обочины дороги, на паперти), указывают на самый низкий социальный статус. Нищий выделялся из окружающих и своим **странным поведением**, которое могло напоминать поведение юродивого: нищие часто распевали нечленораздельные или бессмысленные песни, говорили между собой на непонятном для других языке.

Отсутствие у нищего собственного дома и хозяйства, постоянное пребывание в дороге, одиночество и отсутствие семьи делали его лицом **вне социума**. С этой точки зрения нищий мыслился как человек обездоленный, убогий, несчастный. Поэтому в некоторых ритуально значимых ситуациях встречи с нищим старались избегать, чтобы его ущербность не перешла на окружающих. В частности, при возвращении от венца встречи с нищим предвещала молодоженам бедную жизнь (рус.). Чтобы не стать нищим, нельзя называть жабу жабой, но только "веселухой" – иначе она может сказать: "Zebyś do wika żebrał" ("Чтобы ты весь век нищенствовал") (з.-укр.) [2. S. 182]. В виде нищего в в.-слав. традиции изображаются *злыдни* – персонажи, олицетворяющие несчастливую судьбу, бедность, беду.

С другой стороны, нищий, как любой случайный прохожий, мог, напротив, восприниматься как носитель доли, судьбы. Этим объясняется в.-слав. и ю.-слав. обычай приглашать в крестные ребенку первого встречного, лучше всего нищего, в тех случаях, если в семье умирали дети. У русских в ответ на расспросы детей, откуда они взялись, отвечали, что их купили у нищего. Встреча с нищим, идущим с полной сумою, предвещает счастье (рус.)

Нищим, как и вообще всем странникам, приписывалось **колдовское** и **знахарское знание**. Останавливаясь на постой, нищие лечили заговорами зубную боль, болезни глаз, бесплодие, избавляли от порчи скот и детей, помогали вдовам и вдовцам, если к ним под видом их умерших супругов являлась нечистая сила (рус., з.-укр.). Если у ребенка было родимое пятно, приглашали нищего и просили его своим посохом очертить пятно, чтобы оно не увеличивалось (пол.) [3. S. 298]. Знахарские услуги, оказываемые нищими, были своеобразной платой за предоставляемые кров и еду.

"Пограничный" статус нищего, его постоянное пребывание "в миру", в дороге,

наделяли его особым **всеведением**. Согласно в.-слав. быличкам, нищий, остановившийся на ночлег в доме роженицы, узнает от ангелов судьбу родившегося ребенка и рассказывает об этом матери. В другой быличке нищий, заночевав в лесной избушке, подслушал жалобы проклятого матерью парня, вынужденного жить вместе с нечистой силой. Придя затем к родителям парня, он рассказывает им об услышанном и помогает его спасти (рус.).

Нищие, как и другие странствующие люди, играли важную роль в сохранении и **распространении фольклорных текстов**, связанных с религиозной культурой – набожных песен, духовных стихов, апокрифических преданий, житийной литературы, народных молитв, исполнение которых было формой прошения милостыни. У всех славян нищие часто были народными певцами и музыкантами. В разных слав. традициях нищие имели свой репертуар исполняемых ими текстов: у восточных славян сюда входили духовные стихи "Об убогом Лазаре" (отсюда русское название нищера – *Лазарь*, глагол *лазарничать* – "выпрашивать, клянчить" и выражение *Лазаря петь* – "льстиво выпрашивать"), "Об Алексее Божьем человеке" и др.; у поляков – песни о св. Дороте, св. Елене, св. Юрии.

Одной из основных форм сакрального и социального контакта общества с нищим являлась **милостыня**, которая подавалась едой, одеждой и деньгами. Подаяние нищим считалось богоугодным делом и поддерживалось церковью (ср. русскую поговорку: "Просит убогий, а подаешь Богу"). Доля нищего предусматривалась уже при заведении, когда крестьянин перед началом сева просил Бога уродить хлеба "и на трудящего, и на просящего" [4]. Древнерусские князья, а впоследствии русские цари вплоть до XVIII в. устраивали в своих покоях специальные столы для нищих во время свадеб, больших праздников и в поминальные дни [5. С. 78]. Согласно свидетельству иностранных путешественников, "в Москве зачастую можно видеть не без изумления, как целые толпы нищих получают около домов богатых людей пищу или иную какую-нибудь милостыню" [6. С. 142].

Поскольку нищий рассматривался как посредник между этим и "тем светом", то подаваемая ему милостыня символизировала долю, выделяемую Богу и умершим предкам. Подавая нищему, его просили помолиться о выздоровлении ребенка, о благополучных родах, о даровании потомства, о возвращении родных, находящихся в пути, считая, что молитва нищего имеет более действенную силу. Полагали, что души умерших питаются той едой и одеваются в ту одежду, которую при жизни подали нищему и которую раздадут за их поминовение живые родственники. Согласно белорусским представлениям, на "том" свете стол человека, при жизни подававшего нищим, не будет пустым: "Бог так скажет: как ты давал, так и тебе надо дать". После похорон одежду покойного, полотенце, которым покрывали гроб, и остатки еды с поминального стола раздавали нищим, прося помолиться о душе умершего, а также подавали милостыню едой и деньгами в другие поминальные дни. В случае смерти некрещеного ребенка мать, для облегчения его посмертной участи, должна была раздать нищим сорок крестов (владим. рус.). Если покойник начинал "сниться" или "являться" своим родственникам, чтобы прекратить это, нужно было подать милостыню нищему (бел.), ср. карпатоукр. представление о том, что душа умершего может приходиться в дом в виде нищего.

Подаяние считалось благом не только для самих нищих, но и для тех, кто его подает, поскольку раздаваемая милостыня снимает с человека грехи и облегчает посмертную участь. По в.-слав. притчам и легендам, грешники, которые при жизни щедро подавали нищим, получили за гробом прощение, а грешница была спасена от адских мук за луковку, которую она подала нищему. Напротив, отказ нищим в милостыне и крове грозил возмездием свыше. Например, девушка, которая пряталась, чтобы не подавать нищему, превратилась в кукушку (з.-укр.), кукушкой стала и скупая вдова, не накормившая хлебом Бога, пришедшего к ней под видом нищего (витеб. бел.). В то же время, нищий, которому отказано в милостыне, может стать зморой и душить по ночам спящих (пол.).

Формы милостыни имели свою регламентацию в народной культуре. Одним из наиболее распространенных способов подаяния была передача его в окно, поскольку считалось, что такая милостыня быстрее дойдет до Бога (ср. рус. поговорка: "В окно подать – Богу подать" и выражение *стоять под окном* – "быть нищим, просить милостыню"), хотя иногда существовал запрет подавать милостыню в окно. Наиболее угодными Богу считались "тайные" милостыни, когда хлеб, блины, яйца, холсты тайком клали на окна домов, где размещались нищие (казан. рус.) [7]. В русской традиции был распространен обычай подавать нищим из гроба – этот вид милостыни также считался особо угодным Богу. В этом случае пожилой человек, заранее сделавший для себя гроб, насыпал его мукой или зерном и из него подавал нищим, пока гроб не опустеет, после чего наполнял его снова. Полагали, что чем больше роздано гробов хлеба, тем лучше для души этого человека. Иногда подаяние использовали в целях любовной магии: девушка, чтобы приворожить парня, подавала нищему особую милостыню – булочку, замешанную на своем поте, собранном в бане (владим. рус.).

Статусом нищего как посредника между человеком и Богом объясняется обычай **отдавать** ему не только остатки еды, но и **первую часть** какого-либо продукта, традиционно осмысляемую как жертву умершим предкам, призванную сохранить и преумножить благо. Этим объясняется русский обычай в праздники и поминальные дни откладывать первую часть приготовленных блюд и выставлять ее на окна для нищих. Им же отдавали первое яйцо, снесенное курицей, чтобы ее не тронул ястреб (пол.) или первое сбитое масло (словац.).

Запрет подавать нищему действовал в случаях, когда вообще запрещалось отдавать что-либо из дома, чтобы не отдать благо. Например, во время отела домашнего скота нельзя давать нищим хлеб, иначе скот будет разбегаться по селу, как расходится подаяние (Покутье); во время лечения человека от кликушества, которое продолжалось двенадцать дней, нельзя подавать нищим едой (деньгами можно), иначе лечение будет безуспешным (калуж. рус.).

Вещам, принадлежащим нищим, приписывались магические свойства. Целебными считались хлеб и крошки из сумки нищего – их давали съесть ребенку, долго не начинавшему говорить (в.-слав.), роженице при трудных родах (рус.), а также женщине, если у нее пропадало грудное молоко (бел.). Беременная при недомогании должна была съесть "40 милостынь", т.е. 40 кусков хлеба из сумки нищего (рус.). Чтобы защитить корову от сглаза, выкупали у нищего собранную им еду и скармливали корове (в.-укр.). К больному животу ребенка на три дня привязывали пятак, взятый у нищего (бел.); если овца не подпускала к вымени новорожденного ягненка, ее вместе с ягненком кормили сеном из торбы нищего (бел.). В Галиции крыс из дома изгоняли метлой, которой нищий подметает в церкви.

© 2001 г. *Е.Е. ЛЕВКИЕВСКАЯ*, канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. М., 1955. Т. 2.
2. *Gustawicz B.* Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*. Kraków, 1881. Т. 5.
3. *Ulanowska S.* Niektóre materiały etnograficzne we wsi Łukowcu // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*. Kraków, 1884. Т. 8.
4. С. Хоробичи, Городнянского р-на Черниговской обл., Полесский архив, хранящийся в Отделе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.
5. *Прыжов И.Г.* Нищие на Святой Руси // 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. СПб.; М., 1996.
6. *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1906.
7. *Бочечкаров Н.* О нищенстве и разных видах благотворительности // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. М., 1859. Кн. 3.

ОХОТНИК – наряду с другими "знающими" (пастухом, музыкантом, мельником, кузнецом, пасечником и др.) лицо, которому приписывались магические способности и колдовское знание.

Охота – промысел, близкий к ремеслу, овладеть секретами которого невозможно без помощи нечистой силы, поэтому считали, что кто занимается охотой, тот "на чертей научился" (рус.), тому "нечистый помогает" (полес.) – у такого охотника без всяких усилий с его стороны капканы всегда были полны дичи, а зверь сам шел под выстрел. **Становление охотника**, во многом аналогичное превращению в колдуна, представляет собой акт отречения от христианской веры и кощунственного поругания святынь. Чтобы стать хорошим охотником, нужно найденной на перекрестке смолой намазать ружье и выстрелить из него в крест – если на кресте покажется кровь, цель достигнута (пол.) [1. С. 132]; следует также в полночь на перекрестке выстрелить в причастие (з.-рус., луж.) или в луну (бел.), что рассматривается как заключение союза с чертом. Чтобы черт помогал в охоте, во время пасхальной заутрени, когда священник трижды возгласит: "Христос воскрес!", охотник на первый возглас священника должен ответить: "А я утку убил!", на второй возглас: "А я зайца убил!", на третий: "А я козу убил". Тогда во время охоты дичь сама будет выходить на него [2]. Охотничье знание передается в семье из поколения в поколение и держится в секрете. Как и колдовству, охотничьему мастерству можно научиться от старшего охотника-колдуна, который подвергает новичка испытанию, предлагая совершить то или иное кощунство – сюжет многих восточнославянских быличек. Полагали, что тот, кто родился в "сорочке", будет удачливым охотником (з.-укр.).

По русским поверьям, чтобы успешно охотиться, нужно заключить договор с лешим – без его позволения охотник не только останется без добычи, но может заблудиться и погибнуть. Заключение такого договора часто аналогично продаже души черту: охотник должен кровью из большого пальца левой руки написать глухариным пером на бумаге свое имя и фамилию и отдать бумагу хозяину леса, за что тот посылал охотнику "охотничье счастье" [3. С. 20]. В других случаях охотник получал от лешего "особую статью", т.е. заключал договор на определенных условиях, например, не брать дичи больше, чем разрешал леший, приходиться на охоту в определенные дни и пр. В противном случае леший наказывал охотника: хлестал верхушками деревьев, насылал на него болезнь. По договору леший загонял в силки дичь и пригонял под выстрел зверя. Если охотник вынужден был заночевать в лесной избушке, он должен был попросить у лешего разрешения: "Пусти, хозяин, не век вековать, а одну ночь ночевать", иначе тот всю ночь пугал человека или выгонял его из избушки (с.-рус.).

Чтобы охота была удачной, в течение всего сезона охотник должен был соблюдать ряд **запретов и предписаний**, например, не разговаривать со встречными людьми (рус.), не здороваться за руку (в.-укр.), накануне охоты не вступать в половые отношения с женой, не упоминать на охоте о женщине, не называть некоторых животных по их настоящему имени, а использовать для этого табуированные имена, например, русские охотники избегали упоминать ворона, а звали его "курицей". Охотник старался, чтобы никто не увидел, как он отправляется на промысел (полес.), при выходе из дому запрещалось оглядываться (с.-рус.), а должно было произнести заговорную формулу, обеспечивающую удачу: "Господи Боже, повстречай и помоги" (в.-укр.). На Русском Севере считали, что каждый охотник, как и пастух, имеет свой **отпуск** – специальный заговор вкупе с определенной системой поведения, от которых и зависела хорошая охота. Например, в соответствии с отпуском, охотник, каждый раз идя в лес, должен класть себе в карман заряженный патрон (с.-рус.).

В русской традиции существует значительный корпус охотничьих заговоров, цель которых – обеспечить обильную добычу, которая сама бы сбегалась к охотнику, оградить его и его ружье от порчи, отогнать мешающих при охоте хищных птиц, в частности ворона. Существуют заговоры на удачу в конкретном виде охоты:

на зайцев, уток, белку, медведя и т.д. Один из с.-рус. охотничьих заговоров содержит обращение к св. Елене: "Елена пресвятая, возьми ключи потайные, открой тюкачи мясные. По реке плывут три лебедя, три гуся, три утки, рабу Ивану открой жертву". Однако наиболее частотным в в.-слав. охотничьих заговорах является обращение к св. Юрию, как покровителю всех зверей, с просьбой согнать для охотника всю добычу в одно место. Охотник произносил заговор каждый раз при выходе на охоту, или наговаривал его на различные предметы: нож, сучок дерева, хлеб, мед, кусок мяса, ком снега, воск от свечи, взятой при отпевании покойника, землю, взятую со своей усадьбы, а сам текст хранил дома в не доступном для других месте. Потеря или уничтожение текста охотничьего заговора грозили тяжелым несчастьем: жена одного охотника в его отсутствие нашла бумагу с заговором и, не зная, что это такое, сожгла ее. После чего охотник сошел с ума и поджег свой дома (с.-рус.).

При отправлении на охоту имели значение приметы: если охотнику, идущему на промысел, встретились женщина или священник, дорогу перебежал заяц, перелетели ворон или сорока, то охота будет неудачной. Примечали – если в день св. Димитрия лают собаки, то охотнику будет сопутствовать удача (с.-рус.).

Охотник владел **магическими приемами охоты**. Собираясь на медведя, он брал с собой мышь, веря, что медведь сам выйдет на него (с.-рус.) или траву *болотистую былинку* (поповник – *Lencanthenum*), а также пил натошак отвар травы *болотистого голубца* с укусом и медом (рус.). Гуцулы перед охотой на медведя постились и молились. В восточной Польше верили, что охотник будет удачлив в охоте, если весной поймает первую увиденную им желтую бабочку, а поляки в западной Белоруссии считали, что перед охотой нужно подержаться за женское колено. Для удачной охоты носили в кармане сучок, на котором куковала кукушка (рус.). Полагали, что везение в охоте на птиц обеспечивает трава "царские очи" (Росянка круглолистная – *Drosera rotundifolia*), а тот, кто носит за пазухой траву *бель* (вероятно, белену), будет удачлив в охоте на зайцев и тетеревов (рус.). Использование трав в охотничьей магии давно известно в русской традиции: в 1648 г. в Рыльске был задержан некто Гаврилка Мусин, носивший в кармане корень "для звериного промысла" [3. С. 243].

В охотничьей магии выделяются действия, совершаемые с первым убитым или попавшим в сети зверем или птицей, чтобы дальнейшая охота была удачной. В частности, первого, попавшего в снасти горностаея продевали сквозь снасти, произносили над ним заговор, призывающий горностаея привести к охотнику весь горностаев род, после чего из зверя вынимали сердце и печень, которые потом высушивали и носили с собой на промысел (с.-рус.); поймав первую живую утку, следовало вырезать на берегу пласт земли, положить на него белый платок, резать на нем утку и прочитать заговор, в котором выражено пожелание, чтобы все птицы так же быстро слетались к охотнику, как бежит кровь из сердца этой утки (рус.).

Чтобы ружье стреляло без промаха, а в силки попадала дичь, охотник прочитывал над ними специальные заговоры, а ружье смазывал жиром и кровью медведя или кровью ворона, а также носил при себе листья земляники (рус.). Для этой же цели ружье окуривали дымом, пропущенным через сорочье или воронье гнездо, трижды продевали ружье сквозь расколотый ствол осины, а застрелив птицу, трижды прикасались стволом к ране, чтобы кремень не давал осечки (рус.). Для удачной ловли уток нужно в Страстной четверг окурить охотничьи снасти травой "Адамова голова" (рус.), а наживку в снастях для ловли белки следовало смазать чесноком (с.-рус.).

Повсеместно считалось, что охотничьи снасти, ружье и охотничья собака легко поддаются сглазу и порче. Например, если сказать: "Не стрелок стреляет, а черт мишень подставляет", ружье будет "испорчено" и перестанет попадать в цель (рус.). Полагали, что ружье и снасти могут "испортиться", если через них перешагнет женщина, особенно в период месячных, а если, по недосмотру, такое происходило,

орудия охоты окуривали освященными травами. Если убить вошь, оказавшуюся на ружье, из него уже никогда не попадешь в зверя (гуцул. укр.). Чтобы лишить охотника удачи, нужно сказать, услышав его первый выстрел в лесу: "А дым густой, а борщ пустой", и он не сможет ничего подстрелить [4]. "Испорченная" охотничья собака перестает выслеживать ценного зверя, на которого натаскана, а бросается вдогонку за белкой или зайцем. Полагали, что такую собаку уже нельзя исправить, но можно отомстить обидчику, обратив порчу против него самого или против его собаки (с.-рус.).

Известны многочисленные **обереги**, в том числе заговоры, защищающие охотника от зверя, а орудия лова от сглаза и исправляющие причиненный вред. От хищников и разных опасностей охотника спасает рысий коготь, который нужно носить с собой (с.-рус.), а также трава "царские очи". Считалось, что не подвержено порче ружье, которое промывается водой, освященной в Великий Четверг, или в ствол которого положены рябиновые листья (рус.). Колдун не может испортить ружье, окуренное травой колючником (*Carlina*).

Согласно в.-слав. и пол. быличкам, нечистая сила часто морочит охотника, представляясь ему в виде желанной добычи, например, черт в виде зайца заводит охотнику в чащу и с хохотом убегает или скрывается в дупле; в другом случае, оказывается, что такого "зайца" не берут пули, а сам он, погрозив охотнику лапой, гонится за ним до самого дома. Сербы полагали, что на случай встречи с животным-оборотнем охотник должен иметь в ружье записку с оберегом или брать с собой черную собаку без единого светлого пятна. В то же время нечистая сила может принимать вид охотника, например, черт в облике охотника является девушке, задержавшейся в корчме после полуночи (морав.).

В з.-слав. быличках, особенно у поляков и лужичан, встречается мотив "дикой" или "ночной" охоты, заимствованный из западноевропейской мифологии: мимо человека заночевавшего в лесу, с диким свистом и криками пронесится на конях группа охотников в богато убранных одеждах – они оказываются или чертями, или душами тех охотников, которые так любили этот промысел, что охотились по воскресеньям и поэтому после смерти вынуждены носиться по лесам, искупая свой грех. Такой персонаж обычно называется *dziki strzelec*, *noćny hajnik* или *nocny jagar* и появляется в полночь в охотничьем костюме.

Охотники участвовали в некоторых **обрядках**. Например, на Крещение во время освящения воды в "иордани", они стреляли из ружей, чтобы отогнать от села волков (полес.). У сербов существовал обряд *vuchari* (дословно – "волчатники"), во время которого охотники, убив волка, совершали над ним ритуальные действия, заканчивавшиеся обходом села со шкурой убитого волка и собиранием даров. Согласно одному из вариантов этого обряда, охотник, убивший волка, бросал на него свое ружье со словами: "Вот тебе, злодей, злодея на тебя". Старший по возрасту охотник забирал ружье, а один из младших, которым должен быть девственный юноша, сдирал волчью шкуру. Охотнику, убившему волка, вручали посох, с которым он во главе всей группы входил в село. Охотники, останавливаясь у дома того человека, которому волк нанес наибольший ущерб, клали перед хозяином убитого волка. Хозяин брал ружье, из которого был убит зверь, сверлил в прикладе дырочку, забивал туда кусочек тисового дерева и заливал дырочку воском. Охотник, убивший волка, с ружьем садился во главе стола, остальные стреляли из ружей, а хозяин угощал всех ракией. После чего двое охотников с ружьем, посохом и шкурой волка отправлялись по селу, рассказывая о том, как был убит волк, и собирая дары: женщины приносили мотки шерсти, полотенца, обувные ремешки, мужчины давали деньги, равные стоимости одного патрона, и клали их на волчью голову. При обходе охотников угощали мясной пищей с черствым хлебом и ракией. По завершении обхода охотники делили подношения между собой, а волчью голову продавали за медовую ракию. Этот обряд мог иметь календарную приуроченность, например, сербы Хорватии на Масленицу носили чучело волка по домам и пели "волчью песню" [5].

В символическом виде охота изображалась в болгарском обряде "заячья игра", в которой один из участников изображает охотника, а другие зайцев. В западной Белоруссии под польским влиянием были распространены сценки про охоту, которые разыгрывали ряженые на святки: охотник бегает с ружьем по хате, "убивает" "козла", которого взваливает себе на плечи и несет в котел. У русских при сватовстве невесты сваты часто представлялись охотниками, которые хотели бы поймать соколицу или куницу.

© 2001 г. *Е.Е. ЛЕВКИЕВСКАЯ*, канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Petrow A.* Lud ziemi Dobrzyńskiej, jego charakter, mowa, zwyczaje, obrzędy, pieśni, przysłowia, zagadki // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1878. Т. 2.
2. С. Вышевичи Радомышльского р-на Житомирской обл., Полесский архив, хранящийся в Отделе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.
3. *Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Петрозаводск, 2000.
4. С. Хоробичи Городецкого р-на Черниговской обл., Полесский архив, хранящийся в Отделе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.
5. *Толстой Н.И.* Южнославянские вучари. Обряд, его структура и география // Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения-1. М., 1992.

МУЗЫКАНТ – наряду с другими "знающими" (пастухом, мельником, охотником, кузнецом и т.п.), лицо, которому приписываются колдовские способности, обязательный участник календарных и семейных обрядов. Основная функция музыканта – игра на музыкальном инструменте и извлечение из него музыки – определяет его статус в народной культуре: музыкальный инструмент мыслится как неотъемлемая часть музыканта, посредством которого он и проявляет себя в обрядовых ситуациях, порождая музыку. Таким образом музыка, с одной стороны, заменяет собой вербальную и акциональную деятельность музыканта, являясь средством его коммуникации с обществом и миром, а с другой, по народным представлениям, она обладает магическим свойством и имеет потустороннее происхождение, что придает музыканту статус универсального посредника как внутри социума, так и между человеком и иным миром.

В Древней Руси музыкантами обычно были скomorохи, чья деятельность осуждалась и преследовалась церковью как бесовская, а в болгарских средневековых источниках встречается тип слепого музыканта, игравшего на городских улицах [1. С. 26]. У восточных славян, особенно у украинцев и белорусов музыканты часто были профессиональными нищими – лирники, являвшиеся носителями и распространителями различных фольклорных текстов – духовных стихов, исторических песен, апокрифов и т.д.

Согласно поверьям, чтобы **овладеть музыкальным мастерством**, нужно прибегнуть к помощи нечистой силы. Человек, желающий стать музыкантом, должен до восхода солнца пойти на перекресток и, раздевшись донага, заиграть на скрипке (карпатоукр.) Для этой же цели нужно ночью закопать на перекрестке свирель, наполненную водкой. Через семь дней музыкальный инструмент нужно откопать – если черт принял подношение, водки окажется половина, а еще через семь дней свирель выкапывают окончательно – если там совсем не окажется водки, человек будет в совершенстве играть на свирели даже во сне (карпатоукр.). Представления о магических способностях музыканта особенно сильны в карпатской традиции, где считалось, что некоторые мелодии музыкант подслушивает у лесного демона *чугайстера* или

у черта, но не может воспроизвести из них одну ноту; полагали также, что играть эти мелодии может только тот, кто их услышал – другие музыканты не способны их перенять. Чтобы хорошо играть на скрипке, нужно канифоль для натирания скрипичных струн перетапливать в тот момент, когда ксендз служит воскресную или позднюю обедню, или смешать ее с воском от пасхальной свечи (пол.) [2. S. 42].

Часто способность к колдовству приписывалась скрипачам (полес.), между которыми происходили состязания в колдовской силе. Соперничество двух скрипачей – известный сюжет полес. быличек: один скрипач насылает порчу на инструмент другого, в результате чего у того внезапно лопаются струны, "кобылка" (часть скрипки) превращается в живую лошадь и убегает и т.д. Однако пострадавший музыкант оказывается сильнее и называет обидчика: превращает его в коня, с помощью магии приводит в негодность его скрипку и под.

Музыка привлекает к музыканту **нечистую силу**. Сюжетом многих в.-слав. быличек служит рассказ о том, как черти под видом подгулявшей компании встречают музыканта, возвращающегося со свадьбы или вечеринки, и просят поиграть им на скрипке за хорошую плату. Музыканту кажется, что он находится в красивом доме, а под его музыку пляшут дамы и кавалеры. Он играет несколько суток подряд, но ему представляется, что прошло всего несколько часов. Лишь случайно (перекрестившись или упомянув имя Божье) музыкант обнаруживает, что сидит в чаще леса на пне или в болоте, а вокруг пляшут черти.

Мифологические персонажи обнаруживают пристрастие к музыке, а иногда сами выступают в качестве музыкантов: черта представляют аккомпанирующим на скрипке, в то время, как другие черти танцуют [3], в другом случае черти, пришедшие в гости к ведьме, играют на скрипке и бубне, пока один из них танцует с хозяйкой (полес.). Женские демоны *витреницы* любят танцевать на горных полянах, поэтому они часто крадут того, кто хорошо играет на свирели или гуслях, и держат его у себя до старости, заставляя непрерывно играть (карпатоукр.). В другом карпатском сюжете в качестве музыканта, играющего танцующим витреницам на волынке, выступает сам черт.

Музыкант – один из обязательных участников **свадебного обряда**, выделявший музыкой его наиболее важные фрагменты, например: вывод невесты из дома, вынос каравая (полес.), просеивание муки для каравая, бритье молодого, хождение молодой за водой (болг.) и др. Музыкант получал за свою игру на свадьбе вознаграждение. При раздаче каравая ему выделялась нижняя корка с запеченными в ней монетами (полес.) или все остатки от каравая после раздела его между остальными участниками свадьбы (полес.), хлеб, в который было воткнуто свадебное деревце (в.-укр.), скатерть, на которой стоял каравай (полес.), рушник (з.-укр.), платки, которые дружки выносили музыканту на палках (в.-укр.). Музыкант участвовал во многих **календарных обрядах**, в частности, музыканты с волынской сопровождали группы *волочевников* – исполнителей пасхальных волочебных песен.

На русском Севере, Карпатах и у западных славян функции музыканта частично совмещались с функциями пастуха, обязательным атрибутом которого являлись рожок, иногда барабан, а на Карпатах – флейта и трембита. Игре пастуха на музыкальном инструменте приписывались защитные свойства. К примеру, у словаков накануне Нового года и дня св. Люции пастухи обязаны были как можно громче играть на своих инструментах, чтобы отогнать нечистую силу.

© 2001 г. *Е.Е. ЛЕВКИЕВСКАЯ*, канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Захариева С.* Свирачът във фолклорната култура. София, 1984.
2. *Siarkowski Wł.* Materiały do etnografii ludu polskiego z okolic Pinczowa // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*. Kraków, 1885. Т. 9.
3. С. Олбин Козелецкого р-на Черниговской обл., Полесский архив, хранящийся в секторе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.

ПАСТУХ, овчар(чабан) – главный персонаж в обрядах и верованиях, связанных с защитой, сохранностью скота, особенно во время летнего выпаса. Считается причастным к тайнам общения с животным и растительным миром, посредником между людьми и "иным", потусторонним светом. Пастух выполняет целый ряд обрядовых действий, обеспечивающих, по поверьям, благополучие стада (ср. названия пастуха по осуществляемым функциям: рус. *пастух*, болг. *пастир*, болг., серб. *чобан* и др.). В ряде славянских регионов пастух пользуется особым почтением: на Русском Севере его считают колдуном, имеющим связь с лесным и другими потусторонними силами; на Карпатах главный пастух (*bača*) выполняет также функции местного знахаря, целителя, а кроме того – и колдуна, отбирающего молоко у овец из ближайшего чужого стада.

Действия пастуха во время летнего выпаса. Множество обрядовых действий совершается пастухом (иногда вместе с хозяевами) при первом выгоне скота в поле. Чтобы прогнать нечистую силу, "зло", сосредоточенное на пути к пастбищу, карпатские пастухи громко хлопали бичами, свистели, звонили в колокольчики, играли на трубе, дудке и т.п. Пастухи в Горегронье (Словакия) при первом выгоне скота громко щелкали бичами, чтобы "открыть луга" и очистить их от злых сил. В Карпатах главный пастух вел стадо на пастбище окольными путями, закапывал на окраине села цепь с замком или веревку, на которой спускали в могилу покойника (чтобы не разбежались овцы), рисовал пастушеским топориком крест на земле, чертил ножом поперек дороги "границу", которую не смеют пересечь духи, бросал на мост горсть соли, натирал овцам копыта чесноком и т.д. По прибытии на место выпаса гуцульский пастух всаживал топор слева от двери в пастушью хижину, добывал огонь трением сухих поленьев, подкладывал тлеющую головешку у входа в загон, кропил стадо святой водой. Зажженный овчаром огонь должен был гореть в течение всего сезона выпаса: погасший огонь свидетельствовал о том, что пастух злой или неумелый. У восточных славян пастух, как правило, обходил скот с хлебом, солью, яйцами или яичницей, свечой, топором, замком и ключом и т.д. [1. С. 108–141]. Чтобы пастух не задремал на пастбище и не был ленивым, в день выгона скота его обливали водой.

У всех славян важное значение имели предметы, которые пастух клал себе в сумку при выгоне скота. Так, оберегая стадо, пастух носил с собой в поле яйцо, хлеб в виде креста, крупицу освященной соли, свечу, различные "магические" травы, освященный мел, угольки, а у южных славян – пули, использованные при выстреле в момент отправления на пастбище. Считалось, что носимые пастухом предметы должны способствовать не только сохранности стада или отары, но и плодовитости животных. Магическая защитная сила приписывалась кнуту (бичу) пастуха, а также и пастушеским музыкальным инструментам: рожку, дудке, свистку, трубе, на Карпатах – трембите. Так, на Русском Севере пастух своей игрой на музыкальном инструменте во время обхода стада "заигрывал" или "закрывал пасть зверю", а также "подавал сигнал" лешему гнать коров из леса [2. С. 88–89]. В Хорватии, чтобы прогнать злые силы, пастухи перед выгоном скота в поле обходили село, трубя в *trubaljke*, *trube*, *trobente* [3]. В области Бела Краина (Словения) пастухи совершали такие обходы вплоть до праздника Успения Богородицы.

Пастуху отводилась важная роль в очистительных обрядах, совершаемых во время падежа скота: он добывал "живой огонь" для очистительного костра, прогонял стадо через костер или "сквозь землю", т.е. вырытый в земле ров. У балканских славян чабаны (одни или вместе с хозяевами) выполняли целый ряд ритуальных и магических действий во время первого доения овец.

Связь пастуха с потусторонними силами. На Русском Севере пастух вступает в особые отношения с лешим, чтобы тот помогал ему пасти стадо: считается, что в этом случае пастуху удастся сохранить стадо, не растерять животных, защитить от диких зверей и от самого лешего. Пастух заключает с лешим договор, по которому "дает" ему лучшую корову, первую или последнюю при выходе из огороженного круга в стадо, и обязуется соблюдать ряд запретов (не собирать лесных ягод

и грибов, не отгонять комаров и мух, не разорять муравейники т.д.), за что леший обеспечивает ему сохранность стада. Скрепляя договор, пастух произносит заговор (*отпуск, слова, список*), обходит вокруг стада с замком и ключом, бросает запертый замок в лес, закапывает бумагу с написанным заговором в укромном месте, где оставляет его до конца выпаса скота и т.д. В некоторых русских и полесских селах пастух все лето не стрижется, не имеет половых отношений, не берет с собой в поле нож и пр., – на Русском Севере этот свод правил поведения пастуха в течение выпаса входит в договор с лешим, составляя часть "отпуска". Считается, что хозяин леса наказывает пастуха, нарушившего уговор: убивает, "хлестает", войдя ветром и бурей в дом, "закрывает", прячет от людских глаз корову; в последнем случае "открыть" животное может пастух, договорившись с лешим (или "знающая", ясновидящая старушка).

Колдовские свойства приписываются пастуху на Карпатах в Польше, Словакии, Чехии, где он лечит магическими способами людей, овец, у которых "стриги" или другие овчары отнимают молоко; наводит или отводит порчу; считается ясновидящим; способен разговаривать с духами, узнавать их мысли, превращать неугодных ему людей в камни и т.д. Так, в польских Татрах и Подгалье важную роль в магических действиях овчара играл его топорик в форме трости (*ciuraga, ciuruga*): если пастух засаживал его в ель, то из нее текло молоко; если – в угли, то тем самым вызывал к себе другого овчара; при волнении и бляении овец овчар втыкал топорик в землю и пропускал над ним отару, после чего овцы успокаивались [4. S. 115, 117–118]. У словаков Замагурья овчар должен был подтвердить свой статус, отобрав у другого овчара молоко: в противном случае он лишался права быть овчаром. Предполагается, что удивительные способности овчаров передаются из поколения в поколение. В ряде словацких областей овчары воспринимались как полулюди-полудемоны – *strigoši*, способные противостоять "стригам", вызывать их к себе, заставлять признаваться и каяться в совершенных злокозненных действиях с овцами. У балканских славян сверхъестественная сила и могущество овчара связываются с представлениями о рождении его от змея и обычной женщины.

Обычай **чествования** пастуха распространен у всех славян. Помимо регулярной платы натурой, пастуха одаривали в день выгона скота и по окончании выпаса осенью; в Брестской области такое угощение называлось соответственно *запасне* и *допасне*. Кроме того, пастухов чествовали: на Пасху, в Юрьев день, на Троицу, в Петров день. В качестве угощения пастухам обычно готовили яичницу или давали продукты для ее приготовления. У русских чествование пастухов называлось "мирская яичница". На Смоленщине приготовление пастухами и подпасками яичницы превращалось в сложный обряд, цель которого состояла в том, чтобы "зверь" "не увидел", "не коснулся" "скотинки", чтобы "у зверя не разомкнулись зубы" и т.д. Иногда пастухи сами ходили по хатам и собирали подарки, но чаще пастух стоял у околицы села и принимал пироги, лепешки, деньги и холсты. В высокогорных областях Словакии главным пастухом устраивалось "угощение на пастбище", оно заканчивалось музыкой, традиционными песнями и плясками. В Польше во время пиршества совершался обряд выбора "короля пастухов": им становился тот, кто первым пригнал скот на пастбище.

Окончание летнего сезона выпаса скота также отмечено чествованием пастухов, часто совпадающим с каким-либо осенним календарным праздником (например, на Русском Севере – с праздником Покров, в Полесье – с днем св. Михаила).

Пастух как лицо сакральное, наделяемое сверхъестественными способностями, выполняет различные ритуальные функции в течение всего **обрядового календарного года**. У западных славян широко распространены обходы пастухов на святки, во время которых они играют на музыкальных инструментах, щелкают кнутами, исполняют поздравительные песни, за что получают от хозяев угощение. На Рождество в украинских Карпатах и Словакии пастухи разносили по домам прутья, которыми следовало весной выгонять скот. В ряде чешских и словацких областей пастухи ходили по домам,

раздавали накануне выпаса березовые или хвойные прутья и высказывали благопожелания, за что получали от хозяев деньги и угощение. Часто хозяева стегали пастухов полученными от них же прутьями, а пастухи должны были высоко подпрыгивать, чтобы скот был резвым и здоровым (или чтобы конопля была высокой). В Сербии и Черногории чабан выполнял важные ритуальные функции на Рождество: в качестве "полазника" (первого посетителя дома) он приходил рано утром к хозяевам скота, высказывал благопожелания, разгребая в очаге угли, за что хозяева его щедро одаривали. В южнославянских областях для пастуха выпекали специальный праздничный хлеб (преимущественно на святки, Пасху, день св. Георгия), называемый *чобански колач*, *овчарица*, *чобаница* (серб.), *чобанска пита*, *овчарник*, *овчарница* (болг.) и пр. Среди лепных украшений и рисунков на больших обрядовых каравах фигура чабана занимает одно из центральных мест.

В Словении и северо-западной Хорватии на пастуха возлагались обязанности устраивать большой сельский костер на Пасху (хорв. *uskrsni krijes*). В Сербии и Боснии пастухи возжигали костры и факелы в день св. Петра: с факелами в руках они преследовали сельских женщин, вымогая угощение, устраивали ритуальные состязания и драки, а затем затыкали в поле, в углах помещений для скота и хозяйственных строений.

Пастух в фольклоре выступает в образе покровителя, защитника, чудесного помощника, проводника. В русских сказках их герой Иван-царевич нередко основные подвиги совершает в облике пастуха. В македонских сказках пастух берет на воспитание брошенных (царских) детей, меняется одеждой с персонажами, выполняющими трудные задания, спасает главного героя и пр. В балканском фольклоре пастух часто выступает как противник змея (змеи) или как его ипостась; наиболее распространен мотив сражения пастуха со змеем за стадо [5. С. 205–281]. Музыкальные инструменты пастуха выступают в фольклорных текстах как чудесные предметы: с их помощью пастух заставляет плясать окружающих, собирает вокруг себя "вил", "самовил", "самодив", слетающихся на звуки его свирели. В текстах южнославянских заговоров пастухи уничтожают, истребляют болезнь ("хватают", "вяжут", "режут", "съедают", "гонят" и т.д.).

Портрет пастуха в мифопоэтической традиции имеет ярко выраженные черты связи этого персонажа с "иным" миром. «Это *пастух* – змееборец и *пастух* – воспитатель царских детей; он находится в особых отношениях с *иным* миром, при этом чаще с *нижним*, чем с *верхним*, и в особых отношениях с природой, преимущественно с фауной, – в определенной степени он является медиатором между дикими и домашними животными...; он – владелиц чудесных предметов, прежде всего – дудочки (через которую связан с магической сферой музыки); он обладает особым (сакральным, эзотерическим) знанием, одна из его функций "информатор для встречающих"; в некоторых ситуациях он коварен и жесток; он занимает самое низкое место в общественной иерархии, но обнаруживает те свои качества, которые приводят его на вершину власти, богатства и т.п., всего того, что должно принадлежать ему по праву» [5. С. 235].

© 2001 г. А.А. ПЛОТНИКОВА, канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плотникова А.А. Первый выгон скота в Полесье // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.
2. Финченко А.Е. Пастушеские орудия труда (по материалам Русского Севера XIX – начало XX в.) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992.
3. Колева Т. Гергьовден у южните славяни. София, 1981.
4. Pastierstwo Tatr Polskich i Podhala. Życie i folklor pasterzy Tatr Polskich i Podhala. T. 7. Wrocław – Warszawa – Kraków.
5. Цивьян Т.В. Движение и Путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999.

КУКЕРЫ – мужские маскарадные шествия, а также их участники на масленичной неделе или первой неделе Великого поста. Иные названия карнавальной процессии – *кукове, старци, бабугери, арапи, песьци, зибечи, дракуси, калугери, камилари, джамалари, джумали*. Обряд включает различные игровые сцены, сакральный смысл которых состоит в том, чтобы способствовать благосостоянию, плодовитости и здоровью окружающих, защитить село от зла и несчастья. Известен в восточной Фракии и отдельных регионах восточной и юго-восточной Болгарии; имеет структурное и функциональное сходство со святочно-новогодними шествиями в западной Болгарии, Македонии, юго-восточной Сербии (наличие разветвленной системы ролей; присутствие ряженых, представляющих брачную пару; исполнение игровых сцен с четко выраженной фаллической символикой и пр.): болг. *коледжане, сурвакари, василичари, старци, бабугери, бабушари, камилари, джамалари, макед. василичари, цамалари, цаламари, бабари, серб. колеђани, сировари, суровари* и др.

Обряд исполняется исключительно мужчинами, преимущественно холостыми, в течение масленичной недели и в следующий за ней понеделник (*Кукеровден, Куковден, Старцовден*). В дружине кукеров строго распределены **роли**. Предводителем выступает "кукер" или "хаджия"; обязательно наличие одного или нескольких женских персонажей, в роли которых выступают одетые в женскую праздничную одежду красивые юноши с тонкими чертами лица. Они идут в процессии вместе с парными мужскими масками: например, "невеста" с "зятем" или "женихом", "баба" или "кукерица" со "стариком", "старым кукером", "цыганка" с "цыганом" и т.д. Другие участники шествия – "царь", "кум", "поп", "доктор", два или четыре "сборщика налогов", "парикмахер" и пр. Многочисленную группу составляют одетые в вывернутые наизнанку тулупы мужчины с вымазанными сажей лицами – *арапи, сеймени, бабугери, дервиши*. Нередко шествие сопровождает "верблюд" ("конь", "осел"), которого представляют двое мужчин, накрытые одеялом; в северо-восточной Болгарии встречается маска огромной "птицы" с длинным клювом (*брезая*).

В наряде кукеров преобладает одежда из шкур, вывернутая мехом наружу. Их маски причудливо украшены разноцветными монистами, зеркальцами, перьями, рогами. Все участники увешаны различной величины колокольчиками, в руках они несут деревянные сабли, покрашенные на конце в красный цвет наподобие фаллоса. Во многих селах женский персонаж ("невеста" и под.) держит в руках "ребенка" (запеленатого котенка или куклу из дерева, тряпок), а при обходе домов имитирует роды (например, выпускает котенка или щенка из-под юбки; выкрадывает настоящего ребенка). "Баба" одета в старые лохмотья, в руках у нее – корзина с прялкой и пряжей. Женский персонаж постоянно оказывается объектом нападения окружающих мужчин, поэтому в роль "супруга" входит защита партнерши от назойливого внимания окружающих. "Поп" венчает "молодоженов"; "сборщики подати" несут цепь, которой ловят окружающих, собирая "невыплаченные" долги; "парикмахер" "бреет" деревянной саблей зазевавшихся прохожих.

Помимо традиционных действий колядующих (пожелание благополучия хозяевам и сбор подарков – яиц, муки, пряжи), кукеры представляют **комические сценки**, их обходы сопровождаются шумом и буйными танцами, во время которых участники звенят колокольчиками и бубенцами, размахивают деревянными фаллосами, прогоняя "зло" и нечистую силу; преследуют бездетных женщин, чтобы "оплодотворить" их. Женщины, которых кукеры ударяют своим оружием, высоко подпрыгивают под музыкальное сопровождение кукеров, способствуя таким образом буйному росту зелени и богатому урожаю. Фаллическая символика характеризует также исполняемые при обходе игровые сценки: кукеры валят на землю "невесту", изображая половой акт, "жених" защищает ее, но кукеры "убивают" его, "невеста" плачет и просит "доктора" оживить "жениха". Кульминация игр кукеров – обрядовое "запахивание и засеивание", а главный его персонаж – "царь". Для него на сельской площади устраивается трапеза, во время которой он провозглашает тосты за здоровье, урожай

и плодovitость всего живого. Затем он начинает погонять кукеров, запряженных вместо коней в плуг. На сельской площади "царь" "распахивает" три борозды и "за-сеивает" их, разбрасывая вокруг семена. После этого кукеры символически убивают "царя" (или "жениха") своими саблями, а тот через некоторое время "воскресает", что связывается исследователями с остатками культа фракийского Диониса [1].

В прошлом, как и в случае с процессиями колядующих у южных славян, две столкнувшиеся на пути дружины кукеров вступали в настоящий, реальный бой; убитых хоронили на месте битвы.

© 2001 г. А.А. ПЛОТНИКОВА, канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов Р. Кукери // Българска митология. София, 1994. С. 186–189.

НЕВЕСТА – один из центральных персонажей свадебного обряда, наряду с женихом.

В ходе обряда поэтапно меняются социально-возрастное положение и родственные отношения невесты. Процесс обрядового "перехода" для невесты более актуален, чем для жениха, она более уязвима для злых сил, поскольку ей, в отличие от жениха, приходится переходить на чужую сторону, в новую семью. Поэтому большинство оберегов, вступающих в силу после сватовства, касается именно невесты, а обрядность, связанная с ней, разнообразнее, чем у жениха, как активнее и участие самой невесты в обряде, по сравнению с женихом. Многочисленные ритуально-магические действия и запреты, связанные с невестой, направлены на установление новых социально-родственных отношений, обеспечение счастливого и прочного брака, любви и согласия, достатка и хозяйственного благополучия, здоровья и долгой жизни, деторождения, власти над мужем и главенства в семье, скорейшего замужества подруг невесты.

"Невестой" нередко начинали именовать девушку уже по достижении **брачного возраста**. Отличительные атрибуты ее до вступления в брак – различные кольцеобразные девичьи головные уборы (в том числе венки), оставляющие открытой макушку, и особая девичья прическа (например, распущенные волосы, одна коса у русских), иногда кватка (например, у болгарских девушек она приколоты слева). Невеста с богатым приданым называлась у русских *богачунья*, получающая в приданое пахотный участок – *деревеница*, имеющая много нарядов и вещей – *борошнистая невеста*, пользующаяся успехом благодаря своей красоте и нарядам – *славнуха*, *славутница*, *славенка*.

На **сватовстве** невеста выражала свое согласие или несогласие на брак с помощью условных знаков. Если была согласна, выходила из укрытия и садилась за стол (рус.), уходила к соседям, мела пол от порога или соскакивала с лавки на расстеленную верхнюю одежду свата (бел.), колупала печь (укр., пол.), соглашалась выпить (словац.), отпивала водку, а остаток давала жениху или выливала через голову за спину (пол.), брала деньги от свата (черногор.), принимала яблоко с воткнутой в него монетой, сама застилала стол скатертью (хорв.) и т.д. Изредка невеста сама шла сватать жениха, особенно если он переходил жить к ней. В некоторых местах, особенно у русских, после сватовства устраивались смотрины невесты, на которых ее заставляли показаться в разных нарядах, пройтись, помериться ростом с женихом, обслужить гостей.

Предбрачный сговор сторон завершался **обручением** или помолвкой, после чего до свадьбы невеста получала особые названия: рус. *сговоренка*, *запорученка*, *порученица*, бел. *заручоная*, *княгиня*, укр. *княгиня*, пол. *narzecznica*, словац. *verenica*,

snúbenica, slúbenica, в.-луж. *slubeńca, slubjena*, болг. *главеница, годеница*, с.-х. *вереница, заручница*, словен. *zaročenka* и т.д. В некоторых местах отличительным знаком невесты со времени заключения свадебного сговора были платок, закрывающий лицо, повязка *кукушкой* (сложенный накрест и повязанный под щеками платок), красная лента в косе (рус.), отсутствие красных лент (луж.), головной убор в виде венка или короны с лентами (словац. *parta*), красная шапочка, повязанная особым белым платком (далматин.), монисто, золотые монетки на платке (болг.) и др.

Обряды **кануна свадьбы** знаменуют для невесты разрыв с прошлым: невеста прощалась с подругами и родным домом, оплакивала девичью жизнь. У русских, белорусов, чехов плач считался обязательным для невесты (для этого ей кое-где даже натирали глаза луком): чем громче невеста плачет на девичнике, тем счастливее будет в жизни (с.-рус.), плачет, чтобы потом веселиться всю жизнь (бел.-полес.), чтобы не плакать всю замужнюю жизнь (чеш.) и чтобы ее коровы лучше доились (морав.). У русских невеста оплакивала свою косу, "красоту", "волю", девичий наряд; у белорусов давала подругам примерить свой венок, танцевала с каждой перед отъездом к жениху; у украинцев раздавала им ленты на память; у поляков прощалась с хлебом, целуя его. У македонцев в целях оберега невесты подруги неотлучно находились у невесты, ночевали вместе с ней перед свадьбой. У русских и у юж. славян устраивалось ритуальное мытье невесты с магическими действиями и оберегами. Помимо защиты от порчи, предсвадебное мытье невесты имело смысл ритуального очищения от имевшихся несчастий и бед перед переходом в новый статус.

На **собственно свадьбе** переход невесты в новый статус символизировали различные формы соединения, сведения невесты с женихом и выкуп ее женихом, выкуп косы невесты у ее брата и перемена ей головного убора, венчание, вступление в дом мужа и брачная ночь. Сведением невесты с женихом иногда придавалось значение, не меньшее, чем венчанию. Например, в Кюстендильском крае Болгарии оно осуществлялось путем передачи невесты жениху пары носков: каждый из них трижды просовывали жениху снизу вверх под поясом, невеста вытаскивала его и бросала за спину, после чего затыкала носки жениху за пояс. С этого момента ее связь с женихом считалась нерасторжимой и она получала название *невеста*.

Покидая родительский дом перед отъездом к **венчанию**, невеста дотрагивалась до печки: если она теплая, свекровь будет добрая (новг.); выходила из дома под ногой отца, выставленной им поперек двери, освобождаясь тем самым из-под его власти (ю.-словац.); переступала порог правой ногой, повернувшись к солнцу, чтобы быть счастливой в браке (серб.); перепрыгивала через горячие угли, чтобы в будущем легко переносить невзгоды (болг. айтос.). По пути к венчанию переезжала, переступала или перепрыгивала через огонь (в.-слав., пол., болг.), бросалась на колени прохожим и странникам, прося их благословения (пол. мазов.), кланялась всем встречным, включая нищих (с.-рус., бел., з.-укр., пол.), придорожным крестам и часовням (пол.). Под венцом невеста еще должна была плакать, чтобы не пришлось плакать в будущем (з.-бел.), либо уже стоять веселой (новгород.). У болгар и македонцев плохим предвестьем считалась встреча по пути к венчанию, в церкви или на обратном пути с другой свадьбой. Это грозило невесте преждевременной смертью и несчастьями (одна из невест заберет у другой "ее дни", счастье и удачу), кознями злых духов во время будущих родов, бездетностью или смертью родившихся детей. При встрече двух невест их закутывали платком или накрывали чем-либо красным, чтобы они не увидели друг друга, они должны были перейти через ниты, обменяться кольцами, булавками, железными предметами, платками, сахаром или деньгами и целовать друг другу руку. Плохой приметой считалось и венчание в один день или год двух сестер (рус., пол. мазур.). Многие запреты, соблюдаемые невестой в это время, и магические действия совершаемые над ней или ею самой, имели целью обеспечить рождение детей и избежать бесплодия.

Ослабление социальных связей невесты до окончательного оформления брака сближает для нее этот переходный период со **смертью**, что проявляется в изоляции

невесты – в запрете прикасаться к ней, ее молчанию, отдельном угощении, бездвижности, отделении от внешнего мира (закрывание лица невесты покрывалом). Невеста в это время должна "умереть" как девушка, чтобы потом "воскреснуть" в новом качестве. Тема смерти возникает в этот период обряда и в связи с обращением невесты-сироты к умершим родителям с просьбой встать из гроба и благословить ее на венчание (рус., укр., пол.). Характерно, что жених не бывает на могилах своих предков и не просит их разрешения на вступление в брак. Перед отъездом к венчанию невеста, сидя на коленях у свахи, не должна ни к чему прикасаться (нижегород.), никому нельзя дотрагиваться до нее и ее одежды – это навлечет на нее болезнь (н.-луж.), перед венчанием и сразу после него к волосам невесты нельзя прикасаться женщине, которая плохо живет со своим мужем, так как это принесет невесте несчастье (укр.-галиц.). В поезде к венчанию невеста неподвижно лежала на коленях у свах, и в пути жених проверял, "тут ли невеста, не сноп ли положен" (вологод.). Так же и родители невесты должны были неподвижно и не глядя в окно сидеть за столом, положив на него голову и подперев ее руками, пока поезд с уезжающей невестой не скроется из виду (вологод.). Во время венчания невесте и жениху нельзя было переступить с ноги на ногу, иначе приблизится смерть (луж.). Неподвижность и молчание часто соблюдала невеста у болгар. Невеста хранила молчание, не разговаривая с женихом, на свадьбе до венчания (с.-рус.), молчала по пути к венцу (с.-рус., болг.-банат.), во время всего венчания (с.-рус., болг., пол.-горносилез.), на обратном пути (з.-рус.), по приезде в дом жениха (с.-рус., луж.). Нередко это мотивируется опасностью порчи или желанием невесты получить власть над мужем. У македонцев р-на Прилепа все молчат по пути к венчанию потому, что иначе у невесты будет биться посуда. Символикой смерти наделялась также "нечестная" невеста, которая не соблюдала невинности. Как и вдова, она должна была венчаться в черном платье (кашуб.), для нее и для вдовы при перемене прически после венчания не зажигали свечи (вологод.), повязывали ей на голову черный платок (серб. алексинач.), ее матери повязывали на руку черную ленту (ульянов.), ее родителям приносили холодную ракию в сосуде с черным букетиком (болг., родоп.), а свекровь повязывала себе платок, как при трауре (болг. страндж.). У болгар уподобление "нечестной" невесты покойнику проявлялось в том, что ее оставляли в белой рубашке, обмывали у источника, в доме жениха соблюдали молчание и тишину, как при умершем, запрещалось шуметь и играть на музыкальных инструментах. У русских исходно поминальную функцию, по-видимому, имели блины в конце свадьбы (аналогичную их функцию в похоронной, поминальной и календарной обрядности): неслучайно ими кормили после брачной ночи и именно теща должна была угощать ими зятя, чтобы узнать по тому, как он их ел, "честной" ли оказалась невеста.

После венчания невеста переставала плакать. Заплетение двух кос и надевание женского головного убора, полностью закрывающего волосы (повойника, чепца, намитки и т.п.), означало переход невесты в группу женщин. После венчания и перемены прически и головного убора невеста получала новые наименования, например, рус. *молодая, молодлица, молодуха, молодушка, молодка* и др.

Ритуальные действия невесты при **вступлении в дом жениха** знаменовали приобщение ее к новому домашнему очагу. Невеста входила в дом жениха с хлебом или зажженной свечой, принесенными из родного дома (пол.), целовала порог (пол., с.-х.), переступала его правой ногой и мазала медом и маслом, чтобы все у нее шло счастливо и как по маслу (болг.), кланялась печи (пол.), присаживалась возле нее (чеш.), бросала под печь курицу или петуха (укр.), кидала в печь пояс (бел.), обходила вокруг печи или очага (пол., болг., серб.), целовала его (с.-х.), разводила огонь (ю.-сл., пол.), кланялась ему (серб.), мешала углю (ю.-сл.), заглядывала в печь или дымоход (болг., серб., пол., словац.), прикасалась к печной утвари (с.-х.), обходила вокруг стола (пол., словац., хорв.), целовала его углы (словац.), садилась на хлебную дежу (пол.), обходила вокруг амбара, колодца, бросала деньги в колодец, в свинарник, в конюшню (с.-х.), кормила скот (пол.) и т.д.

Лишение невесты невинности в первую брачную ночь расценивалось в некоторых традициях как опасное для нее, в других – как обязательное, поэтому в случае импотенции жениха невеста призывала старшего "боярину" (у украинцев) или дефлорацию совершала специальная женщина (у болгар). Нередко жениха в эту ночь заменял его друг, музыкант, старший брат, отец, крестный, дядя и т.п. На Украине, в Болгарии, Македонии большое значение придавалось целомудрию невесты и его публичному засвидетельствованию (осмотр постели, сорочки). "Нечестную" невесту подвергали ритуальному наказанию. "Нечестную" невесту считали причиной бед в семье и в селе: мора скота (болг., укр.), нападения волков на скот (болг.), засухи и неурожая (болг., бел.-полес.), смерти ребенка (болг.) и других несчастий.

В конце свадьбы невеста участвовала в очистительных, испытательных и посвященных обрядах. Повсеместно происходило ритуальное мытье или умывание невесты после брачной ночи. Очистительный характер имело также первое после свадьбы посещение невестой церкви (до этого невеста считалась нечистой). Для проверки хозяйственных способностей невесту заставляли идти по воду (в.-слав., ю.-слав., словац.), топить печь (рус., серб.), мести дом (рус., болг., серб., пол.), пряхть (рус., болг., пол.), печь хлеб (пол.), блины (рус.), готовить еду, доить корову (пол.) и т.п.

Во взаимных визитах в конце свадьбы и в последующие праздники (на масленицу, в Великий Пост, на Пасху, в Петров день) устанавливались **новые семейно-родственные и социальные отношения невесты**. У болгар через неделю или несколько недель после свадьбы родители и родственники жениха "прощали" невесту, которая целовала им руку и кланялась, после чего с нее снимался запрет разговаривать с ними, и она называла их ласковыми прозвищами. Невеста не разувалась и не раздевалась, пока крестная мать не снимала с нее один носок и один рукав и не объявляла ей о своем "прощении" (болг. силистрен.). Важное значение, особенно у южных славян, имело первое посещение невестой своих родителей. В конце свадьбы или после нее устраивалось угощение с участием невесты и замужних женщин, в результате которых она причислялась к их социуму. В Польше женщины отрезали невесте косу, которую она затем хранила в сундуке (калиш.). В некоторых местах угощение устраивалось и для подруг невесты, которым завершались прежние отношения невесты с холостой молодежью. Посвятительный характер имели для невесты также обряды, совершаемые у русских на масленицу (целование молодухек) и в Фомино воскресенье, у южных славян – на зимний Иванов день (праздник молодух), в Тодорову субботу (купание молодух) и др.

После свадьбы окончательно утверждение невесты в новом социальном статусе жены, невестки, матери происходит по мере **снятия с невесты различных ограничений, запретов, ритуальных предписаний, вытеснения прежних наименований** и т.п. У болгар до недели после свадьбы невеста носила покрывало, которым закрывали ее лицо перед отправлением к венчанию. У словенцев невеста не снимала венчального головного убора в течение нескольких суток. У поляков невеста не должна была снимать женского чепца до первого посещения церкви, иначе черт оторвет ей голову (люблин.). У болгар до сорока дней невеста ходила в шелковой красной рубашке, в которой венчалась, после чего впервые шла в церковь (благоевград.), приносила хлеб и оставляла полотенце у иконы Богородицы (шумен.). До Юрьева дня невеста не могла ходить босой и снимать верхнюю одежду и шапку, несмотря на жару, пока крестный не разувал ее, не обмывал ей ноги и не снимал с нее одежду и шапку (плевен.). В первую неделю после свадьбы невеста не должна выходить за пределы своего нового жилья, иначе люди скажут, что она скоро сбежит от мужа (луж.). Посещать родительский дом невеста не имела права в течение недели после свадьбы (укр. волын.) или до первого воскресного похода в церковь, где священник читал ей специальную молитву (словин.). До первого посещения церковной службы невеста, как "нечистая", не могла печь хлеб (хорв.). Нередко печать "нечистоты" оставалась на молодой жене вплоть до рождения ребенка. У поляков Мазовша невеста в течение недели после перемены прически до первого посещения церкви называлась *psia-baba*

(седлец.). После свадьбы невеста сохраняет прежние наименования (рус. *невеста, молодая, молодка, молодуха, молодушка, молодница*, пол. *mloducha*, болг. *булка, млада невяста*, с.-х. *млада, младица*) и получает некоторые новые (рус. *вьюница*), которые действуют некоторое время после свадьбы: полгода, весь первый год брака, до беременности или рождения ребенка, в течение года и больше, до трех и более лет.

В традиционных представлениях невеста, особенно в решающий период обрядового "перехода", наделяется чертами **сакральности**, сближающими ее с мифологическим персонажем. Это проявляется в некоторых сверхъестественных способностях, приписываемых невесте: она может взглянуть других людей, повлиять на их судьбу, обладает даром прорицания, оказывает влияние на природу и т.д. В специфическом статусе невесты заключено особое воздействие на окружающих. В Воронежской губ. верят: кто не увидит невесту, тот скоро умрет. По другому, сербскому поверью, если невеста сразу же по приезде в дом жениха увидит свекровь, то та умрет. Поэтому мать жениха пряталась от невесты и выходила к ней лишь через некоторое время (босн.-герц.). Демонические свойства невесты проявлялись при ее переезде к жениху. Белорусы воспринимали невесту в этот переходный момент как "нечистого человека". В бел. и укр. свадебных песнях люди в церкви и ее мать не узнают обвенчанную невесту, матери жениха сообщают, что ей привезли некое демоническое существо: черта с болота, волчицу из темного леса ("на народ як глянець, дык народ аж вянець"). Мотив неузнавания невесты в ее новом качестве согласуется с этимологией самого слова **nevěsta* как 'неизвестная'. Наряду с этим невеста считалась обладательницей полезных магических свойств, в частности, продуцирующей силой. Так, у украинцев, если отец жениха разводил пчел, то расплетение косы невесты переносилось в дом жениха, чтобы пчелы лучше роились (укр.). Запрещалось также везти невесту непокрытой, если у молодого были пчелы (харьков.). У сербов в целях обеспечения плодородия земли невеста по приезде к дому жениха ступала не на землю, а на мешок с овсом, а затем на плуг (валев.).

Символы невесты многочисленны и разнообразны. Одни из наиболее распространенных – курица и корова, частично пересекающиеся в символике свадебного каравая. Курица часто фигурирует в обряде в связи с брачной ночью. У вост. и юж. славян ею угощали молодых перед брачной ночью или во время нее. После брачной ночи дежу курицы, символизирующей невесту, аналогичен дежу каравая. Если невеста оказывалась "честной", пекли нещипаную курицу (макед.), в противном случае родителям невесты приносили курицу, наполненную пеплом (болг.), клали жареную курицу на тарелку вместе с камнями (рус.) и т.п. Известно кудахтанье невесты в конце свадьбы (ульянов.).

Образ невесты получает **вторичное символическое воспроизведение** в обрядах и фольклорных текстах. Прежде всего, в самом свадебном обряде у всех славян распространен обычай выводить к жениху вместо настоящей невесты подставную: старуху, кухарку, подругу невесты, девочку, переодетых мужчину, парня, мальчика с лицом, испачканным сажей, соломенную фигуру или куклу, иногда курицу, собаку, кошку или овцу. У словенцев в качестве мнимой невесты могли фигурировать различные предметы: метла, деревянная ложка и др. В конце свадебного обряда его участники разыгрывали шутовскую свадьбу с ряженой "невестой", воспроизводя в пародийном виде все основные обрядовые церемонии. В качестве невесты выступали обычно старуха или мужчина, переодетый в женскую одежду, реже – ступа (житомир.) или мать одного из новобрачных, выдавшая замуж или женившая последнего из своих детей (житомир., киев.). Пародийная невеста присутствует в играх святочных ряженных и в ряде других календарных обрядов. В похоронах парня, умершего неженатым, роль его символической невесты исполняла девушка или девочка, одетая в свадебную одежду. В народных демонологических представлениях облик невесты или молодухи могут принимать самодива, вампир, черт, Смерть и некоторые другие демоны.

© 2001 г. С.О. ШМИДТ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ЗА 45 ЛЕТ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Археографическая комиссия создана, точнее сказать, даже воссоздана 13 апреля 1956 г. по почину академика Михаила Николаевича Тихомирова, ставшего первым ее председателем. Комиссия образована при Отделении исторических наук АН СССР (так называлось в ту пору нынешнее Отделение истории РАН), главой которого был тогда Тихомиров. Штаты ее сотрудников изначально состояли в Институте славяноведения, куда в 1957 г. перешел и академик. Избирая именно Институт славяноведения кровом созданной им академической комиссии, М.Н. Тихомиров руководствовался, можно полагать, следующими соображениями: средневековые памятники письменности, даже летописи, изучаются историками и филологами, текстологическая, археографическая, источниковедческая методики работы которых от этого лишь взаимообогащаются, и именно эти проблемы являются предметом исследования ученых Институты славяноведения. Видимо, М.Н. Тихомиров сразу же вознамерился начать подготовку Каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в нашей стране, включая рукописи и южно-балканского происхождения – болгарские и сербские.

Мудрый, практически мыслящий М.Н. Тихомиров, вероятно, учитывал и то обстоятельство, что в те годы администрация Института истории СССР обычно занимала откровенно сервиллистскую позицию по отношению к высшим партийным органам, да и на самой Старой площади считали себя наиболее сведущими в проблематике отечественной истории; и потому, вмешиваясь в организацию работы ученых и определяя ее направления, полагали себя компетентными не только в вопросах методологии, но и фактологии. Директора Института обнаруживали обычно склонность и к авторитарности, а зачастую и к поддержке фаворитизма (используя связи в "верхах"). М.Н. Тихомиров ощутил, видимо, сразу то, что именно в Институте славяноведения возникла "республика ученых". И сотрудники Археографической комиссии все в большей мере признательны ее первому председателю за его заботливую дальновидность.

Особо хочется с благодарностью отметить поддержку нашей деятельности руководителями Института славяноведения и его сотрудниками, уважительное отношение к нашей работе, сохранение в штатах преданных делу сотрудников высокой квали-

Шмидт Сигурд Оттович – академик Академии Образования, председатель археографической комиссии.

¹ В основе статьи – доклад на заседании Ученого совета Института славяноведения РАН 15 мая 2001 г.

фикации, достигших пенсионного возраста, и в то же время содействие в пополнении штатов молодыми сотрудниками. На традиционных Тихомировских чтениях, посвященных в 1996 г. 40-летию Комиссии, нас очень порадовало сердечное приветственное слово директора Института В.К. Волкова. В сборник 1996 г. "Институт славяноведения и балканистики. 50 лет" включена статья В.А. Черных и С.О. Шмидта "Работа Археографической комиссии за 40 лет (1956–1996)" (С. 269–282), а также библиографический материал "Труды Археографической комиссии (1956–1995)" (С. 363–370), и "Список научных сотрудников Археографической комиссии (1956–1996)" (С. 422–423); сотрудники Комиссии отмечены и в составленном по хронологическому признаку "Списке научных сотрудников Института".

В отличие от старой Археографической комиссии (возникшей как императорская в 1830-е годы), переставшей существовать в 1930-е годы, и сосредоточивавшей внимание на публикации исторических источников, М.Н. Тихомиров полагал, что новой Комиссии следует заняться методической и координационной работой в области археографии и смежных с ней научных дисциплин, и непосредственно готовить к печати лишь отдельные уникальные памятники письменности; и, руководя подготовкой томов возобновленного тогда же по его инициативе Полного собрания русских летописей, счел нужным оставить эту работу в планах Института истории СССР. Его представления о задачах Археографической комиссии близки в определенной мере к соображениям академика С.Ф. Платонова, имевшего намерение создать в Академии наук в конце 1920-х годов Институт методики изучения и издания письменных исторических источников. Об этих стремлениях Платонова более или менее широко стало известно лишь в 1980-х – начале 1990-х годов (по работам Л.В. Ивановой, С.О. Шмидта и др., ссылавшихся на архивные материалы); но, возможно, М.Н. Тихомиров при жизни Платонова или позднее от лиц его окружавших имел информацию об этом.

Однако более вероятно, что это – результат опыта работы самого Тихомирова и показатель свойственной ему чуткости при восприятии общественной жизни. И потому возникновение Археографической комиссии можно рассматривать в контексте нового в развитии и общественных наук сразу после XX съезда КПСС. Новое выражалось не только в обращении к прежде запретным темам и именам и отказе от некоторых ранее навязываемых толкований прошлого, но и в открывшейся возможности изучать исторические источники без обязательной привязки к идеологической конъюнктуре. "С изучения источников начинается весьма серьезная историческая работа" – это положение провозглашается в предисловии к первому выпуску основанного Тихомировым "Археографического ежегодника" (за 1957 г.).

Обзоры деятельности Археографической комиссии (помимо названных в юбилейном собрании Института славяноведения) имеются в материалах, опубликованных к 25-летию Комиссии в Археографическом ежегоднике за 1981 г., и к ее 40-летию в Археографическом ежегоднике за 1996 г. Статья о Комиссии и задачах археографии напечатана в Вестнике АН СССР (№ 10 за 1984 г.); роль М.Н. Тихомирова в ее организации и развитии отмечена в статьях, посвященных памяти ученого. Более или менее подробная информация о работе Комиссии содержится в книгах Археографических ежегодников, в журнале "Советские архивы" (затем "Отечественные архивы"), в Вестнике РАН и других изданиях.

После кончины М.Н. Тихомирова председателем Комиссии стал его заместитель член-корреспондент АН СССР В.И. Шунков. Поскольку он был занят на основной работе как директор Фундаментальной библиотеки общественных наук (на основе которой образовался ИНИОН) и заместитель академика-секретаря Отделения истории, то он организовал Бюро Комиссии, в которое предложил войти и мне, в то время занятому подготовкой посмертного издания трудов академика Тихомирова, и руководителю группы теоретического источниковедения сектора по разработке вопросов методологии истории, возглавляемого М.Я. Гефтером.

После внезапной кончины Шункова в ноябре 1967 г. меня скоро утвердили исполняющим обязанности, а весной 1968 г. председателем Комиссии. И начал я свою деятельность с совместного с Отделением истории заседания, посвященного памяти В.И. Шункова, и увековечения памяти Тихомирова; и в дальнейшем стали организовываться ежегодные Тихомировские чтения – научные конференции или заседания, приуроченные к годовщине со дня рождения ученого, посвященные либо его жизни и творчеству (в юбилейные годы), либо актуальным проблемам археографии и смежных с ней дисциплин, а на титульном листе Археографического ежегодника стали отмечать: "Основан в 1957 г. академиком М.Н. Тихомировым". И здесь не обошлось без сложностей, хотя и курьезного характера: в секторе истории Отдела науки ЦК КПСС куратором был малопривлекательный В.И. Куликов, на дух не переносивший какую-либо интеллигентскую "самодетельность". Он сказал что, так мол, не принято; тогда я принес номер периодического издания "Известия Академии наук СССР. Серия географическая", где на титульном листе под заголовком напечатано: "Основан в 1951 г. академиком О.Ю. Шмидтом", заметив, что это в обычае Академии наук и полагаю, что Тихомиров в области специальных исторических дисциплин сделал не меньше, чем Шмидт в геофизике.

Уже при Тихомирове определилась методика работы и в значительной мере тематика научной (исследовательской и редакционной) деятельности коллектива сотрудников Комиссии, а с образованием системы научно-проблемных советов в Академии наук в 1961 г. – и координационной деятельности. Приступили к изданию Археографических ежегодников. Были фототипически воспроизведены под наблюдением Тихомирова ценнейшие памятники древнерусской письменности "Мерило праведное" (по рукописи XIV в.) и "Новгородская харатейная летопись", подготовлены научно-справочные издания – особенно важна книга А.И. Рогова "Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР" (1962). Началась работа по осуществлению многолетней комплексной программы подготовки "Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР" и опубликован предварительный список рукописей XI–XIV вв., составленный Н.Б. Шеламановой. Занялись и проблемами библиографии (покойная И.Е. Тамм) и организацией археографических экспедиций.

По почину Тихомирова было положено начало "археографическому открытию" Сибири. Предсказания Тихомирова, убежденного в том, что переселенцы-старообрядцы брали с собой памятники древней письменности и древней иконописи, в такой мере подтвердились, что академик принял решение, сам побывав в Сибири и на Дальнем Востоке, передать в дар образующемуся Сибирскому отделению Академии наук свою богатейшую коллекцию рукописей и старопечатных книг и икон "Тихомировское собрание". Описывать его владелец поручил под своим наблюдением Н.Н. Покровскому, незадолго до того возвращенному из лагеря и работавшему в Суздальском музее, и сумел сделать так, что академик М.А. Лаврентьев добился разрешения на работу Покровского в Новосибирске. Теперь академик Николай Николаевич Покровский возглавляет Сибирское отделение Комиссии и является заместителем председателя Комиссии.

Закреплялись и связи с академическими учреждениями, вузами, хранилищами – архивами, музеями, библиотеками Москвы и других городов, хотя слабеющее здоровье Тихомирова не позволяло ему уже лично участвовать в мероприятиях типа конференций, особенно выездных. Тихомиров же изначально утвердил обычай совмещения плановой собственно комиссионной (и часто коллективной) работы с индивидуальной исследовательской, особенно по подготовке диссертаций – сотрудники тогда были еще молодыми. Особое внимание он обращал на внедрение традиционной методики при изучении периода феодализма и в исследовании по советскому периоду (изучение бумаги, системы оформления делопроизводства и др.). Общая для всех творческая атмосфера и, в то же время, личная заинтересованность в своей работе каждого – условие результативности работы всего коллектива.

После кончины основателя Комиссии продолжалась работа во всех определенных им направлениях; объединяла всех и подготовка шести книг его избранных трудов. Она велась совместно с Архивом Академии наук, куда – согласно завещанию – передали личный фонд ученого, описание которого вскоре издали отдельной книгой под редакцией Б.В. Левшина и моим. Том "Исторические связи России со славянскими странами и Византией" (1969) был совместным изданием с Институтом славяноведения; к печати его готовили под редакцией Ю.В. Бромляя и А.И. Рогова. Этот опыт оказался полезным при подготовке двух томов творческого наследия С.Н. Валка (первый совместно Комиссией и ЛОИИ, второй – ЛОИИ) и материалов подобного происхождения для Археографического ежегодника, где во многих книгах публиковались и материалы из личного фонда Тихомирова.

В Археографической комиссии придерживались широкого, традиционного для ученых еще XIX в. понимания предмета "археография" – не только публикация письменных источников (как принято употреблять термин в собственно архивоведческой литературе, и, соответственно, в изданиях и официальной документации Главархива и Историко-архивного института), но и выявление, соби́рание, описание таких памятников. Комиссия и ее издания призваны воплощать в своей практической деятельности идею координации работы как во всех сферах археографии (т.е. и эдиционной, и полевой, и камеральной), так и в области архивоведения, текстологии, кодикологии, палеографии, филологического и других смежных с ней специальных (или "вспомогательных") научных дисциплин. В отличие от других научно-проблемных советов Отделения истории, Археографическая комиссия координирует работу не по определенной тематике, а по методике исследований историков, а также об этой сфере знаний и как об историографической проблеме.

В последнее время значительное место в деятельности Комиссии заняли краеведение и смежные с ним научные дисциплины: народная генеалогия, источниковедение и историография краеведения.

В соответствии с более широкими задачами Комиссии в 1968 г. был существенно расширен ее состав. С охватом всей страны и учреждений разных ведомств – научных центров, хранилищ и вузов. Образовано большей численности и Бюро Комиссии. Членами Комиссии согласились стать виднейшие ученые. И это вошло в практику при последующих утверждениях состава Комиссии. Все это должно было согласовываться с ЦК КПСС. В 1988 г. удалось впервые включить в состав Научного совета Академии наук специалиста с ученой степенью кандидата богословских наук – отца Иннокентия (Анатолия Ивановича Просвирнина), тогда руководившего Издательским отделом Московской патриархии. Удалось благодаря пониманию со стороны работника Отдела науки ЦК КПСС Д.В. Кузнецова, человека достойного, исторически образованного и уважительно относившегося к преданному своему делу людям науки. Председатель Комиссии имел и имеет заместителей – с самого начала ими были Н.Н. Покровский (он остается им и поныне) и Б.Г. Литвак (его сменил на этом посту член-корреспондент РАН С.М. Каштанов), Ученым секретарем с 1972 г. является В.А. Черных, член Ученого совета Института славяноведения. Последний раз состав Комиссии был утвержден на Бюро Отделения 30 июня 1999 г. В составе Комиссии как Научного совета по археографии, архивоведению и смежным историческим дисциплинам (как он официально обозначен в Справочнике РАН) остались и ученые Украины, Белоруссии, Грузии и находящийся в Канаде Б.Г. Литвак, В.К. Волков согласился стать членом Бюро Комиссии.

Еще при Тихомирове образовалось Ленинградское отделение Комиссии во главе с С.Н. Валком. После 1968 г. образовались еще Сибирское отделение с центром в Новосибирске (его возглавил академик А.П. Окладников, затем Покровский), Северное – с центром в Вологде (его возглавил П.А. Колесников), Уральское – с центром в Перми (затем в Свердловске), Южноуральское – с центром в Уфе (во главе с Р.Г. Кузеевым). Проводились совместные научные конференции этих Отделений и Комиссии в целом. Ныне С.-Петербургское отделение готовит

ежегодник "Вспомогательные исторические дисциплины" (в редколлегии его ученые и из других городов). Проводит оно и заседания, правда нечасто, иногда совместные с руководством Комиссии (памяти А.А. Амосова, С.Н. Валка). Сибирское отделение ведет многообразную работу, Северное – как собственно Отделение функционирует, пожалуй, слабее, но там ведется интенсивная работа по направлениям Комиссии, и издания иногда имеют гриф Комиссии. Южноуральское отделение с болезнью Кузеева захирело, Уральское же в Екатеринбурге, активизируя издательскую и описательскую деятельность, склонно и более четко оформлять деловые связи с московским центром археографии. Но главное и показательное то, что собственно археографическая работа, чаще всего смыкаясь с краеведческой (и тем самым, с деятельностью возглавляемого мною Союза краеведов России), становится все более интенсивной и объединяет НИИ, общественные объединения, находит отражение в документальных публикациях книг, сборниках материалов конференций.

Несмотря на экономические сложности, практика встреч археографов разных городов сохраняется: с конца 1960-х годов они происходили в Москве, Ленинграде, Вологде (везде неоднократно), Новосибирске, Уфе, Перми, Свердловске, Твери, Ереване, Тбилиси. Тематика встреч широкая и специализированная. Это изучение древних рукописей в Ленинграде (на базе Библиотеки Академии наук, пока помехой этому не стало поведение директора В.П. Леонова), в Ереване, Тбилиси. Это и проблемы полевой археографии и собирания документов современности, особенно молодежью (совместно с ВООПИК, ЦК комсомола). Материалы конференций издавались отдельными книгами. В Москве состоялась и первая Всесоюзная конференция по филограноведению, труды которой изданы отдельной книгой.

Ныне средств на организацию Комиссией конференций нет, но с помощью фондов (РГНФ, "Открытое общество") и местных администраций организуются конференции при нашем научном руководстве (как не раз в Пензе по теме "Культура российской провинции XVIII–XX вв.", иногда в аспекте историографии и краеведения, поскольку там Дом-музей В.О. Ключевского), или нашего участия (как в Твери, к годовщине основания Губернских ученых архивных комиссий, 200-летию издания книги о Воронеже Болховитинова в Воронеже в 2000 г., 200-летию первого издания "Слова о полку Игореве" в 2001 г. в Ярославле и Рыбинске, и др.). Укоренилась практика совместных заседаний в Москве с Историческим музеем (памяти Н.Л. Рубинштейна, А.М. Разгона), РГАДА и РГАЛИ, Историко-архивным институтом, Лихачевские чтения (совместные с Домом-музеем Марины Цветаевой). Материалы этих конференций и заседаний издаются (как правило, за счет другого участника общих начинаний).

В 1970–1980-е годы активно координировалась работа в сфере полевой археографии. В Москве в 1976 г. состоялась первая Всесоюзная конференция по полевой археографии с секциями изучения памятников древней славянской письменности, нового времени и на восточных языках, организовывались и семинары специалисты по традиционной, то есть древнерусской книжности, и по современной. Подготовили и издали пособия для ученых и методички для школьников по документам XX в. По инициативе Комиссии при участии ее сотрудников издано первое учебное пособие для вузов "Документальные памятники: выявление, учет, использование" (1988) и методические издания совместно с ВООПИК, Фондом культуры археографо-краеведческой тематики.

На Комиссию было возложено планирование археографических экспедиций (эти наблюдения обобщены Д.И. Тверской еще в 1975 г.). Сейчас наши рекомендации и методики внедрены повсеместно, и в научном обиходе – введенная нами терминология (в трудах И.В. Поздеевой в Москве, сибиряков на Урале, на Севере). В 1983 г. Комиссия совместно с Московской Патриархией и Министерством культуры предприняла возглавленную отцом Иннокентием (Просвирниным) экспедицию на Афон, в Пантелеймонов монастырь, где советские ученые ранее не имели возможности работать. Деятельным участником ее был А.А. Турилов. Результат ее – описание обширного монастырского собрания, копии многих памятников. Это был тогда и первый опыт

совместной работы с церковными учреждениями. В то же время велась совместная работа с Архивом ЦК ВЛКСМ и ВООПИК, где готовились методички "Летопись Великой Отечественной", "Как сохранить Ваш семейный архив" и др. Тогда это были необычные формы работы с общественностью и взаимосвязей с академической наукой, потому и выделяю их в начальной части сообщения.

А теперь перейдем к традиционным видам работы академических учреждений. Важнейшие многолетние научные программы: подготовка сводных каталогов. Был создан "Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР", охватывающий книги не только созданные на территории нашей страны. У нас оказалось много рукописей южнославянского происхождения. Книга представляет собой полный каталог рукописных книг и фрагментов их, со многими статьями описания и пространной библиографией и даже историографией, с 11-ю указателями. Данное издание – сводная работа историков, филологов, искусствоведов во всех хранилищах. Разработаны методические рекомендации, схемы описания и образцы его, изданы книги методических пособий. Все это обсуждалось на конференциях с участием академика Д.С. Лихачева, специалистов по средневековым рукописям на других языках – латинском, греческом, восточных: А.Д. Люблинской, Е.Э. Гранстрем, А.Н. Кононова, Е.П. Метревели, Э.Р. Тенишева и др. Была и большая международная конференция в Институте востоковедения в Ленинграде. Накапливаемый опыт использован в иницилируемых Комиссией трудах по описанию рукописей на других языках – в нашей стране и в работе СИБАЛ, где я был председателем Комиссии рукописей.

Первый том Каталога с описанием рукописей XI–XIII вв. (около 500 единиц хранения) издан в 1984 г. Активную роль в подготовке книги сыграли филолог Л.П. Жуковская, археограф Н.Б. Тихомиров из РГБ. Это стало темой доклада на Международном конгрессе славистов в Киеве. Издание отмечено многими отечественными и зарубежными рецензиями. Ныне подготовлены под руководством А.А. Турилова две книги о рукописях XIV в. В каждой книге Каталога около 40 печатных листов – это справочник на века. Корректра первой уже готова. В Комиссии это плановая работа Н.Б. Шеламановой, Н.А. Кобяк и А.Л. Лифшица, и в значительной мере и О.А. Князевской; по рукописям более позднего времени Б.Н. – Морозова, который занят и подготовкой описания рукописей РГАДА.

Второй каталог, работа над которым началась уже по моей инициативе, – "Сводный каталог личных архивных фондов отечественных историков". Предварительный список из более чем 2300 персоналий, включающий фонды и исследователей с учеными званиями, и профессоров, и любителей, и краеведов издан в 1984 г. Сейчас их число значительно возросло. Каталог тоже готовится во всех хранилищах, по нашим методическим рекомендациям. В Комиссии непосредственно заняты этой работой В.Ю. Афиани, М.П. Мироненко, теперь и Т.В. Лохина. Первый выпуск о фондах историков, работавших в XVIII в., издан на рубеже столетий. Он содержит описание фондов с библиографическими и биографическими данными. Это тоже – программа на десятилетия, повлиявшая на организацию работы в том же плане на местах и в отдельных хранилищах, тем более, что на страницах Археографического ежегодника постоянно публикуются обзоры личных фондов историков. Сейчас вырисовывается перспектива еще одного Сводного каталога средневековых актов. Руководить этой подготовкой намерен С.М. Каштанов. Силами преимущественно сотрудников Комиссии по инициативе и под руководством П.А. Колесникова подготовлено уникальное для России многотомное издание "Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель".

В Президиуме Академии наук одобрили наше предложение (председателя Археографической комиссии и Советника Президента АН по издательской деятельности профессора В.И. Васильева) о подготовке библиографического словаря действительных членов Академии наук за 1915–2000 гг. Это продолжение "Материалов для биографического словаря действительных членов императорской Академии наук"

в 1889–1914 гг., напечатанного небольшим тиражом в 1917 г. Работа будет проводиться на базе нашей Комиссии, а ответственным секретарем редакции является новый сотрудник, ранее работавший в РГНФ, кандидат исторических наук А. Петров, включившийся в подготовку Каталога славяно-русских рукописных книг.

Подготовкой книг Археографического ежегодника заняты в Комиссии такие самоотверженные работники как Н.А. Долдобанова, участвовавшая еще в работе над первым томом – за 1957 год, и Ю.В. Андрушайтите (с 1968 г.), сумевшая так работать над материалами XX века, что мы не получили ни одного замечания от цензурирующих органов. Ранее в подготовке Ежегодников участвовали ныне покойные И.Е. Тамм и В.Б. Павлов-Сильванский, до недавнего времени и С.В. Чирков, оставшийся членом редколлегии. Сейчас к работе подключается перешедшая к нам из Института российской истории РАН доктор исторических наук Е.Н. Швейковская, имевшая в свое время большой опыт работы в редакции журнала "История СССР".

В Ежегоднике помещены научные статьи по проблематике Комиссии, сообщения с обзорами и описаниями источников (особое внимание уделяется материалам творческого наследия историков и перечням их печатных трудов), документальные публикации, зачастую это неизданные при жизни труды историков. Преимущественно Археографический ежегодник и другие издания Археографической комиссии стали местом публикации трудов авторов, вышедших из школы источниковедения, историографии, сформировавшейся в историко-архивном институте. Большой хроникальный материал – о научных заседаниях, новых изданиях, юбилеях, публикуются – и увьи! некрологи.

Обычно большие подборки материалов к юбилейным датам – в Ежегоднике за 1999 г. по пушкинской тематике. Особенно большого объема (так как по рекомендации Московской Мэрии выделили средства коммерческие структуры) Ежегодник за 1997 г. целиком с материалами к 850-летию Москвы (но также и к 125-летию Исторического музея и 200-летию архивов Москвы). Там и значительного объема публикация авторского оглавления к насыщенным богатейшей информацией неизданным многотомным "Современным запискам и воспоминаниям" московского почтмейстера А.Я. Булгакова за вторую четверть XIX в., с именным указателем.

В Ежегодниках публикуются материалы ежегодных Тихомировских чтений и декабрьских научных конференций. Тематика "Чтений" в 1991 г. "Факсимильные издания исторических источников", в 1992 г. – "1917 год в России: новые документы, новые публикации", в 1993 г., к столетию со дня рождения М.Н. Тихомирова, – "Тихомировское наследие, тихомировские традиции", в 1994 г. – "Архивный фонд России: новые информационные возможности", в 1995 г. – "Источниковедческие проблемы увековечения памяти защитников Отечества", в 1996 г. – к 40-летию Археографической комиссии; в год 850-летия Москвы – "Архивы Москвы: прошлое и настоящее", в 1998 г. – "Международные научные связи Археографической комиссии" (а это участие в издании в Германии совместно с Историческим музеем Великих миней-четых митрополита Макария – этим занята Н.А. Кобяк; о международном проекте (с США) "Биографический банк данных Российского государства XIV – начала XVII в.", этим занят Б.Н. Морозов, о международных связях в области филологии, о работе О.А. Князевской в зарубежных хранилищах как консультанта по изучению и изданию памятников древнеславянской письменности; о работах В.А. Черных в международных сообществах, изучающих творчество Анны Ахматовой, а также русско-немецкие связи герцогства Ольденбург; С.О. Шмидта – в плане краеведения и специальных исторических дисциплин и тем по отечественной истории); в 1999 г. об опыте составления летописей жизни и творчества (прежде всего писателей); в 2000 г. – о научном наследии С.Н. Валка. Тема 2001 г. – юбилей московского Историко-архивного института ("Источниковедение и историография специальных исторических дисциплин"). Тема последнего декабрьского заседания – 175-летие выступления декабристов.

Н.А. Долдобанова подготовила (получив, как и подготовители томов, упоминавшихся Каталогов грант Российского гуманитарного научного фонда) книгу "Библиографический указатель продолжающихся изданий Археографической комиссии РАН и ее отделений" с росписью содержания всех книг "Археографического ежегодника" и томов "Вспомогательные исторические дисциплины" и других изданий и указателями имен авторов и тех лиц, кому посвящены материалы в этих изданиях.

Готовится по планам комиссии и академическое издание сочинений академика С.Ф. Платонова (совместно с Российской Национальной библиотекой, где хранится личный фонд историка). Первый том (включающий неопубликованный юношеский труд о земских соборах) подготовлен к печати, в основном силами В.В. Морозова, для издательства "Наука". Для того же издательства подготовлена первая книга много-томного труда академика М.М. Богословского "Петр Великий. Материалы для биографии". Молодой сотрудник Комиссии А.В. Мельников в результате работы в архиве РАН установил, что труд этот был издан посмертно с серьезной конъюнктурной правкой. Получен грант РГНФ на издание "Переписки академика С.Ф. Платонова". Первая часть его переписки с Богословским почти за 20 лет подготовлена Мельниковым. Вторая – письма Платонова историкам за 40 лет подготовлена сотрудником РГАДА В.Г. Бухертом.

Т.В. Лохина и М.П. Мироненко издают электронный исторический журнал "Два века: Журнал российской истории XVIII–XIX столетий" (www.dvaveka.pp.ru). Это размещенный в Интернете журнал, выходящий раз в месяц, печатающий исторические статьи, публикации, рецензии, обзоры, очерки. На это электронное издание был получен грант Института "Открытое общество". В нем опубликована статья "Балканские внешнеполитические проекты XVIII – первой четверти XIX века и великий князь Константин Павлович" О.С. Каштановой. Аудитория журнала насчитывает более 2000 читателей из 70 городов России и 50 стран мира (в том числе США, Канады, Японии, стран Европы и бывшего СССР).

Характерными для деятельности Комиссии стали издания, совместные с другими учреждениями (хранилищами документов, 57 научно-исследовательскими институтами, вузами, общественными объединениями). Это и публикации старинных рукописей, обнаруженных археографической экспедицией Н.Н. Покровского в Сибири ("Судных списков Максима Грека и Исака Собака" совместно с Главархивом СССР и Институтом истории и философии Сибирского отделения АН СССР), описей архива Посольского приказа XVII в. в нескольких книгах (совместно с РГАДА), издание историографического наследия – вторая часть монографии В.И. Саввы о Посольском приказе XVI в., восстановленной по разрозненным листам рукописи (совместно с Институтом истории АН СССР), продолжающееся издание материалов о Пушкине из архива М.А. и Т.Г. Цявловских (совместно с Институтом мировой литературы РАН и Музеем А.С. Пушкина), методические пособия (совместно с ВООПИК) и материалы научных конференций (о культуре российской провинции, об изучении и издании памятников старинной письменности и др.).

В Комиссии, не считая председателя, который является главным научным сотрудником в штате Института российской истории, где работает с 1956 г., 12 штатных сотрудников – все они имеют планы индивидуальной научной работы. И, если в книге к 50-летию Института славяноведения названо 99 печатных трудов Комиссии, то сегодняшняя цифра только отдельных изданий книжного формата – 123. В 1995–2001 гг. опубликованы монография Ю.В. Андругшайтите "И.П. Лаптев: У истоков отечественного флиграноведения", три выпуска труда В.А. Черных "Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой". Главным образом усилиями О.А. Князевской подготовлено уникальное издание древнейшей славянской рукописи РГАДА "Саввиной книги" с воспроизведением текста XI–XIII вв., палеографической транскрипцией (при действительном участии Института славяноведения – прежде всего Е.В. Чешко и болгарских коллег), М.П. Мироненко подготовила к печати письма декабриста И.И. Пуцина в двух томах – первостепенной важности источник о жизни декабристов

после 1825 г. (все издания имели грант РГНФ). В 1997 г. Б.Н. Морозов опубликовал "Выписку из посольских книг" о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. Изданы с грифом Комиссии и книги С.О. Шмидта "Россия Ивана Грозного" и "Василий Андреевич Жуковский – великий русский педагог", библиографические указатели трудов М.Н. Тихомирова (составлен И.Е. Тамм и дополнен Л.И. Шохиным), С.О. Шмидта (составлен А.В. Мельниковым) и коллекционера и археографа из Ростова Великого А.А. Титова (труд Я.Е. Смирнова); исследования скончавшихся членов Комиссии А.А. Амосова "Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодикологическое исследование" (подготовленный к печати В.В. Морозовым) и А.Д. Зайцева «Петр Иванович Бартенев и журнал "Русский архив"» и книги тезисов и статей участников ежегодных научных конференций, организуемых совместно с кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, книги материалов конференций в Пензе – о культуре российской провинции XVIII–XIX вв. и другие издания. В издательство РГГУ сдана книга с полистным описанием частей Лицевого летописного свода XVI в. о времени правления Ивана Грозного с информацией о содержании миниатюр и статьями В.В. Морозова и пр.

Сотрудники Комиссии выступают с докладами на многих конференциях – московских, региональных, международных, и это отражено в изданиях трудов конференций, в хроникальных сообщениях разных изданий.

Приятно отметить, что и сейчас можно повторить заключительные абзацы статьи 1995 г. о Комиссии в юбилейном сборнике Института славяноведения: "...несмотря на переживаемые трудности, Археографическая комиссия сохранила свои квалифицированные кадры, научные связи с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья и остается ведущим международно-признанным центром в области археографии и смежных историко-филологических дисциплин" и моего доклада к 40-летию Археографической комиссии: "Если можно говорить об определенных достижениях Археографической комиссии, то обусловлено это, пожалуй, в наибольшей мере характерной для коллектива ее сотрудников атмосферой дружелюбия и преданности своему делу. Пожелаем же, чтобы это сохранялось на долгие годы".

© 2001 г. И. ГРАШЕ

КАРЕЛ ЧАПЕК И РАЗВИТИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО РАДИО

(1926–1938 годы)

Радиовещание в Чехословакии было основано обществом "Радиожурнал". Первая передача состоялась 18 мая 1923 г., через два с половиной года после начала работы радио на Американском континенте (2 ноября 1920 г.), когда подводились итоги президентских выборов. Справедливая гордость чешских первопроходцев была сначала чисто символической: ведь в первом полугодии (к концу 1923 г.) число радиоконцессионеров в ЧСР не превышало 47 человек¹. Первая радиостудия (тогда она по примеру кинематографа звалась павильоном) занимала арендованное помещение на окраине Праги у временно сооруженного телеграфа и имела всего один микрофон.

На третий год с начала радиовещания Карел Чапек написал о нем свою первую статью. И с той поры уделял ему пусть не слишком большое, но постоянное внимание. Он писал о влиянии радиоприемника на его владельцев и слушателей, о новых горизонтах и возможностях, открытых радиоволнами, о том, чего можно ждать и требовать от радиовещания. В статьях он переходил от одного круга тем к другому по мере знакомства с той или иной проблематикой, изменения обстановки и развития радиодела. В библиографии Чапека 15 статей о радио кажутся – на фоне его беллетристики и журналистских работ – долей весьма незначительной. Но в них содержатся отклики на существенные моменты развития радиовещания в межвоенной Чехословакии, да и за ее пределами, поскольку радиоволны не признают государственных границ. В качестве комментариев к новому тогда виду массмедиа и его информационным возможностям эти 15 статей являются долей весомой и значительной.

Вроде бы в них не было ничего, кроме фактов и простого описания происходившего. Но уже работая над дипломом, защищенном в Карловом университете в 1915 г., Чапек был уверен, что "настоящее описание содержит поиски и открытия", что это "эвристический труд, путь от неопределенности к ясности, от нерасчлененного континуума к расчлененной целостности" [1. С. 145]. И он внес свой вклад в развитие нового вида массмедиа, помог ему найти свое лицо.

Общество "Радиожурнал" развернуло (при большой поддержке государства) весьма активную деятельность. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что его возглавили "три мушкетера", готовые сражаться за свое дело. Все в этой троице дополняли друг друга, ибо ее составляли авторитетный журналист; кинопродюсер с техническим образованием и опытом; эксперт по финансовым и юридическим вопросам. Благодаря этой троице деятельность общества развивалась на хорошей технической, репертуарной

Граше Иржи – чешский режиссер, преподаватель основ радиовещания Факультета социальных наук Карлова университета (Прага).

¹ Концессионеры ежегодно платили взносы почтово-телеграфной службе за владение радиоприемником и месячную предоплату "Радиожурналу" за возможность слушать передачи.

и эксплуатационной основе. На его пути не возникало непреодолимых преград, хотя нельзя было избежать и любительских экспериментов. Возможности, стихийно возникшие по ходу развития технических и роста финансовых средств, реализовывались этой троицей концептуально. При этом она опиралась как на опыт родственных сфер (театр, пресса, кино), так и на зарубежный опыт (положительный и отрицательный). И тем не менее первые годы деятельности "Радиожурнала" можно сравнить с детством бедного родственника давно возникших и вполне зрелых средств массовой информации. Долго считали, что радио "не по плечу высокие культурные задачи и функции. Оно с трудом искало своего первого настоящего художника, пусть еще полного предрассудков по отношению к нему, но который все же пришел бы работать в радиостудию и, преодолевая те же предрассудки в учреждениях – вотчине самых образованных слоев общества, сумел бы провести там кабель и установить микрофон" [2. S. 55].

Еще в середине 1930-х годов очень многие считали, что "радио нужно лишь служанкам да дворникам и что оно недостойно приличного общества, образованной семьи" [3. S. 280]. Пропаганда вещания, которая должна была преодолеть недоверие публики, порой имела странные последствия. Интеллектуалы радио игнорировали, но радиолюбители проявляли к нему большой интерес, и число радиослушателей росло. Ламповые приемники стоили дорого, но получили распространение так называемые кристаллические (часто самодельные)².

Чапек не поддавался атмосфере предубеждений против радиоинформации, охватившей интеллигенцию, и отнесся к ней хоть и критически, но в целом позитивно. Его первые статьи фиксируют начавшееся превращение радио из технического чуда в культурную ценность. 1926 год, когда Чапек опубликовал свою первую статью на эту тему, был знаменательным для радиовещания. "Радиожурналу" удалось с успехом организовать и вести в течение нескольких дней прямые репортажи со спортивных выступлений и других акций Восьмого високольского слета в Праге³. Хорошее качество продемонстрировала и техника трансляции: в распоряжении "Радиожурнала" было уже пять микрофонов, которые позволили на стадионе во время слета записывать голоса и звуки с командного пункта, из музыкального павильона, со спортивной арены, из репортерской кабины и от входных ворот. Отдельные звуковые сигналы складывались в соответствии со сценарием в настоящую звуковую симфонию. В этом же году удалось организовать международную трансляцию заседаний Лиги Наций в Женеве. К концу года число радиокооператоров увеличилось в Чехии до 100 тыс. (в ЧСР до 150 тыс.).

В столь успешном 1926 г. Чапек опубликовал статью "Человек и кристалл" [4. S. 22–24]. Он выразил в ней чувства, впечатления и переживания радиослушателя-неофита. Основной вывод таков: наушники радиоприемника "фактически привязывают вас к себе". Но скоро вы, обладатель маленького кристаллика, "обнаруживаете, что эта вещь мурлыкает вам на ухо концерты, песни, о чем-то рассказывает". Она заставляет вас сидеть и слушать, "норовя пробудить в вас невиданные добродетели домоседа". И вот резюме: "Раньше люди, чтобы послушать музыку или ораторов, уходили из дома, а теперь для этого они идут к себе домой. Именно там человек общается с целым светом. Он запирается в четырех стенах, чтобы поймать Рим или Лондон. Идет сам к себе на лекцию... Да, уверяю вас, что-то в этом есть".

Автор показывает переход человека, который "одел наушники и поудобнее устроился в кресле", на другую ступень эволюции, когда он уже созрел до приобретения усилителя: "...теперь он должен все время что-то испытывать и подгонять, потом доставать новый кристалл, к этому кристаллу новую установку, к этой установке новый усилитель, к этому усилителю еще один, к нему более совершенную

² Это самый простой радиоприемник, основанный на кристаллическом детекторе, где кристаллика из соответствующего минерала касается под небольшим давлением стальная игла: в наушниках можно было слышать модуляции мощной местной радиостанции.

³ "Сокол" – первое чешское спортивное общество, созданное в 1862 г. Каждые четыре года оно проводило слеты, чьи спортивные программы послужили образцом для советских спартакиад.

установку, а к этой установке новую антенну, к новой антенне другую установку, и так до бесконечности, устремляясь с фатальной неотвратимостью в некое ультрагиперсупергетериальное будущее". И вот уже он начинает предъявлять претензии к качеству трансляции. "Как вы думаете, звук нормальный? ...Верно ведь, звук хороший? ...Слышите, как чисто звучит?" [5. S. 120–122].

А между тем в 1925 г. по инициативе одного журналиста чешский язык подыскал замену словам "радио" и "broadcasting" на "rozhlas" (от глагола разглашать, разносить, ширить информацию среди людей). И от этого слова, которое быстро вошло в обиход и укоренилось, произошло слово "rozhlásek" (отголосок). Оно стало означать жанр журналистики, остроумный комментарий в стихах на темы дня, впервые появившийся в "Lidové novine". В этом жанре публиковались Э. Басс, К. Чапек, Я. Дрда и другие, а после войны – Й. Кайнар. Чапек для своих "отголосков" выбрал подходящую тему розгласа (радио). Чехословакия была заинтересована в том, чтобы быть представленной в эфире мощноволновой радиостанцией. Ею стала (к 13-й годовщине республики) станция "Либлице", которая силой своих 120 киловатт начала транслировать пражские передачи, предваряя их камерным звуком "а". Он обозначал время передач и задавал тональность для точной настройки музыкальных инструментов. Но и после официального открытия радиостанции нужно было все время устранять всякие неполадки, и Чапек в своих веселых отголосках воспроизводит эти постоянные помехи в информационных программах: "Передаем новости заграничные: / не произошло ничего необычного, / только..... мнения(шум и треск) /разоружение....." Семь зарифмованных строчек заканчиваются такими словами: "Уважаемые радиослушатели простят нам некоторые помехи, вызванные тем, что сейчас мы вели передачу из нашей новой и великолепно оборудованной радиостанции в Либлицах" [6. S. 81–82]. В первых текстах К. Чапек был настроен юмористически и писал их для радиослушателей. Он знакомил людей с новым изобретением, показывал его большое значение, стремился пробудить к нему интерес.

Первые шаги чешскому радио давались с трудом. Если британская Би Би Си начинала свою деятельность, имея капитал в 11 млн. крон, то у "Радиожурнала" поначалу было всего 500 тыс. крон, а с 1925 г. – вместе с государственной дотацией (чуть более половины от общей суммы) – 1 млн. Но организаторы радиодела вели себя в этих условиях очень мужественно. Они никогда не нарушали регулярность передач, увеличив первоначальное время вещания с одного часа до двух, а в 1926 г. до восьми часов, быстро перейдя затем на более чем десять часов. В связи с этим Чапек стал уделять все большее внимание программам передач, их возможностям. Интересно, что он обратился к этой проблематике прежде, чем сам стал участвовать в работе радио. Когда Иржи Опелик в докладе на конференции, посвященной Чапеку (Прага, январь 2000 г.) [7. S. 2], говорил об отношении Чапека к актуальности литературы, он, касаясь работ Чапека, написанных еще до Первой мировой войны, обратил внимание на то, что тот "предвосхитил в них свое будущее творчество – практикуя подобное и позже: так, например, на рубеже десятых – двадцатых годов, еще до своего первого романа, он обдумывал связь беллетристики с эпичностью, ...поддерживая то, что сам еще только собирался и хотел попробовать". И о кино он стал писать раньше, чем для кино. Впрочем, его теоретические исследования принесли кинематографу – не говоря о литературе! – огромную практическую пользу. Чапек никогда не писал для радио в жанре изящной словесности (не предлагал, например, радиопьес или инсценировок). Исключением был разве что замечательный цикл передач о музыке разных народов, который он подготовил на основе своей уникальной коллекции грампластинок⁴. Все остальное – это публицистика, частично посвященная писательскому творчеству, но в основном – актуальным проблемам современности.

⁴ Она хранится в Национальной библиотеке ЧР, несколько сценариев из этого цикла находятся в Архиве Чешского радио.

Возможности радиопередач Чапек рассматривал как социолог и как художник. К первому типу работ относится содержательная статья "Радио и мир" [8. S. 202–205], где показаны большие потенции радио в популяризации идейных и художественных ценностей, в выравнивании условий культурного развития города и деревни и в достижении лучшего взаимопонимания между народами. Основные тезисы Чапека заключаются в следующем: 1. "...Стены нашего жилища сегодня вмещают все более и более широкие горизонты. Мы идем к себе домой, будто на просторы, которые больше, чем улица или концертный зал"; 2. "Сегодня деревенский житель повернет ручку и сможет услышать концерт Касальса или современный фокстрот; столица врывается в его сельское одиночество среди яблоневых садов или зарослей ольхи. ...Радио явилось как раз вовремя, чтобы по-своему помочь релятивной валоризации деревни"; 3. Надо "...чтобы каждый народ, запускающий во вселенную свою песенку, мог поближе познакомиться нас с собой, чтобы были во вселенной дни то одного, то другого народа и чтобы каждый из них смог заявить о себе как можно ярче и громче, что он живет на свете и хочет сказать что-то свое и доброе всем остальным. ...И это был бы всемирный конгресс людей, которые, сидя у домашнего очага, протягивали бы друг другу руки для доверительного знакомства".

Возможности радиовещания здесь сформулированы очень точно, хотя радио само по себе реализовать их не в силах, даже вместе с телевидением, которое вот уже десятилетиями работает бок о бок с ним. Однако, действуя в этих направлениях, радио показало свою способность делать наш мир человечнее и культурнее. Практическую реализацию своего последнего тезиса автор смог наблюдать в 1934 г., когда Берлин, "который обычно не раздает обещаний будущего вечного мира" [9. S. 530–531], транслировал концерт народной и популярной музыки с радиостанций четырех частей света. Пражским вкладом в эту передачу стал марш Йозефа Сука "К новой жизни". В отношении художественных программ "Радиожурнала" Чапек занимал двойственную позицию: оценивая радиопостановки, он отстаивал интересы радиослушателя, что же касается музыкальных передач, то здесь он выступал на стороне вещания.

«Пан советник Томса в тот вечер только приладил наушники и с блаженной улыбкой стал слушать, как прекрасно играют по радио танцы Дворжака – "вот это музыка", – с удовольствием подумал он, – как вдруг на улице два раза что-то гроыхнуло...», – так начинается рассказ Чапека "Вражеское нападение" [10. S. 151]. Чапек знал по собственному опыту, как приятно наслаждаться концертом серьезной музыки в вечерние часы, когда улучшалась слышимость европейских радиостанций и качество приема. (А во время работы он любил включать любую музыку без разбора, чтобы, изолируясь от внешней среды, легче было сосредоточиться.)

Его особое отношение к музыкальной культуре зримо проявилось во время споров между "Радиожурналом" и радиослушателями. 10 марта 1926 г. газета "Národní listy" опубликовала письмо протеста восьмидесяти абонентов "Радиожурнала" против трансляций "камерной и зарубежной музыки, слишком чуждой человеческой душе" и вытеснявшей вальсы, польки и марши. Абоненты затронули проблему, которая рано или поздно встает перед каждой радиостанцией, передающей в том числе культурные программы: как удовлетворить массовые запросы и избирательность, отвечающую вкусам более узкого круга радиослушателей, разбирающихся в разных областях культуры. Руководство радиовещанием с самого начала собиралось нести культуру в массы, видя в этом свои цели и задачи. "Совершенно очевидно, что радио должно было взять на себя культурно-просветительскую миссию, чтобы и деревенской провинции стали бы доступны хорошая музыка, опера и концертный зал" [11. S. 8]. Издание "Věstník Radiojournal" в 1928 г. подсчитало, что произведения серьезной музыки на радио составляют 45%, а легкой – 55%. Предлагаемые музыкальные жанры по своему репертуару, объему и времени передач не могли удовлетворить всех радиослушателей. Многие годы именно слушатели музыкальных передач (наименее толерантные и наиболее активные из них) и были самыми

агрессивными критиками радиовещания. "Мы никакие не адвокаты радио, которому одна и та же газета запрещает то джаз, то симфонию ми-бемоль мажор; всем не угодишь, передавай хоть грохот, хоть музыку небесных сфер", – пишет Чапек в оперативно опубликованной статье с примечательным названием "Восемьдесят абонентов или симфония ми-бемоль мажор" [12]. "Нельзя требовать от радио, чтобы оно потакало вкусам каждого, кто заказывает себе музыку как говядину в трактире; мы хотим лишь, чтобы наши программы были не хуже и не вульгарнее, чем передачи других радиостанций Европы, – и в рамках этого мы требуем самую лучшую отечественную продукцию, доступную широчайшему кругу людей"⁵.

Если при обсуждении музыкальных передач Чапек принимал сторону радио, то по отношению к программам "театр у микрофона" он отстаивал интересы слушателя. В этих вопросах он был далеко не любителем: в течение двадцати лет Чапек писал театральные рецензии (в том числе и на гастрольные спектакли МХАТ), писал о кино, делал попытки сочинять киносценарии, на его счету было уже шесть пьес, дружба с актрисой Ольгой Шайнпflugовой и два сезона работы в Виноградском театре режиссером и заведующим литературной частью. Поэтому он по собственному опыту знал и правила драматургии, и закулисную жизнь театра, и условия творческой деятельности. Практику же работы на радио Чапек хорошо представлял на основе заслуживающей доверия информации.

В первые годы радиовещания для постановки пьес существовали "минимальные технические условия. Всего один микрофон, плохо оборудованная студия и нехватка качественной техники не располагали к экспериментам" [13. S. 20]. Критика Карела Чапека звучала резко: "Многим людям радио заменяет театр, у кого-то из них оно пробуждает вкус к театру. Думаю, что музыканты вряд ли имели бы успех, если бы выступали по радио с импровизированными концертами, наспех сыгранными случайными исполнителями; ... радиоспектакли же обычно производят впечатление репетиции, где люди с неохотой просто читают с листа или бормочут текст; голоса невидимых актеров звучат невыразительно, радиослушатель путается в них, потому что их тембры не проработаны и мелодически не оттенены" [14]. Характеристика Чапека удивительно точна. Позднее главный режиссер Чехословацкого радио Йозеф Бездичек вспоминал, как проходила на практике студийная работа в 1930-е годы (он стал режиссером радиостанции в Брно в 1932 г., через два года после сделанного Чапеком анализа): "Потом уже перешли к трем и даже четырем репетициям вместо, как было принято одной, информационной, когда актеры впервые знакомились с текстом, порой лишь тогда разрезая его страницы, и генеральной, на которой пьесу, как правило, одноактную, прогоняли без остановки с соответствующим звуковым оформлением" [15. S. 57]. Чапек подчеркивал: "Важно, чтобы и на радио осознали, что спектакль, подобно оркестровой музыке, это искусство ансамбля, которое нельзя, под страхом низкого качества, симпровизировать". Со временем эта мысль стала воплощаться в жизнь. Была введена система репетиций, шла кропотливая работа над спектаклями, появились режиссеры и актеры, специализировавшиеся в области радиотеатра, каждый режиссер формировал вокруг себя постоянный костяк исполнителей, а позднее возникла и целая труппа "театра у микрофона".

В 1930-е годы радиовещание стало постепенно, хоть поначалу и бессистемно, вырабатывать свои особые приемы и язык. Тем самым средство репродуктивное стало превращаться в продуктивное творческое средство (как выразился представитель художественного авангарда К. Тейге). Так радио вступило в эпоху подлинного художественного творчества. Стали воплощаться в жизнь и другие требования Чапека: "У нас и на театральных подмостках говорят без должной культуры произношения. Если бы режиссеры были вынуждены заниматься лишь голосом своих

⁵ К этой проблеме Чапек вернется еще в 1935 г. и в 1937 г. [13. S. 272–274] в связи с другими программами. Руководство радио многие годы ломало голову над содержанием музыкальных передач; так или иначе решить все трудные вопросы помогло лишь создание в 1960-е годы нескольких параллельно вещающих радиостанций.

актеров, отвлекаясь от их мимики и жестов, т.е. лишь чистой акустикой, они держали бы ее под особым контролем, что заставило бы и их, и актеров специально заняться постановкой голоса и дикции" [14]. Среди статей Чапека это был единственный случай сугубо критического анализа. Вскоре открылся театр Д 34 режиссера Э.Ф. Буриана, отличавшийся высокой культурой речи. Труппа Буриана часто выступала перед радиомикрофоном. И само радио начинает осознавать свои возможности: демонстрировать все нюансы звучания голоса и свою способность учить внимательно слушать. На пороге нового периода, когда радио начало процесс самоопределения, открытия в себе не осознаваемых ранее потенциалов и способностей, Чапек внес здесь свой большой вклад.

Публицистика Чапека никогда не избегала политической проблематики, а в начале 1930-х годов Чапек стал интересоваться и тем, как звучит она в эфире или, точнее, как можно отслеживать по радиоволнам изменения в политической ситуации. Он уже не выпускает из поля зрения эти аспекты радиовещания, рассматривает их в европейском контексте, концентрируя внимание на ЧСР. Так, например, еще за полгода до прихода в Германии к власти Гитлера, чешский писатель начинает улавливать некие характерные особенности передач радиостанции "Königswusterhausen": "...Что-то слишком часто, чаще, чем прежде, звучат на радость немецким радиослушателям военные марши. Кажется, что Германия уже не хочет двигаться в ритме джаза, а ее походку все больше определяет музыка милитаризма; перед ее мысленным взором маршируют парадным шагом десятки и сотни бывших пехотных, гренадерских и стрелковых полков... После конференции по разоружению эта музыка особенно впечатляет" [16]. Речь шла не о музыке, а о Европе.

Год 1933 начался с двух знаменательных, но разных событий: Гитлер вступил в должность рейхсканцлера и открыл путь диктатуре нацизма; в СССР началась вторая пятилетка, имевшая целью удвоить промышленное производство. Исходя из характера радиовещания, Чапек дает такую социополитическую аттестацию этим государствам: "Страны, где очень много говорят". В Советской России "в девяти случаях из десяти звучат политические проповеди или дебаты". В Германии "в семи случаях из десяти... раздаются сдавленные дикие вопли; ага, там опять кто-то излагает правительственную программу". Такое впечатление, что там, где чаще "дают слово музыке, там отношения более спокойные и толерантные" [17].

Итальянское радио подготовило трансляцию выступления Бенито Муссолини: "Грубый мощный голос, порой срывающийся в хрип. Постепенно начинаешь различать продуманные фразы, быстро выстреливающие точно сформулированную мысль. Это речь человека, сознательно стремящегося произвести впечатление на толпу, но при этом не лишенного ораторской культуры. Подобные львиные рыки постарались перенять Гитлер и другие речевики сегодняшней Германии, но как всегда пересолили; у них получилось нечто среднее между ревом фельдфебеля на казарменном дворе и рычанием зверя". Этим сказано все – и даже о различии между двумя вождями. А дальше – о производимом выступлением дуче эффекте: "Внешняя политика, хоть и вызывавшая в то время мировой резонанс, не была столь интересна широкой публике, как, скажем, обещания дуче более справедливо распределить богатства. То, что затем грянуло из трехсоттысячных уст, не было похоже ни на голоса, ни на крики. Это было нечто густое и компактное, как материя. Слушателю у репродуктора начинало казаться, что во всем этом можно плавать или по нему ходить. Да, прямо дух захватывало – несмотря на дальность расстояний и мировоззрений" [18].

В конце 1936 г. с шиком и элегантностью отца Брауна Чапек разгадал загадку "виновника" появления на свет сборника "Горькие баллады Роберта Давида". Проанализировав оставленные им в рукописи следы, он выдвинул свою убедительную публицистическую формулу "ордера на арест" анонимного автора. (Им был, как теперь уже хорошо известно, В. Незвал, признавший свое авторство лишь через двадцать лет.) С таким же успехом Чапек раскрывает тайну подпольной немецкой радиостанции, которую искали долго и безрезультатно. Используя принципы "психо-

логической" радиогониометрии, он пришел к двум простым выводам: станция пропагандирует интересы испанского правительства; передает свежие новости из Испании и устаревшие из Германии. И в придачу дал такой ключ к разгадке: "Удивительно точное и чистое произношение испанских имен". Вывод – краткий и логичный: "Искать эту таинственную радиостанцию нужно на испанской территории" [19].

В середине 1930-х годов в статье "Голос над землей" (в первой части которой автор комментирует музыкальные передачи, о чем шла речь выше) Чапек делится с читателем своими неожиданными идеями и проектами. Размышляя над острой проблемой положения немцев в Чехословакии и пограничных районах и касаясь в связи с этим вопросов радиовещания, он настойчиво предлагает создать специальную радиостанцию и программы для немецких радиослушателей: "Не знаю, долго ли мы еще будем делать вид, будто нам все равно, какие передачи слушают три миллиона наших немцев. Перед радиоволнами нельзя закрыть границы. Ясно, что и наши немцы не стали бы выключать приемники, если бы передавали интересную программу и информацию; да и немцы за границей не выключали бы их, привыкая, ... скажем так, к более демократичным интонациям, чем те, что изо дня в день звучат у них в ушах" [20]. Идею Чапека год спустя (1936) поддержал редактор немецкоязычной газеты "Prager Tagblatt". В анкете на тему "Радио и общество" он подчеркнул, что рост числа концессионеров не означает растущую популярность чехословацкого радиовещания: "40% иноязычных радиослушателей отдадут, конечно же, предпочтение станциям, ведущим передачи на их родном языке" [21. S. 37]. Свои мысли Чапек вновь, почти без изменений, изложил по-немецки в той же газете и снова выдвинул идею создания в Чехословакии станции радиовещания на немецком языке. (Немецкая версия этого текста вышла под названием "Чех выступает за немецкое радио" [22].) "Если бы я был нашим правительством, я бы лелеял это немецкое и международное радио с особой любовью и мудростью, чтобы, прорастая из того самого лучшего и благородного, что пробивает себе дорогу на европейских просторах, оно стало бы ... высочайшей антенной европейской духовности". Наконец, в 1937 г. такое решение было принято, а год спустя открываются станция в Мельнике и радиостудия в помещении Национального дома в Праге-Карлине. Но было уже слишком поздно. Оба объекта после оккупации республики немецким вермахтом действительно служили немецкому вещанию, но как часть гитлеровской пропагандистской машины. Явная недооценка роли государственной пропаганды мира способствовала – несмотря на предостережения Чапека – подготовке выступлений судетских немцев против республики и за единение с рейхом. Это помогло и Гитлеру начать свой поход завоевателя Европы.

Еще раз Чапек обращается к проблемам радиовещания сразу после Мюнхена, после оккупации вермахтом пограничных чехословацких земель и их присоединения к гитлеровской Германии. Вместо запланированных программ в честь 20-летия республики радио передавало в те дни советы для беженцев с отторгнутых территорий, организовывало помощь, помогало семьям разыскивать своих близких, вело актуальные информационные передачи о событиях дня. Они были тем желаннее, чем дальше находился радиослушатель от источника информации. "...Вы, жители Праги или Брно, вы, жители городов, вы и не представляете, что значит этот ящик для деревенского человека, ... который получает свои газеты с опозданием и не может разузнать последние новости ни в кафе, ни на улице... Именно в это тяжелое время мы осознаем огромную ценность этого великолепного, а порой и дьявольски злого прибора, который зовется радио; и тем острее мы чувствуем, чего ему не хватает, чем он мог и должен был бы стать" [23].

Анализ суждений К. Чапека о радиовещании в статьях 1926–1938 гг., когда он думал о том, что такое радио, чем оно могло и чем должно было бы стать, можно завершить таким эпилогом. Писатель Я. Дурих решил, что тяжкая пора, наступившая после Мюнхена, самый подходящий момент для нападков на К. Чапека и публично выступил с клеветой, будто писатель исключительно от страха перед бомбардировками сбежал из Праги в свою летнюю резиденцию Стрж у Добржиша. Об этих

нападках вспоминал друг Чапека, писатель Ф. Лангер. К. Шайнпflug показал, что эта ложь послужила для реакционной печати сигналом к развязыванию настоящей травли писателя, чья антигитлеровская позиция якобы представляла угрозу республике. У профессора Й. Харвата, который как врач находился у постели смертельно больного Чапека, сложилось впечатление, что атаки чешских фашистов сильно действовали на него, отнимая желание жить в фашизированном мире [24]. Чешский журналист Юлиус Фучик написал в некрологе: "На него вылилось столько ненависти и грязи, как ни на кого другого. На него нападали, осуждая за те слова, которые он не произнес, гораздо яростнее, чем если бы он твердил их всю жизнь. На него нападали за его крепкую, хоть и ненаступательную веру в человека и его доброго гения" [25]. На атаки в свой адрес Чапек решил ответить тем, что публично подвел итог своей деятельности осенью 1938 г. Он сделал это в статье "Как это было" [26]. В связи с наступившими недобрыми временами он в последний раз завел речь и о радиовещании: "Особую главу составила наша пропагандистская деятельность, особенно на радио, в защиту народа и государства и против зарубежной пропаганды; известно, как это было трудно, и, наверное, нам когда-нибудь объяснят, почему. А в это время чешский писатель понапрасну все бегал от одного к другому, чтобы улучшить положение; бился над тем, что же делать с мельницей радиостанцией, какой разговор вести с нашими немцами да и со всем божьим светом; собирал вместе профессоров университета, литераторов и публицистов, чтобы те своими выступлениями по радио помогли сохранить нравственно-духовные связи между народами, пока еще не поздно, и найти общие интересы. Ему удалось заполучить для нашего радио обращение к немцам – людям доброй воли: давайте же поговорим вместе с вами, хотя бы о том, что вас гнетет; даже если мы просто лучше узнаем друг друга, это будет уже прогресс. После этого единственного обращения пришли сотни и сотни писем от немцев из разных мест от Тахова до Крнова: в них были жалобы на истинные или мнимые обиды, было много сурового и горького, много разумного; но почти все они показывали, как много всего можно было бы сказать и сделать для гармонизации человеческих отношений. На основе этих писем можно было бы сделать ряд ежедневных передач, где бы выступали и отвечали на вопросы известные люди. Но, не успев развернуться, эта инициатива была запрещена. Почему, неизвестно. Господину писателю не оставалось ничего другого, кроме как, урывая свободное время, собственноручно отвечать на эти сотни писем от немецких сограждан доброй воли".

Аналитик и комментатор развивавшегося в ЧСР радиовещания, писатель и журналист Карел Чапек умер 25 декабря 1938 г., через месяц после опубликования этой статьи. Вместе с ним умерло свободное чехословацкое радио.

Перевод Л.Н. Будаговой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Čapek K. Univerzitní studie. Praha, 1987.
2. Pacáková A.J. O novou organizaci práce v rozhlasě // Rozhlasová práce. 1947. II.
3. Gutwirth V. Rozhlas, nástroj kultury // Čin. 1934. № 12.
4. Čapek K. Muž a krystal // Lidové noviny. 1926. 14 II.
5. Čapek K. Amplion // Lidové noviny. 1927. 2 I.
6. Čapek K. Haló, haló... // Lidové noviny. 1932. 19 XI.
7. Opelík J. Co rozuměl Karel Čapek áktualností (vlastná) literatury. Referát na mezinárodní konferenci "Karel Čapek – spisovatel a demokrat" (rkp.).
8. Čapek K. Rozhlas a svět // Lidové noviny. 1930. 5 IV.
9. Čapek K. Pozor, pozor, Rio de Janeiro // Lidové noviny. 1934. 14 II.
10. Čapek K. Vražedný útok (1928) / Povídky zjedné kapsy Povídky z druhé kapsy. Praha, 1964.

11. Věstník Radiojournal. 1925 II.
12. Čapek K. Osmdesát abonentů čili Symfonie Es dur // Lidové noviny. 1926. 12 III.
13. Havel M. Od rozhlasové hry k rozhlasovému dramatu. Praha, 1942.
14. Čapek K. Hlasy zvenčí // Lidové noviny. 1930. 1 VI.
15. Bezdička J. Vzpomínka z r. 1960 // Československý rozhlas na vlnách času. Praha, 1983.
16. Čapek K. Hlasy z Německa // Lidové noviny. 1932. 30 VII.
17. Čapek K. Země, kde se nejvíc mluví // Lidové noviny. 1933. 23 IV.
18. Čapek K. Mussolini v rozhlase // Lidové noviny. 1934. 7 X.
19. Čapek K. Na vlně 29,8 // Lidové noviny. 1937. 20 III.
20. Čapek K. Hlas nad zemí // Lidové noviny. 1935. 24 III.
21. Votavová J. Stručný nástin historie českého rozhlasu. Praha, 1993.
22. Čapek K. Čech pro německý rozhlas // Prager Tagblatt. 1937. 16 V.
23. Čapek K. U rozhlasové skřínky // Lidové noviny. 1938. 23 X.
24. Langer Fr. Bylo a byli. Praha, 1963; Карел Чапек в воспоминаниях современников // Сост. О.М. Малевич. М., 1983; Scheinpflug K. Člověk Karel Čapek // Svobodné slovo. 1968. 23 XII; Charvát J. Vzpomínka na Karla Čapka // Rudé právo. 1978. 24 XII.
25. Fučík J. Čapek živý a mrtvý. (Pod zn. K.V.) // Milujeme svůj národ. Praha, 1954.
26. Čapek K. Jak to bylo // Lidové noviny. 1938. 26 XI.

© 2001 г. Б. БЯЛОКОЗОВИЧ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ГЛАЗАМИ ЯНА БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ

Говоря об Яне Бодуэне де Куртенэ, Хенрик Улашин отмечал, что "это не был тип "узкого" специалиста, пусть даже гениального", и особо подчеркивал: "Это был довольно редкий тип настоящего ученого-мыслителя, лингвиста-философа, который никогда не забывал о единстве науки, о том, что... мы выделяем части целого не затем, чтобы забыть о других частях или самом целом" [1. S. 7].

В этом *целостном* восприятии Яна Бодуэна де Куртенэ важное место занимали общественно-гуманитарные и естественно-философские науки. Особенно близка его сердцу была филология, в том числе литературоведение. Лингвист уделял также пристальное внимание литературной критике и анализу современных ему тенденций в литературе. Сам он неоднократно писал о художественной литературе: в России, главным образом – о польской, в Польше – о русской. Однако специальными литературоведческими исследованиями он не занимался, напротив, считал их областью "истории литературного творчества" и "литературной критики", и противопоставлял свою научную дисциплину традиционному понятию филологии, возражая против "очень распространенного смешения языкознания, т.е. лингвистики, с филологией... и историей литературы" [2. S. 25].

Это вовсе не означает, что художественная литература была ему чужда или безразлична. Он высоко ее ценил – и вопреки некоторым утверждениям – любил, чему есть немало свидетельств. С большим значением дела ученый цитировал в своих лингвистических и публицистических работах античных (греческих и римских), западноевропейских, американских, польских, русских, украинских, чешских, хорватских и других славянских писателей. По его убеждению, художественная литература должна заключать в себе разумные и благородные идеи, быть неисчерпаемым источником вечно живых мыслей и служить прежде всего высоким человеческим идеалам.

В петербургском доме Бодуэнов часто велись дискуссии о художественной литературе. Этому способствовало и то, что ею занимались жена языковеда, Ромуальда Бодуэн де Куртенэ (урожденная Багницкая) и невестка – Янина Бодуэн де Куртенэ, литератор. Они переводили с польского, публиковали посвященные польской литературе эссе и рецензии в российской прессе.

Ян Бодуэн де Куртенэ нередко помогал им советами и рекомендациями. Он также способствовал их сотрудничеству с известными российскими энциклопедиями, издававшимися в Петербурге в начале XX в.

В русской литературе Бодуэн выше всего ставил свободолобие, нравственно-философские достоинства и общественную ангажированность. В творчестве Пушкина – "поэта-художника, принадлежащего всему человечеству" – он подчеркивал артистичность формы и музыкальность языка, глубокое ощущение психических мотивов

и тончайшие художественно-психологические оттенки" [3. С. 2]. Восхищаясь талантом знаменитого сатирика М. Салтыкова-Щедрина, уделял особое внимание его языку. Часто обращался к А. Герцену и Н. Огареву как представителям русской вольнолюбивой мысли. Горячее одобрение ученого получили батальные сцены В. Гаршина, воспринятые Бодуэном как решительный протест против войны как таковой. Он неоднократно выражал также свою симпатию к творчеству И. Тургенева. В то же время, подобно М. Горькому, подвергал резкой критике личность и произведения Ф.М. Достоевского. Ученому и общественнику, ему были абсолютно чужды философские взгляды и религиозно-этические постулаты автора "Бесов", а также их тогдашний идеологический подтекст. Решительно и страстно отрицая всякого рода иррационализм, мистицизм и декадентство, он критиковал и чрезмерно яркие натуралистические тенденции в творчестве Л. Андреева¹.

Мыслитель, общественник и публицист, Бодуэн де Куртенэ вел бескомпромиссную борьбу за прогресс, правду и справедливость, решительно защищая свободу убеждений и совесть. Убежденный пацифист, он страстно осуждал любые войны, убийства, колониализм, вооруженные конфликты и – в его понимании – абсолютно противную человеческой природе смертную казнь. Именно в этой своей деятельности он часто обращался к Л. Толстому и его религиозно-этической философии.

Бодуэн де Куртенэ, как и Толстой, выступал против любой национальной исключительности, шовинизма и насилия. «Для меня, – замечал он, – одинаково привлекательны: "Alldeutsche" вместе с членами хакаты и иными германизаторами; "русификаторы", помноженные на так называемых "панславистов" и, наконец, "Wszecpolacy". А последние выглядят тем более жалко, что петушатся, не имея за плечами, в отличие от тех, собственных штыков и государственной поддержки» [5. С. 23].

Как и Толстой, Бодуэн был необыкновенно последователен и не признавал никаких послаблений. Рассуждая на эту тему, он писал: «Итак, любой панславизм, пангерманизм, любая "всепольскость" вредны еще и потому, что призывают отказаться от более объективной классификации человечества – экономической и политической, хотя бы, например, на преследователей и преследуемых, или же на эксплуататоров и эксплуатируемых. Меня лично абсолютно не трогают слова "братья славяне", и те, кто подчеркивает свою принадлежность к славянам, не заслуживают в моих глазах особого внимания. Если, например, венгры или пруссы угнетают "братьев славян", я приму сторону славян. Но если "братья славяне" угнетают и преследуют немцев, финнов, шведов, литовцев, армян, евреев, китайцев... я всей душой на стороне притесняемых» [5. С. 29–30]. Под приведенными выше словами вполне мог бы подписаться Л. Толстой. Бодуэн де Куртенэ хорошо знал его убеждения и хотя не все в них принимал, высоко ценил критику Толстым официальной религии и официального патриотизма, а прежде всего российской государственности и всякого рода проявлений беспардонности власти. С антигосударственными произведениями, написанными с позиций нового взгляда на христианство, царская цензура боролась особенно яростно. Однако они издавались за пределами России – В. Чертковым в Англии и П. Бирюковым в Швейцарии – а оттуда нелегально провозились в Россию и распространялись друзьями Толстого. В тайную сеть распространения запрещенных цензурой произведений Толстого включился также Бодуэн де Куртенэ, что подтверждает корреспонденцию с В. Чертковым и его эмигрантским издательством, а также доставка из Лондона запрещенных цензурой произведений Толстого, в том числе "Воскресения" [6. С. 41–48]. В этой области ученый сотрудничал со словачком Д. Маковицким, жившим в Жилине в Словакии. Именно о нем он писал в письме от 8 августа 1898 г. А. Черному, рекомендуя "доктора Душана Маковицкого, врача из Жилина" как человека, подходящего для работы в пражском журнале "Slovenské Rozhlady". "Он сторонник Толстого и один из немногих свободомыслящих словаков. Даже его противники признают его необычайную порядочность" [7. С. 80].

¹ Подробнее об отношении Бодуэна де Куртенэ к русской литературе и отдельным русским писателям см.: [4].

С 1904 г. Д. Маковицкий жил в Ясной Поляне (он был домашним врачом Толстых) и оставил после себя обширные дневники, изданные в 1979 г. в четырех огромных томах в рамках знаменитой издательской серии "Литературное наследство" под названием "Яснополянские записки" [8]. 8 марта 1905 г. в дневнике Маковицкий замечает: "Лев Николаевич и я получили от Бодуэна де Куртенэ целую пачку изданий Черткова" [8. Кн. I. С. 203].

В Ясной Поляне Бодуэна ценили и уважали, он был большим авторитетом в том, что касалось польской и славянской проблематики. И работая над рассказом "За что?", действие которого происходит во время ноябрьского восстания, Толстой через Д. Маковицкого обратился 1 марта 1906 г. к Бодуэну де Куртенэ с просьбой прислать исследования, в которых представлена польская точка зрения, поскольку освещение хода восстания в российских исторических работах вызвало у него некоторые сомнения. В этих трудах, по мнению Толстого, наряду с многими тенденциозными неточностями, ощущаются значительные лакуны в детальных описаниях битв, восполнить которые могли бы польские исторические исследования и воспоминания. Маковицкий обратился к Бодуэну де Куртенэ, который, в свою очередь, начал разыскивать соответствующие материалы, консультируясь одновременно с польским историком В. Новодворским. Последний посоветовал обратиться к мемуарам Х. Дембиньского, особенно к его "Воспоминаниям о литовской кампании" [9]. Бодуэн де Куртенэ в марте 1906 г. написал письмо академику А. Шахматову с просьбой прислать Толстому возможно более полный комплект материалов о ноябрьском восстании. В письме этом, в частности, говорилось: «Толстой написал роман "За что?" из периода истории польского восстания 1831 г., но использовал для этой цели лишь те сведения, которые содержатся в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, а также некоторые воспоминания русских участников событий. Поэтому он опасается, что мог не очень точно уловить характер эпохи. Теперь он хотел бы ознакомиться с произведениями и воспоминаниями, написанными в первую очередь с польской точки зрения. Необходимо правку он внесет в корректуру. По-польски Лев Николаевич читает с трудом и поэтому просит книги на русском, французском, немецком, английском. Я хотел хоть что-нибудь раздобыть в книжных магазинах, но ничего не было (даже Пузревский распродан). Мне кажется, что поскольку Толстой является почетным членом Академии, можно было бы взять соответствующие книги в библиотеке (если они есть) и выслать их служебной посылкой в Ясную Поляну. Неполный список прилагаю. Можно ли попросить Вас заняться этим делом и отправить посылку как можно скорее. И так уже прошло несколько дней после получения письма, следовательно, необходимо спешить. Толстой более заинтересован в дневниках, чем историческим трудах в буквальном значении этого слова. В дневниках есть необходимые романисту характерные детали. Кроме того, Толстого интересуют географические границы восстания, особенно в гродненской губернии. С этой целью Новодворский рекомендует в первую очередь Дембиньского»² (цит. по: [10. С. 417–418]).

В ожидании этих материалов Толстой обращается также к находящемуся в Ясной Поляне Н. Фельтену с просьбой взять у хранителя Публичной Библиотеки в Петербурге В. Стасова несколько работ о восстании, выражающих польскую точку зрения. О том, какое значение придавал Толстой польской оценке ноябрьского восстания, свидетельствует хотя бы такой факт, отмеченный в записках Маковицкого от 10 марта 1906 г.: "Михаил Сергеевич (Сухотин) привез из Москвы для Льва Николаевича книгу Лямба (здесь речь идет очевидно о книге Фридриха фон Смитта. – Б.Б.) на немецком языке о польском восстании 1830 г. Работа очень дельная, но Лев Николаевич остался ею недоволен, в частности, потому, что автор ее служил в штабе российской армии" [8. Кн. II. С. 73].

² Василий Кораблев неверно указал дату, поставив 1902 г. вместо 1906 г. Именно эта ошибка ввела в заблуждение Б. Эйхенбаума (статья "Из студенческих лет Л.Н. Толстого"). Правильную дату установили без сомнения Н. и В. Гусевы на основании рукописей произведения, дневников и корреспонденции Л. Толстого, а также воспоминаний его современников [11. С. 626–643].

В результате стараний Бодуэна де Куртенэ уже 17 марта 1906 г. Толстой получил из библиотеки Академии наук множество ценных работ на интересующую его тему и безотлагательно принялся за чтение. В беседе с Маковицким писатель выразил свое удовлетворение полученными книгами: "Милый Бодуэн прислал мне книги о польском восстании. Займитесь ими; прочитаю – вернем" [8. Кн. II. С. 82]. Таким образом, все необходимое для работы он получил прежде всего из этих изданий. Семнадцать французских, немецких и польских книг, присланных В. Стасовым из Публичной Библиотеки 14 апреля 1906 г. были использованы лишь частично, поскольку содержажи повторение ранее присланных и уже прочитанных Толстым материалов.

Как видно, относительно короткий рассказ "За что?", потребовал длительной работы. Впрочем, сам писатель в разговоре с Н. Фельтеном заметил: «Сейчас я пишу рассказ "За что?", по объему небольшой, около одного издательского листа. Это рассказ из времен польского восстания. Взгляните, сколько я прочитал на эту тему – он указал на гору книг. – И чувствуя, что этого мало, следует прочитать еще столько же. ... Нужно прочитать множество книг, чтобы написать пять предложений, разбросанных по всему рассказу» [12. С. 486–487]. В данном случае сетования Толстого были обоснованы. Поскольку ни одно другое из его многочисленных мелких произведений не потребовало такого объема исследований. Приведенные высказывания самого Толстого и его близких дают представление о том, с какой ответственностью воплощал писатель художественный образ судьбы польского повстанца. Это полностью подтверждают также все изменения, внесенные Толстым в текст пятнадцати редакций и двух корректур (подробнее см.: [13. С. 94–133; 311–321]. Стремясь придать своеобразный польский *couleur locale*, он ввел в свое произведение польские фамилии и имена, а также слова, выражения, поговорки и целые польские обороты, придавая им соответствующую художественную функцию. Чтобы избежать ошибок, Маковицкий по просьбе Толстого послал корректуру Бодуэну для проверки этого материала. Благодаря этому все полонизмы в "За что?" абсолютно корректны.

В Ясной Поляне не раз велись беседы о Бодуэне де Куртенэ. 24 марта 1905 г. Маковицкий записал: "Вечером, после чая Лев Николаевич расспрашивал меня о Бодуэне де Куртенэ, что это за человек... Я рассказал ему, как Бодуэн де Куртенэ, которого спросили, сколько он платит за квартиру, не желая ничего утаивать, сказал правду, после чего имел большие неприятности с домовладельцами³. – Такая деталь очень хорошо характеризует человека, – ответил Толстой. Я добавил еще, что Бодуэн де Куртенэ не питает никакой ненависти к России" [8. Кн. I. С. 222].

Д. Маковицкий, словак и славянин, исключительно высоко ценил труды Бодуэна де Куртенэ-слависта и его воззрения на славянский мир и сосуществование славян между собой и с другими народами. Он был лично благодарен ученому за защиту словаков, их языка и литературы от мадьяризации в австро-венгерской монархии. Очевидно благодаря Маковицкому, в яснополянской библиотеке Толстого – кроме брошюры "Одно из проявлений оппортунистско-лояльной нравственности" – нашлись также две другие книги Бодуэна де Куртенэ на польском языке [15; 5].

Проблематика, интересовавшая Бодуэна де Куртенэ неоднократно привлекала внимание обитателей Ясной Поляны. Так, например, 5 марта 1906 г. Толстой ссылается на статью Бодуэна "Пытки в Варшаве (Успокоительный режим Витте-Дурново)", напечатанную 2 марта того же года в газете "Русь" (№ 44), где приводится письмо человека, прошедшего через пытки в комиссариате варшавской полиции. Толстой, однако, заметил, что в этом письме есть преувеличения [8. Кн. II. С. 68]. В то же

³ Речь идет здесь о краковской традиции: домовладельцы вносили в налоговые книги гораздо меньшие суммы, чем составляла реальная квартплата, причем не только не стыдились этого, но даже считали патристическим поступком по отношению к австрийским муниципальным властям. Возмущенный этим Бодуэн де Куртенэ написал и издал за собственный счет брошюру под названием "Одно из проявлений оппортунистско-лояльной нравственности" [4], в которой выразил свой гнев и возмущение двуличностью краковских мещан, что, в свою очередь, вызвало негативную реакцию тогдашнего общественного мнения в Кракове. Брошюру прочитал и детально изложил Толстому Маковицкий.

время, писателю очень понравилась брошюра Бодуэна под названием "Проект основных положений для решения польского вопроса", изданная в Санкт-Петербурге в начале 1906 г. Толстой прочитал ее в июне 1906 г. В беседе с Маковицким писатель одобрил концепцию решения спорных пограничных вопросов. Толстой соглашался с Бодуэном де Куртенэ, что не следует выдвигать вопрос о пограничных территориях как первоестественную проблему и условие – сначала следует установить автономию, а затем жители отдельных округов сами решат, к какому государству относиться – России или Польше. В целом, Толстой считал эту книгу "очень разумной, но материалистической по тону" [8. Кн. II. С. 156].

О том, как высоко ценил Бодуэна Л. Толстой, свидетельствует и такой факт: когда П. Сергеенко, друг писателя, готовил в 1908 г. международный альманах в честь восьмидесятилетнего юбилея автора "Войны и мира", Толстой указал в качестве наиболее подходящих авторов среди поляков М. Здоховского и Бодуэна де Куртенэ. Предложение Толстого Сергеенко передал Бодуэну де Куртенэ в письме от 25 апреля 1908 г. [16]. Адресат принял его с большим удовлетворением и предложил следующую тему: "Лев Толстой и смертная казнь". Отвечая 15/28 мая 1908 г., он, в частности, пишет: «Я хотел бы сосредоточить внимание на отношении Л[ьва] Н[иколаев]ича к заповеди "не убий" и "смертной казни". При этом мне бы хотелось выразить свой собственный взгляд на смертную казнь» [17]. Эта тема была им глубоко и всесторонне обдумана. Она вытекала из прекрасного знания принципов толстовства.

Во взглядах Толстого и Бодуэна де Куртенэ на жизнь и человека, общество и цивилизацию, нравственность и политику, государство и патриотизм, войну и мир, национализм и шовинизм было много общего и родственного, хотя они исходили из разных, иногда противоположных, мировоззренческих позиций. Толстой опирался на собственную религиозно-этическую доктрину [18. С. 113–126], Бодуэн де Куртенэ – на гуманистические, просвещенческие, рационалистические, научно-атеистические принципы и общечеловеческие ценности [19]. Особенно импонировала Бодуэну аргументация Толстого, построенная на отрицаниях: не убивай, не присягай, не служи в армии, не участвуй в войне, восстаниях, террористических актах, революции, не желай слишком многого, не причиняй зла, не плати налогов, не выполняй поручений властей и т.д.

Не убий никого, не должно убивать никого – тот кардинальный принцип толстовства, который обусловил необычайно резкие выступления писателя против воинской обязанности, любых войн, восстаний, революционного террора, покушений, убийств, государственного патриотизма, отождествляемого с национализмом и шовинизмом, религиозного фанатизма – как явлений, ведущих к страшному кровопролитию и бесчисленным человеческим жертвам. Разоблачительная позиция писателя по отношению к таким бы то ни было государственным институтам, войнам и смертной казни, а также его беспощадная критика царизма, милитаризма, вооружения, патриотизма, официальной Церкви, судебного аппарата, администрации, частной собственности и всякого рода несправедливости выразилась в особенно полемической форме, в частности, в рассказе-памфлете "Николай Палкин" (1884–1887), в романе "Воскресение" (1889–1899), в рассказах "После бала" (1903 г., изд. в 1911 г.) и "За что?" (1906), а также в необычайно резком публицистическом выступлении "Не могу молчать!" (1908), направленном против смертной казни и решительно осуждающем царские репрессии.

Подобные суждения высказывал и Бодуэн де Куртенэ. Эту мысль вполне подтверждают его изданные Ягеллонским университетом в 1898 г. "Неоопportunистические мысли" – 135 афоризмов и сентенций. Они явно перекликаются со взглядами Толстого. Для примера приведу наиболее характерные максимы (цит. по: [20. С. 60–80]):

«14. Постоянным и неиссякающим источником деморализации является оппортунистическое толкование десяти заповедей.

25. Оправдание войн и разделов какой бы то ни было "идейностью", каким бы то ни было стремлением к надуманному "добру" и т.д. стоит в одном ряду с увертками

всяких "сверхлюдей", всяких "мыслителей", "философов" и "пророков", которые, ради оправдания своих капризов и прихотей, своего произвола и своей чувственной раслушечности вводят понятие "нагой души" вместе с целым набором фразочек и красивых слов о всемогуществе "любви", "прогнесе души" и т.д. И то, и другое является сознательной ложью или же наивным самообманом. Гораздо честнее и естественнее сказать прямо: "Воюю, потому что желаю захватить, потому что ощущаю в душе кровожадность, потому что я потомок людоедов и разбойников", "Иду на войну, потому что трус и боюсь или наказания за дезертирство, или же общественного мнения".

26. Для поддержания авторитета в глазах толпы необходимы сказки, ложь и словесное жонглерство.

42. Толпа превозносит того, кто воплощает варварство эпохи. Наполеон I воплощал авантюрное и разрушительное варварство конца прошлого и начала этого столетия. Бисмарк же – организованное варварство нашей эпохи.

67. *Не убий*: ни отдельного человека, ни общество; ни народ, ни расу; ни жизнь, ни счастье; ни тело, ни мысль; ни благополучие, ни идеалы. **Не убий**: ни нелегально, ни легально, ни "недостойно", ни "достойно", ни тайком, ни при всем параде – под звуки фанфар и барабанов.

72. Государственный строй слишком часто приводит к демонстрации, расслаблению, уничтожению и вообще несчастьям общества.

77. Политика – смрадная клоака: попавшая туда не может не замараться. Занятия политикой притупляют чувство справедливости. Политика и честность – понятия взаимоисключающие.

92. Нравственные "заповеди" имеют риторическое значение. Впрочем, мало кто беспокоится об этом. С одной стороны, они решительно заявляют – в пространство – "не убий", и одновременно, под угрозой расстрела или же, как минимум, тюрьмы, повторяют бедным: "по команде убивай, не моргнув глазом, даже собственных родителей".

94. Применение "смертной казни" глубоко коренится во все еще не угасших кровожадных инстинктах господ законодателей и судей, а также зрителей и читателей. Ссылки при этом на "справедливость" – лишь увертка и втирание очков.

118. И школа, и пресса, и Церковь, и общественно-государственные институты – все они прививают ненависть к другим людям, а о любви и прощении – говорят лишь ради приличия».

Некоторые наиболее выразительные мысли и сентенции Бодуэн включил в качестве "афоризмов и отрывков для чтения и перевода с польского на русский" в свой учебник польского языка для русских [21. С. 81–85].

Бодуэн особенно ценил отношение Льва Толстого к патриотизму. И здесь также писатель опирался на предпосылки христианской любви к ближнему, ученый же – на общечеловеческие аксиологические ценности. Бодуэн решительно отрицал само понятие патриотизма. Он подчеркивал, что не является ни "патриотом" в кавычках, ни патриотом без кавычек. Свою точку зрения он аргументировал следующим образом: «"Патриотизм" дурно пахнет и пропагандирует закон кулака, разбоя и крови, паленого мяса, волчьих ям и преступлений, политых трагическими слезами матерей, вдов и сирот, приводит к уничтожению культурных ценностей, упадку нравственности. Одновременно "патриотизм" является весьма прибыльным делом, не зря же в последние годы появилась фраза: "Не всякий патриот – каналья, но всякая каналья – патриот"» [22. С. 36]. В свете вышеизложенных фактов становится совершенно ясно, что свой долг по отношению к Толстому и П. Сергеенко Бодуэн старался выполнить наилучшим образом и с ощущением исключительной ответственности. Поэтому он чрезвычайно интенсивно работал над этой статьей, пользуясь обширной литературой. В результате набросок превратился в большое исследование.

П. Сергеенко, хотя и очень хвалил статью, печатать ее отказался, сославшись на нарушение сроков и превышение объема. Мне представляется, однако, что решающую

роль сыграли слишком резкие высказывания и формулировки Бодуэна, неприемлемые, с точки зрения Сергеенко, для цензуры. Ее вмешательство могло бы привести к задержке, изъятию статьи, а в результате – к значительному запозданию выхода в свет целого сборника. Этого он прежде всего и опасался. Поэтому он обратился к московскому адвокату И. Сахарову, издавшему два сборника статей против смертной казни. Между ними завязалась переписка, и работа Бодуэна должна была появиться в третьем томе, но из-за отсутствия спонсора книга так и не была издана⁴ [23].

Об этих перипетиях Бодуэн де Куртенэ рассказывал своему близкому чешскому другу, А. Черному – поэту, переводчику, публицисту и издателю прекрасного чешского журнала "Slovanský Přehled". В письме от 27 мая 1908 г. он сообщает: "Меня приглашают принять участие в Альманахе Л.Н. Толстого" [7. S. 165]. Однако 24 октября того же года, он пишет Черному: "По просьбе Сергеенко (П.А. Сергеенко) я написал для "Альманаха" в честь Л.Н. Толстого большую статью "Л.Н. Толстой и смертная казнь". К сожалению, статья не может быть напечатана, так как: 1) я опоздал, 2) статья для альманаха слишком велика (от 2,5 до 3 листов), 3) появились опасения цензурного толка (статья написана смело и открыто). Статья эта очень понравилась и Сергеенко, и другим, но все боятся конфискации в случае ее опубликования. Нельзя ли ее опубликовать в Праге или где-то еще за границей? Мне бы непременно хотелось издать ее в русском оригинале. Не могли бы Вы мне что-то посоветовать? Жаль трудов, двух недель потраченного времени – ведь мне пришлось знакомиться со специальной литературой. Сам предмет исследования, смертную казнь, я трактую там всесторонне и *con amore*"⁵ [7. S. 167].

Мои поиски данной статьи в чешских журналах и архивах не принесли ожидаемого результата. Однако важная информация содержится в архиве В.В. Водовозова (1864–1933), известного в свое время публициста и общественного деятеля, эмигранта с 1922 г. Именно из этого архива Ф.П. Федоров получил материалы, касающиеся празднования восьмидесятилетнего юбилея Льва Толстого в России в 1908 г., которые и опубликовал в книге "К 80-летию со дня рождения Л.Н. Толстого" [24. С. 301–317]. В соответствии с решением Первого Всероссийского Съезда представителей прессы, состоявшегося в Петербурге 21–25 июня 1908 г. и вошедшего в историю как Толстовский Съезд, была утверждена программа юбилейных мероприятий. В частности речь шла об издании посвященного писателю сборника. Соответствующие материалы предлагалось присылать на адрес петербургской газеты "Слово". Издание книги, однако, не состоялось, а полученные материалы оказались в архиве Водовозова. И там, рядом со статьями и набросками А. Блока, А. Белого, Н. Бердяева, Е. Аничкова и чешского писателя А. Немеца, сохранились два текста Бодуэна де Куртенэ о Л. Толстом: "Отрывочные заметки о Л.Н. Толстом" и "Неизвестный Толстой" [24. С. 313–317].

"Отрывочные заметки о Льве Толстом" Бодуэн де Куртенэ прислал в Комитет Съезда представителей российской прессы 12 (25) сентября 1908 г., но уже на следующий день после возврата Сергеенко статьи "Лев Толстой и смертная казнь" ученый выбрал из вступления сравнительно целостный отрывок, который, по его мнению, не мог вызвать никаких цензурных осложнений и послал в Комитет Съезда. На основании этих фрагментов мы можем восстановить смысл, содержание и направление размышлений Бодуэна о Льве Толстом.

"Отрывочные заметки о Льве Толстом" [24. С. 313–315] Бодуэн начинает ссылкой на мнение одного из величайших математиков-физиков (фамилии он не указывает), назвавшего писателя человеком с точным математическим складом ума. Бодуэн, однако, считал, что слово "математический" следует заменить определением "логиче-

⁴ Автор статьи намеревается в ближайшее время опубликовать корреспонденцию Бодуэна де Куртенэ с Сахаровым *in extenso* со своим вступлением и необходимыми комментариями.

⁵ Здесь я исправляю ошибку издателя "Писем Я. Бодуэна де Куртенэ", Теодора Бешты, ошибочно прочитавшего в рукописи фамилию редактора Международного Толстовского Альманаха Петра Александровича Сергеенко как Т.А. Сидоренко.

ский", т.е. *исключительно логический, односторонне логический*, не учитывающий реальных условий при рассмотрении практических вопросов. При огромной силе логического мышления ему чужды историческая перспектива, понимание эволюции, т.е. постепенного развития и превращения одних форм в другие. Он настаивает на немедленной реализации нравственных идеалов, насколько не считаясь ни с человеческой природой, ни с экономическими условиями жизни, ни со сложившейся общественной и государственной структурой. Затем Бодуэн замечает, что эволюционист – будь то исследователь, практик или деятель – учитывает непреодолимые высшие силы (*force majeure*) и неизбежное зло (*mala necessaria*), трактуемые как тормозящие прогресс мощные силы. Именно с ними следует бороться, однако борьбу вести таким образом, чтобы в результате была достигнута победа. Прежде всего надо стремиться к тому, чтобы ограничить действие этих сил и создать для прогресса необходимые условия, шаг за шагом занимая и укрепляя отдельные позиции. В то же время, по Бодуэну, для реформатора типа Л. Толстого достигнутое *sic voto sic jubeo* (так я хочу, так приказываю) стоит выше сознания и логики эволюциониста.

Логика Толстого – вопреки видимости – логика чисто революционная. Она напоминает стиль мышления вождей французской революции, закрывавших глаза на реальность, т.е. на физиологическую и психическую природу человека. Толстой игнорирует организованное человеческое общежитие. Он сосредоточен прежде всего на личности и ее нравственном совершенствовании. Однако идеалы нравственного самосовершенствования фатальным образом ведут к аскетизму, к отрицанию общности и опираются на чисто эгоистические побуждения. Толстой знает лишь своего Бога и человека. Но его специфический Бог, лишенный традиционных религиозных атрибутов, сведенный к бессилию, не способен воздействовать на людей, которые после смерти опасаются наказания и ожидают награды. В то же время, для тех, кто освободился от торгашеской нравственности и действует в соответствии с велением собственной совести, Бог совершенно бесполезен, бессодержателен и архаичен. Его следует, по мнению Бодуэна, заменить понятием общности и общественной солидарности. В душах нравственно не испорченных людей есть ресурсы для формирования понимания жизни и мировоззрения, опирающегося на связь личности не с Богом, но с общностью. Именно эти зачатки возможно развить при умелой заботе о нравственном воспитании человека.

Затем Бодуэн рисует свой идеал общества, в котором нет места ни традиционной религии, ни толстовскому Богу. Человеческое сообщество и отдельные личности, повинующиеся собственному эгоизму, должны постепенно преобразиться и сформировать общество сознательных индивидуумов – с одной стороны, отличающихся чувством собственного достоинства, с другой же, связанных чувством общественной солидарности, обусловленной общими практическими интересами в высшем значении этого слова. Бодуэн предлагает установить и внедрять в жизнь принцип "воздайте богам Богу, а кесарево Кесарю" [24. С. 314–315].

Толстовская религиозно-этическая доктрина страдала, с точки зрения Бодуэна де Куртенэ, целым рядом непосредственностей, слишком революционна, чтобы быть понятой и принятой традиционным обществом, не учитывала возможности эволюционного введения новых принципов и понятий, и поэтому с самого начала – несмотря на благородство заключенных в ней идеалов – обречена на поражение.

В то же время Бодуэн, горячий поклонник и последователь свободы мысли и совести, исходя из предпосылок чисто рационалистических, видел возможности эволюционного обновления и модернизации человеческой жизни через реализацию концепции открытого общества. Одновременно он солидаризировался со многими выводами Толстого, касающимися негативных явлений современной ему общественной жизни. Он подчеркивал, что может почти без оговорок подписаться под всеми словами писателя о патриотизме, смертной казни и вообще о всех легальных и нелегальных убийствах. Эти проблемы подробно разъяснились в работе Бодуэна "Лев Толстой и смертная казнь". О направлении его мысли мы можем судить хотя бы

на основании сохранившегося фрагмента «Из введения к ненапечатанной статье "Л.Н. Толстой и смертная казнь"»⁶ [24. С. 315–317]. Прежде всего Бодуэн подчеркивает, что проблемы, затрагивавшиеся и анализировавшиеся Толстым можно сгруппировать следующим образом: 1) религия и религиозное чувство; 2) смертная казнь и в целом принцип "не убий"; 3) сексуальная этика; 4) патриотизм; 5) государство и государственность.

Бодуэн де Куртенэ отмечает, что в области религии и религиозности он идет значительно дальше Толстого, поскольку отрицает любое божественное воплощение или персонафикацию, любую вземную божественность. Идеалом дальнейшего развития общества должно стать освобождение человеческой души от всякого рода идиологов, а благородные этические идеи должны основываться не на связи с божественностью, но на чисто логической аргументации и осознании необходимости общечеловеческой солидарности в борьбе с природой человека – как физической, так и психической.

В том, что касается сексуальной этики, ученый, в основном, соглашается с высказанными в романах "Крейцера соната" и "Воскресение" воззрениями Толстого на проблему облагораживания человеческих отношений в этой области. Однако некоторые высказывания русского писателя, содержащиеся в его публицистике, представляются Бодуэну чрезвычайно односторонними, ведут к излишней суровости, аскетизму и невыполнимым требованиям.

В медицине, педагогике и публицистике не следует, – подчеркивает ученый, – сводить сложную сексуальную жизнь к общему знаменателю. Напротив, следует непременно учитывать индивидуальность каждого пациента и воспитанника. Конечно, обязательный минимум должен существовать для всех без исключения. Речь идет здесь о выполнении определенных нравственных норм. В основе должно лежать осуждение любого насилия, лжи, эксплуатации человека человеком и одновременно защита человеческого достоинства. Завершая свои размышления на эту тему, Бодуэн сетует, что свободное самоопределение в этой области, к несчастью, всегда будет зависеть от неударжимых инстинктов человеческой природы, с одной стороны, и экономических условий бытия и неизбежного подчинения одних людей другими, с другой.

Затем Бодуэн представил свою позицию по вопросу государства и государственности, сравнивая ее с толстовской. Ученый подчеркнул при этом, что его подход не так радикален, как автора "Воскресения". Государство Бодуэн трактует как неминуемое зло и хочет лишь свести его к неизбежному минимуму. Он отметил также, что полная ликвидация государственности – о какой мечтает Толстой – возможна лишь тогда, когда люди станут исключительно порядочны, честны и добросовестны и никогда не будут стремиться подчинить себе и эксплуатировать другого. Однако это идеал абсолютно неосуществимый. Подчеркивая, что питает большие сомнения по поводу возможности подобного рая, Бодуэн вновь ссылается на современное положение в мире и с этих позиций определяет задачи и обязанности человека: «Естественно, существуют разные типы государственности – сходные, противоположные и взаимоисключающие. Сегодняшней агрессивной, губительной и деструктивной "патриотической" государственности должны объявить войну все порядочные люди, искренне стремящиеся к совершенствованию доли и счастью членов человеческого сообщества. Единственно возможная и допустимая с нравственной точки зрения государственность должна быть сведена к таким рамкам и такой системе, которая могла бы накладывать на своих участников заранее оговоренные общественные обязательства» [24. С. 317]. Этот фрагмент заканчивается решительным утверждением: "Что касается двух основных проблем, то я – как мне кажется – абсолютно и безоговорочно согласен с Львом Толстым. Это вопросы патриотизма и смертной казни" [24. С. 317].

⁶ Отношение Бодуэна де Куртенэ ко взглядам Л. Толстого на проблему смертной казни стало предметом моего доклада на научной конференции в 1997 г. в Калининградском университете [25. С. 49–50].

Суммируя сказанное, я хотел бы еще раз подчеркнуть, что Бодуэн де Куртенэ, внимательно следя за российской научной и культурной жизнью, событиями в России и в мире, обратил особое внимание на значение и роль Льва Толстого в российской и международной интеллектуальной и общественной жизни. Особенно высоко он ценил его пацифизм, а также смелое и последовательное срывание масок, резкую критику государства, всякого рода милитаризма, вооружения, войн, судебного аппарата, смертной казни, официального христианства и патриотизма, несправедливости в любых ее формах и проявлениях. Понимание, уважение и благодарность ученого вызывали также высокие гуманистические идеалы, провозглашаемые Толстым. Этическая позиция и общественно-политические взгляды Бодуэна де Куртенэ и Льва Толстого – несмотря на различные предпосылки и естественные отличия – во многом перекликаются, особенно если говорить об активном интересе ученого и писателя к ключевым проблемам эпохи и вопросам повседневности.

Перевод И. АДЕЛЬГЕЙМ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ulaszyn H.* Jan Baudouin de Courtenay. Charakterystyka ogólna uczonego i człowieka (1845–1929). Poznań, 1934.
2. *Baudouin de Courtenay J.N.* Dzieła wybrane. Warszawa, 1974. Т. I.
3. *Baudouin de Courtenay J.* Puszkina w Krakowie // Dziennik Poznański. 24 czerwca 1899. № 142.
4. *Białokozowicz B.* Jan Baudouin de Courtenay o Puszkynie // Slavia Orientalis, r. XXIX. Warszawa, 1980. № 3; *Białokozowicz B.* Jan Baudouin de Courtenay o Dostojewskim // Slavia Orientalis, r. XXIX, Warszawa, 1980. № 1–2; *Białokozowicz B.* Jan Baudouin de Courtenay wódec literatury rosyjskiej // Przegląd Rusycystyczny, r. III. Warszawa-Łódź, 1980, z. 3 (11); *Białokozowicz B.* I.A. Boduen de Kurtiene i russkaja literatura // Zeitschrift für Slawistik, B. XXVIII. Berlin, 1983, H. 6; *Białokozowicz B.* Jan Baudouin de Courtenay o literaturze rosyjskiej // Jan Nieciśław Baudouin de Courtenay a lingwistyka światowa. Materiały z konferencji międzynarodowej (Warszawa, 4–7 IX 1979). Wrocław, 1989.
5. *Baudouin de Courtenay J.* O zjeździe slawistów i o panslawizmie "platonicznym". Dwa odczyty wygłoszone w Krakowie 16–18 czerwca 1903 roku na korzyść Towarzystwa Pomocy Naukowej dla Polek im. J. Kraszewskiego. Kraków, 1903.
6. *Białokozowicz B.* Wokół Lwa Tołstoja. Korespondencja z Włodzimierzem Czertkowem i jego wydawnictwem "Swobodnoje Słowo" // Slavia Orientalis, r. XXXI. Warszawa, 1982. № 1/2.
7. *Baudouin de Courtenay J.* Listy do Adolfa Černego. Wrocław, 1972.
8. *Маковицкий Д.П.* Яснополянские записки. У Толстого (1904–1910) // Литературное наследие. М., 1979. Т. 90. Кн. I (1904–1905), 533 с.; кн. II (1906–1907), 668 с.; кн. III (1908–1909), 512 с.; кн. IV (1909–1910), 486 с.
9. *Dembiński H.* Memoires sur la campagne de Lithuanie. Strasburg, 1832.
10. *Кораблев В.Н.* Лев Толстой и славянство // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934.
11. *Гусев Н.Н., Гусева В.Д.* За что? Л. Толстого // Л.Н. Толстой. ПСС. Юбилейное издание, серия первая: произведения. М., 1957. Т. 42.
12. *Фельтен Н.Е.* Воспоминания о Л.Н. Толстом (1901–1910) // Летопись Государственного Литературного Музея. М., 1948. Т. 2. Кн. 12.
13. *Białokozowicz B.* Lwa Tołstoja związki z Polska. Książka i Wiedza. Warszawa, 1966.
14. *Baudouin de Courtenay J.* Jaden z objawow moralności oportunistyczno-prawomyslniej. Kraków, 1898.
15. *Baudouin de Courtenay J.* Kwestia alfabetu litewskiego w państwie rosyjskim i jej rozwiązanie. Kraków, 1904.
16. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Ф. 102. Оп. 2. Д. 280.
17. Архив Государственного музея Льва Толстого в Москве. Шифр 65790.

18. *Białokozowicz B.* Tołstoizm jako doktryna religijno-etyczna // *Zeszyty Naukowe WSP w Olsztynie*. № 11 – Prace Filozoficzne. Z. II. Olsztyn, 1998.
19. *Kurkowska H.* Postawa etyczna Jana Baudouina de Courtenay jako uczonego; *Rothstein R.A.* Jednostka ludzka jako motyw przewodni twórczości Jana Baudouina de Courtenay; *Kulczycka-Saloni J.* Poglądy polityczne i społeczne Baudouina de Courtenay // *Jan Nieciśław Baudouin de Courtenay a lingwistyka światowa*. Wrocław, 1989; *Falkowicz S.* Udział Jana Nieciśława Baudouina de Courtenay w życiu społeczno-politycznym Rosji na początku XX wieku // *Działalność naukowa, dydaktyczna i społeczno-polityczna Jana Nieciśława Baudouina de Courtenay w Rosji*. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1991.
20. *Baudouin de Courtenay J.H.* Dzieła wybrane. PWN, Warszawa, 1983. T. VI.
21. Польский язык сравнительно с русским и древне-церковно-славянским. Пособие для практических занятий по "сравнительной грамматике славянских языков" и для самообучения. СПб., 1912.
22. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* "Украинский вопрос" с вненациональной точки зрения. (По поводу анкет "Украинской Жизни"). М., 1913, № 7/8.
23. РГАЛИ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 7; ПФ АРАН. Ф. 102. Оп. 2. Д. 277.
24. Неизвестный Толстой. В архивах России и США. Рукописи, письма, воспоминания, наблюдения, версии. Со 108 фотографиями / Сост. и ред. И.Ш. Бурисова. М., 1994.
25. *Белокозович Б. И.А.* Бодуэн де Куртенэ о взглядах Л.Н. Толстого на смертную казнь // XXVIII научная конференция профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов и студентов. Тезисы докладов, часть 7: Филологические науки. Калининград 1997.

От редколлегии

Базылий Бялокозович (р. 1932) – крупнейший современный польский исследователь русской и белорусской литератур, их связей с польской культурой; автор более четырехсот книг, брошюр, статей, очерков, рецензий, обзоров, посвященных вопросам развития русской, белорусской, украинской и литовской литератур, их связям с польской культурой, а также проблемам теории сравнительного изучения литератур и методологии литературных исследований. Работы польского ученого получили международную известность: многие из них публиковались в СССР и России (где он учился и в 1956 г. дебютировал на страницах "Ученых записок" Горьковского университета), Чехии, Словакии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Румынии, а также в Австрии, ФРГ, США и Финляндии. Б. Бялокозович является доктором honoris causa университетов в Санкт-Петербурге (1981) и Нижнем Новгороде (1995), награжден советским орденом "Знак Почета" (1984).

После окончания филологического и исторического факультетов Ленинградского университета по специальности "русская филология и история" Б. Бялокозович работал в Варшавском университете, в Институте славяноведения Польской академии наук (1973–1991), в 1978 г. получил звание профессора. В 1976–1986 гг. был вице-президентом Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, а в 1980-е годы был заместителем академика-секретаря Отделения общественных наук ПАН. Б. Бялокозович – основатель и главный редактор серии "Studia polono-slavica-orientalia", в 1975–1991 гг. – главный редактор журнала "Slavia Orientalis", член редсоветов и редколлегий многих других польских научных изданий. В настоящее время работает в Ольштинском университете, где основал серийное издание "Acta polono-rutenica". Значительна роль ученого в подготовке польских русистов: под его руководством было защищено более тридцати кандидатских диссертаций.

Из работ Б. Бялокозовича наиболее значимы монографии: "Связи Льва Толстого с Польшей" (1966); "Из истории взаимных польско-русских литературных связей в XIX веке" (1971);

"Мариан Здзеховский и Лев Толстой" (1995); "Николай Янчук (1859–1921). Подляшский перекресток славянских традиций" (1996); "Между Востоком и западом. Из истории формирования белорусского национального сознания" (1998). На русском языке Б. Бялокозовичем издана книга "Родственность, преемственность, современность. О польско-русских и польско-советских литературных связях" (1988) и опубликованы многочисленные статьи в научных изданиях ИСл РАН, ИМЛИ РАН, московского и нижегородского университетов, в серии "Литературное наследие", журналах "Вопросы литературы", "Славяноведение" и др.

Б. Бялокозович, который в январе 2002 г. встречает свое 70-летие, является в Польше послом русской литературы и культуры, неутомимым их исследователем и пропагандистом на протяжении нескольких десятков лет.

F. ČERNÝ. Premiéry bratří Čapků. Praha, 2000. 498 S.

Ф. ЧЕРНЫЙ. *Премьеры пьес братьев Чапек*

Достойным завершением чапекианы XX в. стала монография Франтишека Черного "Премьеры драм братьев Чапек". Ее автор – крупнейший чешский театровед, под редакцией которого в 1968–1983 гг. вышла фундаментальная четырехтомная "История чешского театра". Он является также видным знатоком и исследователем творчества Карела и Йозефа Чапек, возглавлявшим в 1990-е годы и Общество братьев Чапек, которое объединяет в Чехии многочисленных их почитателей и ведет большую работу по изучению и популяризации их духовного наследия.

Содержание книги Ф. Черного гораздо шире названия. Она равноценна, по сути, нескольким монографиям. Труд охватывает творческую историю всех драматических произведений братьев Чапек, как созданных по отдельности каждым из них, так и написанных совместно, историю первых постановок всех их пьес, анализ режиссуры, сценографии, подробные характеристики актерских коллективов, творческого воплощения образов действующих лиц. Широко освещена реакция общественности и критики на пьесы Чапек и спектакли по ним, представлены отклики в печати, оценки, дискуссии и споры вокруг них.

В книге охарактеризована собственная деятельность братьев Чапек в театре. Как известно, К. Чапек в течение двух лет служил завлитом в пражском театре На Виноградах, а также выступал в роли режиссера, поставив целый ряд пьес. Й. Чапек, бывший не только писателем, но и прежде всего живописцем и графиком, известен и как большой театральный художник, создавший оформление более пятидесяти спектаклей,

в том числе нескольких опер, включая оперу Л. Яначека по пьесе К. Чапека "Средство Макропулоса". Он был также автором множества театральных костюмов – по его эскизам их изготовлено более шестисот. Одной из задач дальнейшего освоения его художественного наследия автор монографии считает, в частности, издание этих эскизов отдельной книгой: "Это будет целая галерея, имеющая большую художественную ценность даже безотносительно к театру. Книга представит Й. Чапека как блестящего рисовальщика, очарованного людьми" (S. 274).

Изложение в монографии ведется в хронологическом порядке. Драммы рассматриваются в последовательности их возникновения, что позволяет проследить творческий путь авторов. Специальное внимание уделено последним шести годам жизни Й. Чапека: тогда он находился в гитлеровском концлагере, где и умер за несколько дней до окончания войны.

Труд Ф. Черного делает достоянием читателей огромный фактический материал, собиравшийся автором на протяжении полувека и в значительной части почерпнутый из малодоступных источников – периодической печати, театральных архивов, мемуаров, устных воспоминаний современников. Учена обширная отечественная и зарубежная литература. Книга проникнута ощущением глубокого гуманистического смысла всей деятельности братьев Чапек. Главную тему литературного творчества К. Чапека исследователь вообще определил образной формулой: "человек в осаде". Ситуация "человек в осаде" и в прямом смысле не раз встречается в произведениях К. Чапека, а в драме "R.U.R." и романе "Война с сала-

мандрама" в осаде оказывается уже и все человечество. (В той или иной мере это определение, наверное, можно отнести и к творчеству Й. Чапека.)

Во многом по-новому автор посмотрел на философский релятивизм К. Чапека, в котором писатель многократно признавался и сам (главным образом в 1920-е годы) и за который его столько раз упрекали как при жизни, так и позднее. Ф. Черный, напротив, считает неприязнь писателя к "абсолютизации идей" и идеологическому фанатизму положительным явлением: "К. Чапек признавал правоту разных позиций, так как был убежден, что плюрализм взглядов — одно из преимуществ в жизни человечества, которому угрожает опасность нивелировки и заавтоматизированности (представлений и поведения. — С.Н.), подверженности инстинкту стаи, толпы и массы... Подобная позиция писателя, если смотреть на нее с временной дистанции, предстает как провидческая, человеческая и достойная человека" (S. 70). В книге подчеркивается также, что релятивизм К. Чапека имеет свои границы и отстает им лишь до той черты, за которой он наталкивается "на очевидные проявления бесчеловечности" (S. 115).

Дифференциация сил добра и зла также достаточно ощутима в творчестве Чапек, по мнению Ф. Черного, не только во второй половине 1930-х годов, как иногда это считалось, но уже и в начале предшествующего десятилетия, хотя показ этих сил тогда как бы распределялся между разными произведениями. Если, например, по отношению к драме "R.U.R." К. Чапека можно говорить о преобладающем акценте на положительных началах и ценностях человеческого бытия, на раскрытии творчески-созидательного потенциала человечества, то в пьесе братьев "Из жизни насекомых", наоборот, на первый план выступает обличение его недугов и пороков. Однако автор не отрицает, что упомянутая оппозиция позднее обострилась и конкретизировалась. Это особенно заметно в романе К. Чапека "Война с саламандрами", пьесах "Белая болезнь" и "Мать", равно как в серии карикатур Й. Чапека "Диктаторские сапоги" и циклах его знаменитых живописных полотен конца 1930-х годов "Огонь" и "Тоска". Думается, что доля релятивизма в воззрениях К. Чапека вообще несколько уменьшилась после его обстоятельного знакомства с системой взглядов Т.Г. Масарика во время работы над книгой "Беседы с Т.Г. Масариком".

Глубокая встревоженность братьев Чапек жестокой и возрастающей конфликт-

ностью современного бытия, разгулом насилия и небывальными масштабами войн во многом и определяет характер их художественного творчества. Его главная отличительная черта — активная философско-нравственная реакция авторов на диссонансы и противоречия эпохи.

Наряду с кишной борьбой интересов в современных международных отношениях, наряду с несопадением темпов научно-технического прогресса и нравственного развития общества в поле зрения Чапек находилась и проблема эволюции и революции, цивилизационного прогресса и насилия. Две их драмы возникли как непосредственный отклик на носившуюся тогда в воздухе идею радикального преобразования мира и волевого броска в "золотой век". Многие грани этой проблематики были затронуты еще в пьесе Й. Чапека "Страна со многими названиями" (1923), наполненной грустно-иронической сатирой на современный мир, особенно на несправедливые социальные отношения в нем, и одновременно ностальгией по гуманистической мечте о лучшем и гармоничном мироустройстве, гибнущей в хаосе его противоречий. Высоко оценена в монографии антиутопия братьев Чапек "Адам-творец" (1927), в которой создан символически обобщенный образ крайне радикального реформатора-волонтериста, уничтожающего существующий мир, чтобы создать на его месте царство идеального миропорядка, и берущего на себя миссию Бога. Однако новая действительность оказывается лишь "репликой" прежней и столь же полна противоречий. «Прозвучавшая как очень раннее предостережение об опасности агрессивных реформационных доктрин комедия "Адам-творец" занимает весьма значительное место в истории европейской драматургии», — заключает автор монографии, отмечая одновременно, что Чапеки отнюдь не отрицали необходимости совершенствования бытия. Любопытно попутное наблюдение Ф. Черного, согласно которому популярный в драматургии начала XX в. образ ультра-радикального реформатора во второй половине столетия все чаще уступает место образу хранителя устоев и традиций.

Философские вопросы бытия, привлекавшие внимание Чапек, рассматриваются в монографии в неразрывной связи с анализом их поэтики. Особое значение в формировании художественной системы братьев Ф. Черный придает неприятию ими уже в начале творческого пути эмпирической, приземленной описательности. Равным образом Чапек не удовлетворяла, с одной стороны, психологическая драма, а с дру-

гой – декоративный стилизм эстетизированного искусства модерна. "Целью творчества писателя должна быть вещь, предмет, именуемый действительностью, а не литературное совершенство", – заострял свою мысль К. Чапек.

Структура и поэтика драм братьев Чапек во многом связаны с "пересозданием" образа действительности, с обращением к формам провокативного гротеска, к фантастике, к традициям комедии дель арте и художественным принципам, получившим выражение в искусстве экспрессионизма, с которым у Чапек вообщемного плоскостей соприкосновения, особенно в 1920-е годы. В основе каждой драмы Чапек, как показывает автор книги, лежит искусная идейная конструкция, каркасное интеллектуальное построение. При этом трансформация и смещение привычной картины жизни, например, с помощью интригующих научно-фантастических допущений, совершаются как раз во имя более глубокого ее постижения, чему и служит гиперболизация и заострение тех или иных жизненных явлений, проблем, философских вопросов. Условная конструкция в свою очередь обрастает плотью ярких образов, вобравших в себя и зоркость конкретных наблюдений, и богатство литературной культуры, что обеспечивает синтез многообразных художественных форм. В драмах К. Чапека 1930-х годов в орбиту синтеза сильнее вовлекается и реалистический элемент как таковой. Появляются и образы героев сложного психологического рисунка, отсутствовавшие раньше.

В книге Ф. Черного много ценного сказано о структуре образов персонажей в драматургии Чапек. Часто они создаются с акцентом на какой-либо одной доминирующей черте, в виде персонификации той или иной тенденции, существующей в нашем мире и важной в общей концепции драмы. Все это опять-таки коренится в склонности Чапек к философской обобщенности мышления, в их интересе к типологии явлений и одновременно в тяготении к художественной экспрессии.

Помимо общих моментов в монографии в должной мере выявляется и творческая индивидуальность обоих авторов. Представляется, в частности, очень важной и перспективной для дальнейших исследовательских разработок мысль о том, что в творчестве К. Чапека происходит сращение художественного и научного мышления. Как известно, еще в университетские годы он глубоко увлекался не только литературой и искусством, но и философией, и трудно

было тогда сказать, станет ли он писателем или академическим ученым-философом. К. Чапек даже написал несколько чисто философских исследований – брошюру об американском прагматизме и по сути целую книгу о предмете в методологии эстетики. Поднятый Ф. Черным вопрос о взаимодействии научного и художественного мышления у К. Чапека представляет большой интерес и для исследования чапековской прозы, где особую роль играют моделирование и классификация явлений, соединение абстрагирующей и систематизирующей логики с полетом образного воображения.

Затронут Ф. Черным вопрос о даре К. Чапека откликаться на самые острые проблемы, на конкретные процессы и события своего времени (пьесы "Белая болезнь", "Мать", роман "Война с саламандрами"), не превращая в то же время своих произведений в злободневные "агитки". Между прочим, в русской литературе не что подобное наблюдается в творчестве М. Булгакова, где также немало аллюзий на реальные события и известных деятелей, но вместе с тем не нарушается многогранность и широта образов, благодаря чему актуальная конкретика оказывается в богатом философском контексте.

В творчестве Й. Чапека, как показано в книге, с особой силой проявилось искусство лаконизма, способность достигать художественного эффекта минимальными средствами, что придает его графике, живописи, сценографическим решениям повышенную выразительность. Все это находится в определенной связи не только со стремлением схватить суть изображаемого, но и с интересом художника к искусству примитива, к природе искусства первобытных народов, аборигенов Африки и других частей света, которому он посвятил и свои известные исследовательские книги. Еще до Й. Трнки Й. Чапек обратил также внимание на художественные возможности кукольной стилизации фигур действующих лиц, что оригинально сочеталось у него с экспрессионистской (а одно время и кубистической) манерой изображения. Сценографическое искусство Й. Чапека вобрало также в себя как был в "опрошенном" виде и реалистическое начало в соединении с проникновенной поэтической одухотворенностью и волшебством сказки.

Чрезвычайно интересны приводимые в книге Ф. Черного высказывания братьев Чапек о театральном искусстве, о функции каждого участника сценического воплощения пьесы. Так, о миссии режиссера К. Чапек писал, что он "...работает в со-

дружестве с авторским текстом, как можно полнее и точнее переводя его на язык сценических средств, ...играет вместе с каждым актером его роль, включая его индивидуальность (по возможности в полном и ненарушенном виде) в контекст и композицию драмы, ...сотрудничает со зрителем, замещая его слух и зрение, его восприятие. Режиссер – это автор, подпись которого не стоит под текстом, это главный актер, которого вы не видите, это первый зритель и критик спектакля, но зритель, который вмешивается в него от имени всех остальных" (S. 228). В другом случае К. Чапек выразил свое представление о роли режиссера в афористической форме: "Режиссер должен быть всюду в спектакле, но невидимо, как господин Бог" (S. 192). Читателя книги Ф. Черного привлекут и сведения о режиссерской практике обоих братьев – вплоть до живых воспоминаний очевидцев о реальных эпизодах и случаях, иногда довольно забавных, вроде рассказа о том, как К. Чапек просил актера показать, как он сыграл бы ноги грустных, веселые, нерешительные, эксцентричные (S. 194–196). Отдельная глава книги носит название "Народный театр Карела Чапека" и содержит изложение концептуальных мыслей К. Чапека о таком театре. Он мечтал о широком привлечении в зрительный зал рядовых зрителей, которых он предпочитал эстетизированной элите, о соответствующем репертуаре и характере эмоционального воздействия на зрительскую массу, о нравственных основах театрального искусства и т.д.

Подкупает искусствоведческая многоаспектность книги Ф. Черного. Автор с равным профессионализмом анализирует все виды искусства, синтезом которых является театр. Демонстрируется и сам "механизм" этого синтеза и то новое качество, которое возникает как его результат. Драмы братьев Чапек, энергию которых часто питают увлекательные идеи, неожиданное развитие мысли и самой интриги, сразу же вызвали повышенный интерес режиссеров, сценаристов, актеров, стимулировали активные творческие поиски, обращение к разнообразным художественным средствам и их оригинальным сочетаниям. С особой наглядностью это показано на примере пьесы Чапеков "Из жизни насекомых" (она была поставлена практически одновременно в нескольких театрах). Персонажи этой комедии – антропоморфизированные насекомые, благодаря чему как бы сливается изображение повадок насекомых и поведения людей, и ассоциации зрителя все время

колеблются между тем и другим. Возникают метафорические образы жуков-скопидомов, легкомысленных мотыльков, воинственных муравьев, хищных ос и т.д. Пьеса анализируется как моралите и демонстрация "человеческой комедии" (интересна попутная аналогия с "Лабиринтом света и раем сердца" Я.А. Коменского), как социальная сатира. Показаны экспрессионистские акценты в образах персонажей, элементы стилизации художественного оформления спектакля в духе наивного искусства и детских рисунков. В книге говорится и о феерии красок, об использовании поэтики балета и пантомимы, средств кино и театра теней, оригинальных акустических эффектов. В постановке Г.К. Гилара в Национальном театре (в качестве сценографа выступал Й. Чапек) сцена то напоминала сад (имитация стеблей, побегов, цветущих растений) и одновременно бар (тема флиртующих бабочек), то превращалась в картину мрачных муравейников, стилизованных под стандартизированный город и обиталище безликих жителей-автоматов. В униформах муравьев-воинов и внешности диктаторов угадывались намеки на германский милитаризм. Аналогичным образом, во всех их слагаемых анализируются постановки каждой драмы Чапек.

Читатель получает едва ли не исчерпывающее представление о работе над драматургией братьев Чапек, выдающихся чешских режиссеров Г.К. Гилара, Я. Квапила, Б. Стейскала, замечательных сценографов – особенно В. Гофмана и самого Й. Чапека, знаменитых актеров – М. Гюбнеровой, Л. Досталовой, Е. Врхлицкой, Р. Дейла, В. Выдры, Б. Карена, Э. Басса, Г. Гааса, Г. Штепанека и многих других. Для более полного обзора всех искусствоведческих аспектов книги Ф. Черного понадобилось бы, наверное, несколько специальных статей.

При столь широком и разностороннем охвате предмета исследования и материалов, относящихся к нему, естественно, не возникает вопроса о каких-либо упущениях. Пожалуй, единственно, что могло бы быть представлено несколько шире – это соотношение драматургии братьев Чапек с их прозаическим творчеством, ибо очень многое эти сферы объединяет. Их роднит и интерес авторов к макропроцессам бытия, и функция научно-фантастических посылок, и построение произведений или же блоков по принципу тропа, и синтез структурообразующих принципов различных жанров и, наконец, сама лейтмотивная для их творчества философская оппозиция человека и псевдочеловека.

Ценным дополнением исследования Ф. Черного стал богатейший иллюстративный материал. В книге более двухсот тридцати со вкусом подобранных и прекрасно воспроизведенных иллюстраций. Многие из них цветные. Издание отличается высокая полиграфическая культура. Монография Ф. Черного – существенный шаг вперед

в исследовании творчества братьев Чапеков, в сведении воедино, синтезе и обогащении существующих знаний о них, а также прекрасный подарок читателям XXI в., интересующимся чешской и мировой художественной культурой, литературой, театром.

© 2001 г. С.В. Никольский

Славяноведение, № 6

J. ADAMOWSKI. Kategorie przestrzeni w folklorze. Studium etnolingwistyczne. Lublin, 1999.

Я. АДАМОВСКИЙ. Категория пространства в фольклоре. Этнолингвистическое исследование

Среди новейших исследований, посвященных пространству как одной из главных (наряду со временем) антропологических категорий [1; 2; 3], книга Я. Адамовского занимает особое место. В ней анализируется семантика и семиотика пространства в языке польской народной культуры на материале лексики, фразеологии, паремологии и фольклорных текстов различных жанров. Будучи одним из авторов "Словаря народных стереотипов и символов" [4], Я. Адамовский пользуется подходом и методикой, разработанными в люблинской этнолингвистической школе [5. С. 47–59; 6. С. 57–59]. Структура книги отражает основные параметры пространства и манифестирующие их концепты в вертикальной и горизонтальной перспективе (гора – долина, низина, пещера; суша, материк и линии, разграничивающие и соединяющие их части, – межа, путь, дорога). Хотя каждая культура структурирует и осмысляет пространство по-своему, существуют универсальные способы языковой и культурной категоризации пространства, основанные на таких оппозициях, как центр–периферия, верх–низ, правое–левое, близкое–далекое и др. Для народной традиции характерна семантизация, символизация и сакрализация локусов и направлений, антропоморфизм пространственных представлений, а также постоянно присутствующая "оценка" пространства в категориях своего и чужого, сакрального и профанного, опасного и безопасного и т.п.

Книга состоит из 12 разделов: 1. Освоение, структура и культурно-языковые параметры пространства; 2. Этноязыковой "портрет" земли, суши, материка (*ład*) в польской народной культуре; 3. Гора (*góra*) – святое и "нечистое" место; 4. Долина (*dolina*) – пространство жизни, любви и смерти; 5. Ров, яма (*dół*) в народной картине мира (происхождение и локативность); 6. Культурный стереотип и символика пещеры (*jaskinia*); 7. Культурные функции межи (*miedza*); 8. Дорога (*gościńiec*) как посредник между "своими" и "чужими"; 9. Местные названия Люблинщины в некоторых жанрах фольклора; 10. Способы трактовки и организации пространства в тексте; 11. Семантика и пространственная организация свадебного обряда (территория, локусы, путь); 12. Сакрализация пространства в польской народной культуре.

Каждый из рассматриваемых в книге пространственных концептов получает всестороннюю языковую (включая историю и этимологию соответствующих терминов) и этнокультурную характеристику путем выделения релевантных семантических признаков, лежащих в основе его "портрета". Так, для концепта "*ład*" (земля, суша, материк, континент) в наивной картине мира оказываются значимыми признаки "сухой" (земля, берег противопоставлены морю), "большой размер" (в оппозиции к острову), "безграничность", "устойчивость". Однако в фольклорных текстах *ład* может пони-

маться и как берег край моря, реки, озера и иметь другие, более узкие значения. Наивный образ земли включает в себя также представление о ее происхождении (приводятся легенды о творении мира), ее свойствах (отражаемых в постоянных эпитетах, прежде всего "пространственных": земля широкая, далекая, высокая и др.) и отношениях к другим географическим объектам (оппозиция морю, воде; в то же время земля и вода – главные составляющие мира как целого). В отличие от языкового образа земли, ее фольклорный "портрет" оказывается гораздо более подробно разработанным: фольклорные тексты разных жанров конкретизируют и дополняют языковой портрет, устойчиво закрепляя за ним те или иные мотивы. Например, в лирических песнях земля в противоположность морю воспринимается как локус пребывания девушки, к которой стремится возлюбленный, или как этап обретения взаимности любящими. Фольклорный образ земли включает в себя также представление о мифологических существах, обитающих на земле (это место "страхов"), и пребывающих на земле сакральных лицах.

"Гора" в народной традиции наделяется признаком сакральности (на горе живут светила – солнце и месяц; на ней пребывают Бог, святые, на ней стоит крест, это место отправления культа и т.п.), воспринимается как локус, наиболее приближенный к небесной сфере или как вертикальная ось и центр мира, уподобляется мировому дереву. Место горы на шкале пространственных ценностей определяется главным для нее семантическим признаком "верх" (во многих славянских языках и диалектах слово с этимологическим значением "верх" означает "гора" и наоборот). Кроме того, гора символизирует неподвижность, устойчивость, надежность ("раньше горы разойдутся, чем милый с милдой"). Вместе с тем, горы выступают как символ дальних миров, как опасное, дикое и даже нечистое место, как жилище злых духов, дьявола (ср. устойчивый в заговорах мотив изгнания болезней и нечистой силы в горы). По вертикали горы противопоставляются долинам и низинам (как дикие, неурожайные – плодородным), а по горизонтали – лесу (как пустынные места – локусу, полному жизни, обитателей). Событийные коннотации горы окрашены негативно: это место последнего суда, конца света, место обитания демонов и т.п. В сказках в горе живет змей Горыныч, злые силы прячут в горах похищенных людей, но там же герои добывают живую воду и прочие магические орудия и атрибуты, которые помогают им

освободиться из заточения или снять с себя заклятие. В лирических песнях горы – место любви и смерти.

Долина во многих отношениях противоположна горе: это место безопасное, обитаемое, пространство человека и его хозяйства, локус любовных встреч, но вместе с тем горы и долины неразрывно соединены в едином образе земли. В языке фольклора горы и долины противопоставлены по признаку "свобода, простор, даль, воля" (горы) и "тяжкий труд земледельца" (долины), по признаку "сухой–мокрый" (сухие, безводные горы и сырые долины), по цвету (темные горы и зеленые долины) и другим признакам, но главной семантической оппозицией оказывается не отраженная в языке оппозиция "мужской–женский": в песнях парень пойдет горой, а девушка долиной; девушка в долине, парень на вершине; кум идет верхом, кума – долиной и т.п. Все остальные признаки оказываются включенными в эту доминантную оппозицию: "женский" подразумевает несвободу, узость (тесноту), сырость, зеленый цвет, а "мужской" – свободу, простор, сухость, бесцветность и т.п.

Семантическая сетка, прилагаемая к каждому топографическому объекту, включает параметры, касающиеся его происхождения (например, ров, яма могут быть результатом действия сверхъестественных сил, могут быть прорыты или намыты водой, рекой, могут быть искусственным созданием человека), его местоположения (ров может находиться в лесу, в поле, в огороде, под деревом, под порогом, под костелом), его внутреннего наполнения (во рве растут деревья – калина, вишня, сосна; в нем обитают животные – заяц, ужи; но в нем также страшат черти, там появляются люди, может быть зарыт клад и т.д.) и, наконец, его "событийного" наполнения, т.е. связанных с ним персонажей, их действий и мотивов. Этот последний параметр как бы надстраивается над языковым образом географического объекта и расширяет семантическую характеристику соответствующего термина. Так, ров, яма ассоциируются с могилой и оказываются местом смерти и погребения (в том числе локусом, куда удаляются обрядовые предметы – жур, венки, соль св. Агаты и т.п.); в народной прозе это нередко место укрытия вора, а в песнях дол может быть и местом ухаживания и любви героев (там девушка теряет свой "венки", т.е. девичество).

Эротические и брачные коннотации (так же как и мифологические) свойственны практически всем географическим терминам

в языке фольклора, что составляет его характерную особенность по сравнению с языком вообще. В разделе, посвященном рву, яме, содержатся интересные наблюдения над механизмами аксиологизации мира в народной традиции: хотя большинство реалий получает двойственную оценку, т.е. сочетает положительные и отрицательные значения, их взаимное отношение может быть разным. Так, в оценке рва и ямы негативная семантика явно преобладает, а позитивная опирается лишь на способность этих объектов служить укрытием. Доминирующий в их оценке признак "низкий" ассоциируется со всем признаковым рядом, в который он входит: "женский", "темный", "демоничный" и т.п.

Для фольклорного образа пещеры главными оказываются признаки удаленности, отделенности от мира, "внутренности" (т.е. положения "внутри", в недрах горы, скалы), замкнутости, темноты; пещера выступает как обиталище демонов (особенно змея-смока), духов болезней, грешных душ, разбойников; в ней сокрыты зачатые клады. В то же время в сказках пещера представляется прекрасным дворцом, роскошными царскими покоями с великолепным убранством; в легендах это место, где людям являются и пророчествуют святые или чудесно обнаруживаются сакральные предметы.

Особое место в системе пространственных представлений занимает межа (граница). В отличие от других топографических объектов, собственно локативные признаки для ее фольклорного образа малорелевантны (можно отметить лишь часто упоминаемые растущие на меже деревья и кусты или же лежащие на ней камни), главной же оказывается ее фундаментальная характеристика – способность разграничивать, отделять друг от друга реальные географические объекты (прежде всего поля), поэтому в данном случае знаковая трактовка превалирует над онтологическим восприятием межи как географического объекта. Межа как бы не имеет собственной субстанции и измерений и именно благодаря этому приобретает повышенный семиотический статус. Межа оказывается местом погребения умерших (прежде всего некрещеных детей), местом закапывания или выбрасывания обрядовых предметов; локусом разнообразных магических практик, совершаемых как демоническими силами, так и людьми. Особенно велика роль межи в народной медицине: целебная сила приписывается травам, растущим на меже (часто требуется собрать лекарственные средства с трех или девяти

меж); на меже заговаривают ("отговаривают"), "хоронят" (закапывают), "смывают" или "сжигают" болезни, под камень на меже подкладывают срезанный колтун; через прокоп под межей протаскивают больного или символизирующую его деталь одежды и т.п. На меже исполняются многие календарные ритуальные действия, например, возжигались купальские костры. Высокий семиотический и магический статус межи делает ее опасным местом и объектом многочисленных ограничений и запретов (нельзя стоять на меже, оставлять на ней детей, спать на меже; запрещено переносить межу и т.п.).

Другие функции и соответственно другие семантические акценты характерны для концепта "дорога", уже не раз привлекавшего внимание исследователей [7. С. 228–239]. Это не столько географическое, сколько социокультурное понятие – материальный коррелят и символ пути (дорога всегда куда-то и откуда-то ведет), место встреч и расставаний, целенаправленного (часто ритуально обусловленного) перемещения людей, место магических действий людей и злых козней демонов.

Роль топонимических названий в системе пространственных представлений пока еще недостаточно осмыслена в науке о народной культуре (один из самых серьезных опытов такого осмысления – книга Е.Л. Березович [3]). Поэтому наблюдения Я. Адамовского над функцией местных географических названий в фольклорных текстах представляют большую ценность. Топонимы, главной для которых является роль "локализатора" действия (в определенном смысле, по-видимому, они служат и свидетельством достоверности изложения), по-разному ведут себя в разных жанрах фольклора. В прозаических текстах топонимы часто образуют своеобразную "инициальную формулу" повествования; нередко отдельные названия становятся средством циклизации текстов и стержнем определенной группы тематически близких сюжетов; неодинакова даже сама частота употребления и свобода включения топонимов в текстах разных жанров (например, в пословицах и поговорках выступает свой замкнутый "топонимикон"). Роль географических названий в фольклорных текстах часто определяется их историческими, культурными, религиозными коннотациями; им приписываются положительные или отрицательные оценки; они становятся органическим элементом семантической структуры текста.

Организация пространства и в фольклорном, и в обрядовом тексте подчиняется осо-

бой логике и согласуется с сюжетной и содержательной структурой всего текста. Выбор тех или иных апеллятивных или топонимических обозначений элементов пространства всегда мотивирован; набор и последовательность топографических реалий в тексте образуют определенную систему и составляют особое пространственное измерение текста. В этом отношении наиболее строго организованным является традиционный свадебный обряд, семантической доминантой которого служит концепт "пути", получающий одновременно и ритуальное, и чисто пространственное осмысление (невеста "переходит" в новое состояние и переходит из родительского дома в семью мужа, преодолевая на этом пути и социальные, и физические границы).

Книга завершается главой, которая подводит итог всему исследованию в одном очень важном аспекте. В ней рассматривается проблема сакрализации пространства в польской народной культуре в целом. Автор формулирует свое понимание категории *sacrum*: это не только религиозное понятие, в народной культуре сфера сакрального имеет также и мифологическое измерение. Богатый фольклорно-языковой материал, рассмотренный в монографии, в полной мере подтверждает такую трактовку сакрального. Характерная для наивной картины мира "оценочность" простран-

ства, как и других антропологических категорий, проявляет себя в разнообразных способах семантизации и символизации элементов пространства, их оценки в терминах "добра и зла", которым придается как христианский, так и мифологический смысл.

© 2001 г. С.М. Толстая

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подосинов А.В. *Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
2. Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
3. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
4. *Słownik stereotypów i symboli ludowych / Pod. red. J. Bartmińskiiego.* Lublin, 1996. Т. I, z. 1; 1999. Т. I, z. 2.
5. Толстая С.М. Этнолингвистика в Люблине // *Славяноведение.* 1993. № 3.
6. Юдин А.В. Проблемы языка и народной культуры в люблинской "Этнолингвистике" // *Живая старина.* 1998. № 2.
7. Невская Л.Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде // *Структура текста.* М., 1980. С. 228–239.

Славяноведение, № 6

A Concise History of Slovakia. Bratislava, 2000. 353 S.

Краткая история Словакии

Под редакцией Е. Манновой в серии "Словацкие исторические исследования" вышел в свет солидный том истории Словакии на английском языке, адресованный прежде всего иностранным читателям. Предыдущий том этой серии, опубликованный в 1995 г., знакомил с основными направлениями исторических исследований, образованием в об-

ласти истории и развитием исторических знаний на территории Словакии. Авторы "Краткой истории Словакии", современные словацкие историки, взяли на себя труд проинформировать читателей о последних археологических находках и идеях относительно прошлого своей страны, считая наиболее важным анализ и интерпретацию

основных линий исторического развития Словакии.

Разбирая различные позиции, с которых раньше рассматривалась словацкая история, авторы выделяют: династический подход, провенгерский, чехословакистский, словацкий националистический и классовый. При этом они подчеркивают, что абсолютизация одного, пусть даже очень важного элемента прошлого всегда кончалась неудачей в смысле объективности и академичности издания. Поэтому авторы книги поставили своей целью исследовать коллективную память о прошлом, ценностные ориентиров, возможность выбора и попытаться понять и осмыслить историю через культуру, показать весь спектр социального, политического, экономического и культурного развития. Авторы труда принадлежат к различным поколениям историков, по-разному относятся к самому понятию "культура", поэтому различные главы отражают авторское видение основных направлений и проблем исторического развития словаков и территории современной Словакии.

Книга состоит из семи глав, предисловия и эпилога. Первая глава (авторы Я. Лукачка и Я. Стейнгубель) хронологически охватывает период с эпохи раннего палеолита до X в. н.э. Три параграфа этой главы повествуют о территории Словакии в дославянский период, эпохе великого переселения и приходе славян в Карпатский бассейн, и о Великоморавском государстве. Таким образом, авторы берут за основу не государство и даже не словаков как этнос, а территорию современной Словакии, показывая, как шло там историческое развитие.

Вторая глава, написанная теми же авторами, рассказывает об истории Словакии в составе Венгерского королевства при династии Арпад (X–XIII вв.). Здесь рассматриваются экономические, социальные, культурные отношения в период раннего Средневековья, вторжение монголо-татар, изменения в социальной структуре общества, позиция церкви, развитие образования и искусства. Собственно о словаках, которые составляли самую многочисленную группу населения Словакии, по мнению авторов этих глав, можно говорить, начиная с X в.

Третья глава (авторы – Б. Брезовакова, Д. Дворакова, И. Мрва и Д.П. Даниел) посвящена периоду позднего Средневековья (XIV–XVI вв.). В XIV в. Словакия, благодаря своим богатым минеральным ресурсам, становится экономическим центром Венгер-

ского королевства. В это время она была самой урбанизированной частью государства (90 городов, согласно статистическим данным). XV в. характеризовался дальнейшим экономическим развитием, ростом городов (к концу века на территории Словакии было уже свыше 200 населенных пунктов городского типа), усложнением социальной структуры общества, большую часть которого (80%) составляли различные категории зависимых крестьян. Однако вплоть до XVI в. даже в высших слоях общества встречались бароны и магнаты, которые не умели подписываться.

В четвертой главе, написанной И. Мрвой и переведенной на английский Д.П. Даниелем, говорится о словацкой истории в ранний период Нового времени (1526–1711). Четыре параграфа этой главы повествуют о борьбе за венгерскую корону, Реформации и Контрреформации ("рекатолизации"), внутренних политических конфликтах, изменениях в словацком обществе XVII в., развитии образования и культуры.

Глава пятая (автор – Е. Ковальска) описывает Словакию в период так называемых структурных изменений. Здесь речь идет о политических событиях в 1711–1848 гг., народном и экономическом потенциале Словакии, факторах модернизации, превращении словацкой этнической группы в современную нацию и периодизации национального движения словаков. Специальный параграф посвящен вопросу о славянской идентичности словаков.

Шестая глава, написанная в соавторстве Е. Манновой и Р. Голцом, рассказывает о Словакии на пути модернизации в 1848–1918 гг. Авторы затрагивают вопросы трансформации традиционного общества в гражданское, демографические и социальные изменения, процесс урбанизации, причины массовой эмиграции словаков в конце XIX – начале XX вв., роль Словакии в экономике Венгерского королевства, политические события и развитие культуры. Вероятно, истории Первой мировой войны, которая во многом определила дальнейшую судьбу словацкого народа в составе образовавшейся в 1918 г. независимой Чехословацкой республики, можно было бы посвятить самостоятельную главу. Авторы выделяют этот период лишь в отдельный параграф.

Седьмая, заключительная, глава целиком посвящена истории Словакии в XX в. Ее автор Л. Липтак выделяет несколько периодов в развитии страны: межвоенный, период Словацкой республики (1939–1945),

послевоенный, коммунистической диктатуры и современный, после 1989 г.

Период так называемой первой республики (1918–1938) оценивается достаточно позитивно, как единственный до 1989 г., когда парламентская демократия полностью действовала в Словакии. В этот период общество быстро модернизировалось не только технически, но и структурно. Положение Словацкой республики в 1939–1945 гг. характеризуется как половинчатое между оккупированной страной или протекторатом (как Богемия и Моравия) и суверенным государством в зоне влияния Германии (как Венгрия, Румыния или Болгария). Этот период истории Словакии наименее исследован в российской историографии, поэтому для нас наиболее интересны параграфы, посвященные политической системе и международному положению Словацкой республики. Весьма ценно и то, что автор в последнем параграфе главы рассматривает отдельно словацкие районы, оккупированные Германией, Польшей и Венгрией. Период "народной демократии" 1945–1948 гг. оценивается как время послевоенных компромиссов и переходный этап (либо к действительной демократии, либо к коммунистической диктатуре). В параграфе о коммунистическом режиме в Словакии говорится о политической системе, словацкой модели индустриализации и модернизации страны, реформистском движении 1960-х годов и его подавлении в 1968 г., "нормализации", кризисе и падении коммунистической диктатуры. Заключительный параграф главы описывает процесс трансформации после 1989 г., включавший три узловые момента: создание плюралистической демократической системы, перестройку плановой экономики в рыночную и решение вопроса о конституционном положении Словакии в республике, ее месте в Европе. Здесь же рассказывается о существовании независимой Словакии в 1993–1999 гг.

В эпилоге книги (автор – А. Авенариус) анализируются две основные проблемы словацкой истории и историографии, а именно: 1) отсутствие независимого словацкого государства и развитие нации в условиях многонациональных государств, в контексте истории Венгерского королевства и Чехословацкой республики и 2) геополитическое положение Словакии на границе двух миров – Запада и Востока, т.е. Словакия в контексте центрально-европейского развития. Автор разбирает различные историографические концепции истории Словакии.

Книга богато иллюстрирована, снабжена 15 картами, дополнена разделом избранной библиографии и именованным указателем.

Рассказывая об этом труде нельзя не упомянуть об "Истории Словакии", вышедшей в 2000 г. в издательстве "Белый волк" в Москве. Два автора, С. Шумов и А. Андреев, тоже решили заполнить образовавшуюся нишу в российском славяноведении и написать отдельную книгу, посвященную истории Словакии с древнейших времен до настоящего времени (V–XX вв.). Такую инициативу нельзя не приветствовать, но... Несмотря на очень хорошее полиграфическое исполнение (множество черно-белых и цветных иллюстраций и карт) и несколько претензионный подзаголовок – "документальное исследование", книга больше напоминает туристический справочник, перегруженный историческими сведениями. Стается непонятным, на какие группы читателей ориентировались авторы, один из которых – профессиональный историк. Предваряют основную часть отдельные краткие выдержки из справочных и энциклопедических изданий, связанных и не связанных напрямую с историей Словакии. В основной (исторической, надо понимать "документальной") части, к сожалению очень много фактических ошибок и неточностей. Авторы, вероятно, не владеющие словацким языком, использовали исключительно книги на русском языке, в том числе и явно устаревшие в концептуальном плане издания (о чем можно судить по приводимому списку литературы). Цитаты даются без указания страниц или вообще без сносок. Поэтому определить жанр данного труда сложно, ясно, что это не научное монографическое исследование, трудно назвать его и обобщающим или учебным пособием. Данное издание уже вызвало негативные отзывы российских и словацких историков.

"Краткая история Словакии", изданная в Братиславе, добротное академическое издание, написанное специалистами-профессионалами. Это серьезное обобщающее исследование, пытающееся определить место Словакии в современном мире. Появление такого рода труда – несомненно, значительное событие не только и не столько для словацкой историографии, но и для историков других стран, интересующихся историей Словакии.

M.K. DZIEWANOWSKI. Aleksander I. Car Rosji, Król Polski. Wrocław, 2000.

М.К. ДЗЕВАНОВСКИЙ. Александр I. Царь России, король Польши

Посвященная загадочной фигуре Александра I, эта книга стала доступна на польском языке благодаря вроцлавскому издательству "Атла-2". Первое англоязычное издание увидело свет в 1990 г. в Нью-Йорке (Nipproscene Books).

Во введении автор, замечательный писатель и историк М.К. Дзевановский, отмечает, что его работа не является научным трудом, относясь скорее к жанру, который французы называют *une vie romancée* – художественной биографией.

Дзевановский является подлинным мастером исторического романа, основанного на фактах, но написанного языком, которого не постыдился бы любой автор бестселлеров. Действительно, что может быть занимательнее драмы, которая, как в заколдованном стекле, отражает в своих зеркальных глубинах самое что ни на есть настоящее – жизнь? Жизнь людей необыкновенных и события, которые уже минули. И вот на страницах романа эти люди и события прошлого предстают перед взорами читателей подобно картине на живой сцене театра. Театра необычного, красочного, удивительного, порой трагического, иногда забавного.

Уже само заглавие романа магнетически действует на воображение читателей. Много ли людей знает о том, что Александр I, являясь царем России, был одновременно польским королем? Кто знает о том, что именно в честь Александра I, по случаю возложения на него польской короны, был написан гимн "Woże soł Polske...", который по сей день считается вторым национальным гимном Польши, наряду с "Jeszcze Polska nie zginęła..."? Кто помнит о том, что поныне в Варшаве на площади Трех Крестов стоит собор святого Александра, который возвели на общественные средства, собранные в знак признательности "Королю – Восстановителю"? После поражения Наполеона именно Александру I Польша обязана созданием на обломках Великого княжества Варшавского Королевства (Царства) Польского. В 1815–1818 гг. русского царя приветствовали в Варшаве как героя, "Восста-

новителя Отечества" – так сильно эти два, казалось бы, обособленные мира, Польша и Россия, были тогда связаны между собой.

Кому из поляков известно, что Александр I, одолев Наполеона и оставив вечный след в истории Российской империи, в конце жизни прошел через удивительнейшую метаморфозу, превратившую царя в отшельника, который после паломничества в Святую землю долгие годы жил в уединении в Сибири, в отдаленном Томске, под именем Федора Кузьмича и лечил местных жителей? Мы не знаем, является ли это превращение историческим фактом или только легендой, но об этом... в книге Дзевановского. Обращение Александра I к мистическому христианству далеким эхом откликнулось в биографиях Л. Толстого и нашего современника А. Солженицына.

Кто из нас, наконец, знает о том, что две польские особы сыграли важную роль в жизни героя книги Дзевановского? Первой был князь Адам Ежи Чарторыйский – в течение длительного времени доверенное лицо царя, один из близких его друзей и советников, а в 1802–1806 гг. даже министр иностранных дел. Второй особой польского происхождения, имевшей влияние на Александра, была графиня Мария Нарышкина, урожденная Четвертинская, возлюбленная монарха.

Россия была и остается тайной для пришельцев с Запада. Книга Дзевановского приподнимает завесу над этой тайной. Когда занавес поднимается, в первой части книги, озаглавленной "Между Москвой и Петербургом", читаем: "В середине восемнадцатого века империя царей походила на двухглавого орла, украшающего ее государственный герб: одна голова смотрела на Восток, вторая на Запад. Эта двойственность нашла отражение в двух столицах этого евразийского колосса, двух метрополиях: древней Москве и новой столице – Петербурге".

Книга Дзевановского – отличное чтение в зимние вечера. А в самом ее начале, в посвящении, автор не забывает о своем выдающемся русском учителе, с которым

судьба свела его на американской земле во время учебы в Гарварде: "Профессору Михаилу Карповичу, моему замечательному лектору по истории России в Гарварде, посвящаю эту книгу".

Как о Сенкевиче говорится, что он пишет, чтобы ободрить сердца, о Дзевановском можно сказать, что он пишет для

"прояснения умов". Скажем честно, нет сейчас в Польше автора, лучше подготовленного, и своими знаниями, и талантом, к написанию столь захватывающего повествования о делах минувших, но так близких нашим славянским сердцам.

© 2001 г. *М.П. Внук*

Конференция "Славянская идея и славяноведение"

29 мая 2001 г. в Институте славяноведения РАН (ИСл РАН) состоялась очередная, девятая, конференция, посвященная проблемам славянской идеологии, в рамках Дней славянской письменности и культуры.

Во вступительном слове *М.А. Робинсон* (ИСл РАН) указал на важность и актуальность данной проблематики, отметил то большое влияние, которое оказала славянская идея в своих разных модификациях на возникновение и развитие отечественного и зарубежного славяноведения.

Конференцию открыл доклад *И.И. Лециловской* (ИСл РАН) "Югославянская идея в хорватской историографии в 30–60-е годы XIX в." Автор наглядно показала тесную связь развития хорватской исторической науки с этапами формирования национальной идеологии. На первом этапе преобладали идеи Великой Иллирии, представления об общности исторических судеб хорватов и южных славян в целом. Наиболее ярким выразителем этих идей был Л. Гай. В дальнейшем, особенно в 60-е годы XIX в. с активизацией политической борьбы хорватов за национальное равноправие и историко-политические права в рамках Австрийской империи приоритетное место в историографии занимает вопрос об их национальной идентичности.

И.В. Чуркина (ИСл РАН) в докладе "Идеи славянской взаимности в интерпретации словенских ученых (до 1815 г.)" подчеркнула тесную связь борьбы словенцев, начиная с XVI в. за возрождение и формирование своего национально-литературного языка с развитием славянской идеологии. На первых ее этапах словенские ученые в своих

многочисленных грамматиках всячески подчеркивали единство исторических судеб славян, их языков и культур, проявляли большой интерес и симпатии к России. Основатель словенского славяноведения Б. Копитар по началу также разделял эти представления. Однако с переездом в Вену он отошел от своих прежних позиций. В работе "Патриотические фантазии славянина" (1810) Б. Копитар проявил себя русофобом и провозвестником идей автрославизма.

В докладе *Е.П. Аксеновой* (ИСл РАН) "А.Н. Пыпин о славянской идее в истории российского славяноведения" утверждалось, что маститый русский ученый, приверженец культурно-исторической школы, не был сторонником славянской идеи, выступал последовательным оппонентом славянофилов, но в своих историографических трудах достаточно объективно показал влияние славянской идеологии на развитие отечественного славяноведения. Так, в работе "Обзор русских изучений славянства" (1889) он выделил три поколения отечественных славяноведов, испытавших разное влияние идей всеславянства (панславизма) в его культурных и политических интерпретациях. По мнению автора, сам А.Н. Пыпин не верил в плодотворность славянской идеи в политике, но ратовал за тесное сотрудничество славянских ученых в области науки и культуры.

С.И. Михальченко (Брянский гос. пед. университет) посвятил свой доклад отражению славянской (точнее национальной) идеи в трудах историков Киевской школы, одним из основателей которой был В.Б. Антонович. Докладчик подчеркнул, что ученые этой школы сделали первые попытки сфор-

мулировать идеи украинской национальной идентичности, которые получили свое логическое завершение в трудах М.С. Грушевского. Другой ученик Антоновича М.В. Довнар-Запольский выступил зачинателем белорусской историографии и на начальном этапе своего научного творчества стоял у истоков формирования концепции непрерывного развития белорусской нации, начиная с времен существования Полоцкого княжества.

В докладе *А.Н. Горяинова* (ИСл РАН) "В.И. Пичета как поборник славянской идеи" был проанализирован дореволюционный этап деятельности ученого. Автор показал, что уже происхождение будущего историка, родившегося в семье сербского священника, во многом предопределило его заинтересованное отношение к славянству и сочувствие идеям славянской солидарности, проявившиеся в его первой научной работе о Ю. Крижаниче, лекционных курсах и статьях. Демократизм убеждений молодого Пичеты и его сочувствие марксистским идеям, по мнению автора, не противоречили его славянским симпатиям. В доказательство этой мысли докладчик привел разысканные им интересные факты, свидетельствующие о близости Пичеты к плехановской группе "Единство", которая проявляла большой интерес к славянскому вопросу. Неслучайным было и соавторство Пичеты в очерке "Славянство" с сербом Ч.М. Иоксимовичем, который по своим убеждениям был народным социалистом-федералистом.

Конференцию завершил доклад *М.Ю. Досталь* (ИСл РАН) "Славянская идея и славяноведение в годы Великой Отечественной войны". Автор на примере анализа работ

славистов военного времени наглядно показала, что славянская идеология, взятая тогда на вооружение советской пропагандой, оказала существенное влияние на тематику и содержание славистических исследований, что выразилось в стремлении доказать высокий уровень древнеславянской цивилизации, автохтонное происхождение славян в Европе, славянизировать древние народы, упомянутые в исторических источниках, а также иноземных основателей местных правящих династий, показать приоритетность славяно-русских связей, абсолютизировать славяно-германские противоречия и "извечную борьбу" немцев и славянских народов и т.д. Воздействие славянской идеи предопределило временное возрождение неоромантизма в отечественной историографии, усиливая ее патриотическую тенденциозность.

В ходе конференции происходило заинтересованное обсуждение темы. Авторам было задано много вопросов. Предметом горячей дискуссии был, например, вопрос о критериях истинной науки, о неизбежной романтизации исторического прошлого, связанного с воздействием славянской идеологии и патриотических идей на науку. Участники дискуссии пришли к выводу, что как отечественное, так и зарубежное славяноведение на всех этапах своего развития было в большей или меньшей степени идеологизировано и политизировано. Влияние славянской идеологии было особенно заметно в критические периоды развития славянских народов, когда славянская идея возрождалась и служила патриотическим целям упрочения национального самосознания.

© 2001 г. *М.Ю. Досталь*

Славяноведение, № 6

Славянский мир на пути в XXI век (Международная научная конференция по проблемам трансформации)

27–28 марта 2001 г. Институт славяноведения (ИС) РАН собрал ученых-обществоведов из стран Центральной и Восточной Европы для обмена мнениями по историческим, политическим, философским, экономическим и антропологическим проблемам трансформации в славянских странах. Организаторы конференции сумели объединить

специалистов разных стран в рамках общей исследовательской задачи, несмотря на значительно ослабевшие в нынешних условиях научные контакты и несовпадение точек зрения ученых по многим вопросам. Конференция проводилась при финансовой поддержке РФФИ (грант № 01-06-85022).

Свыше двух десятков ученых из России,

Белоруссии, с Украины, из Польши, Словакии, Чехии выступили с докладами и приняли участие в дискуссии. В ряде выступлений рассматривались общие проблемы социальной трансформации и важнейшие тенденции развития стран Центральной и Восточной Европы на фоне глобальных изменений в мире на рубеже веков: доклады директора ИСл, председателя оргкомитета конференции, члена-корреспондента РАН В.К. Волкова; профессора П. Махонина из Института социологии Чешской академии наук; Н.В. Коровицкой – ведущего научного сотрудника ИСл, зам. председателя оргкомитета конференции; Ю.И. Игрицкого – зав. отделом стран Восточной Европы Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

Что же представляет собой современный славянский мир, каковы перспективы его дальнейшего развития, что осталось от бывшего понятия "славянская взаимность"? Эти вопросы находились в центре внимания многих участников конференции. В.К. Волков подчеркнул, что сегодня эти вопросы относятся не к категории отвлеченных, философских, а напрямую связаны с будущим стран Восточной Европы. Сейчас, как никогда раньше, очевидно, что послепешный разрыв налаженных межгосударственных связей, которые существовали на протяжении длительного времени, обернулся проигрышем для всех. Но уже сегодня становится очевидным, что сотрудничество славянских народов, особенно в области науки и культуры, может дать позитивные результаты для всех славянских стран. «Особое значение имеет "славянская идея" для восточнославянских народов – русских, белорусов и украинцев. Не следует забывать, что они составляют две трети всей численности славянских народов». Опыт общественной трансформации восточно-европейских стран после крушения коммунистических режимов показал, что на ее пути нас подстерегали многие неожиданности и неудачи. Во многом это объясняется механическим перенесением правил и норм жизни западноевропейских стран на Восточную Европу.

Четко сформулированную оценку процессов социальной трансформации и модернизации дал известный чешский социолог П. Махонин. По его мнению, так называемые транзитологические концепции, которые лежали в основе практических действий элит в постсоциалистический период, были неверны в одной из предпосылок. Они исходили из гипотезы, согласно которой "бархатные революции" не являлись по свое-

му содержанию созидательными, поскольку повторяли уже неоднократно совершенное западными демократиями и не опирались на собственные движущие социальные силы. Ученый считает более правомерным *последовательно-исторический* подход к анализу постсоциалистического развития (вместо транзитологического подхода). Произходящие перемены "скорее следует определить как *объективную трансформацию*, исходящую из неповторимого комплекса экономических, социальных, политических и культурных, объективных и субъективных, международных и внутренних условий и побуждений, которые под влиянием различных социально-политических стратегий развиваются в направлении к относительно открытому будущему". Новый взгляд был высказан и на теорию модернизации применительно к странам региона.

Подобной же исследовательской позиции придерживается Н.В. Коровицкая, предложившая взглянуть на системные трансформации второй половины XX в. в регионе Центральной и Восточной Европы как на единый процесс общественно-исторического развития. "На стыке наук и на базе компаративистики нам, возможно, удастся в какой-то степени продвинуться в понимании процессов исторического масштаба, к которым можно отнести социалистическую модернизацию и рыночно-демократические преобразования". Основной тезис доклада – мысль о том, что стержень социокультурной эволюции стран региона в полувековой период составили два последовательных витка модернизации. «Первый из них относится к периоду, называвшемуся "строительством социализма" в 50–60-е годы, второй – к процессам глобализации, которые развернулись с конца 80-х годов».

Российские социологи высказались по ряду других аспектов проблемы. В докладе зам. директора Института социально-политических исследований (ИСПИ РАН) В.Н. Иванова был поставлен вопрос о сущности модернизации российской государственности на старте XXI в. Ученый пришел к выводу о необходимости изменения самого принципа государственного устройства России, что "позволило бы снять многие противоречия функционирования нынешней асимметричной и слабо управляемой федерации". По его мнению, "успешной может быть лишь та реформа, которая способна на практике обеспечить действительное равноправие субъектов федерации, их реальное участие в управлении страной. Она должна быть направлена на нейтрализацию любых предпосылок и угроз нарушения целостно-

сти и единства Российского государства". При принятии соответствующих решений следует обязательно учитывать и геополитический фактор российского федерализма.

Выступление З.Т. Голенковой (Институт социологии РАН) было посвящено социальным аспектам развития славянских стран. Она обратила внимание на то, что результатом "шоковой терапии" стала самоизоляция народов Восточной Европы. А на уровне отдельных обществ обозначились социальная анонимия и депривация отдельных слоев населения, их маргинализация. Ось неравенства проходит сегодня как по вертикали, так и по горизонтали общества. В результате либеральных реформ были размыты бывшие средние слои советского общества, а процесс обеднения населения продолжается. Сегодня социологи перешли к стратификационным моделям изучения общества, что позволяет более объемно отразить произошедшие социальные изменения.

Зам. директора Российского независимого института социальных и национальных проблем Н.Е. Тихонова представила для обсуждения обширные данные исследований, проведенных институтом в последние годы в нескольких регионах России.

И.Б. Орлова (ИСПИ) сформулировала основные демографические тенденции в развитии стран Восточной Европы на базе огромного числа статистических данных. При сопоставительном анализе состояния развития разных стран ею использовался индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), используемый ООН в ежегодных Докладах о развитии человека. (ИРЧП включает в себя: показатель долголетия; уровень образования и грамотности населения; уровень доходов, измеряемый реальным ВВП в расчете на душу населения.) Отмечая общую для большинства стран негативную демографическую тенденцию, она обратила внимание на принципиально отличные ситуации в России: 1) российская депопуляция характеризуется очень низкими показателями рождаемости, с одной стороны, и катастрофически высокими показателями смертности – с другой; 2) ее отличают большие масштабы и скорость; 3) у российской депопуляции преимущественно русское лицо. «Именно снижение в населении России численности и доли русских отмечается учеными как главная тенденция последнего десятилетия... Депопуляция в крупнейшей славянской стране – в России – это звено в общей цепи событий, свидетельствующих об уменьшении роли и влияния славян в мире, снижении действенности "славянского фактора"».

Социальным проблемам молодого поколения были посвящены выступления В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок из ИСПИ.

В докладах зарубежных участников конференции была представлена широкая панорама исследовательских результатов в разных областях социальных наук. Фундированный анализ изменения социальной структуры чешского и словацкого обществ за последние пятьдесят лет был дан М. Тучком (Институт социологии, Прага). Довольно подробный анализ демографического состояния чешской популяции был представлен в материалах исследования, проведенного Н. Тучковой (Чешское государственное статистическое управление). Сотрудник Института социологии Словацкой академии наук Л. Махачек выступил с сообщением "Молодежь Словакии между модернизацией и постмодернизацией". Общефилософские вопросы были рассмотрены в докладе известного польского ученого А. Гжегорчика (Институт философии и социологии ПАН).

В тексте выступления З. Видоевича (Институт общественных наук, Белград) были сформулированы новые признаки современной мировой политики и соотношения сил в мире. По его мнению, "есть много причин говорить о том, что XX в. завершился падением Берлинской стены, а XXI в. начался агрессией против Югославии. Между этими двумя переломными событиями есть существенная связь. Югославия, в частности, стала жертвой коренного изменения в соотношении сил в мире, жертвой утраченного равновесия страха... Разве опыт этой агрессии не предупреждает о зарождении нового тоталитаризма с широким масштабом действий, со свойственной ему систематической и постоянно усиливающейся глобализацией насилия и страха?". Ученый пришел к выводу о зарождении новой – либеральной – формы тоталитаризма, корни которой кроются в насильственном навязывании странами Запада модели либеральной демократии европейским постсоциалистическим странам. То, что западные общества являются действительно плюралистическими, само по себе не означает, что в них нет потенциала для возникновения тоталитаризма.

Прозвучали также сообщения, содержавшие анализ опыта общественной трансформации на Украине, в Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Польше.

Общую картину славянского мира в эпоху трансформаций, воссозданного участниками конференции, дополнил доклад К. Робертса из Ливерпульского университета, который отметил, что после распада империй в XX в. (в том числе СССР) и Вар-

шавского блока уже не существует жесткого, строгого деления на Запад и Восток. Этот тезис британский исследователь продемонстрировал на сравнительном анализе ценностных ориентаций молодежи Восточной и Западной Европы на рубеже веков. Вместе с тем он считал, что в целом восточноевропейскую молодежь можно охарактеризовать как материалистов, в то время как

западную следует назвать постматериалистами.

При всем разнообразии мнений, высказанных участниками конференции, ими была единодушно поддержана идея о восстановлении и укреплении научных связей между учеными славянских стран.

© 2001 г. *Л.Н. Шанишева*

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2001 ГОДУ

Дискуссии

Петрухин В.Я. О "Русском каганате", начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии.....	№ 4
Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства	№ 4

Статьи

Агапкина Т.П. Русские контакты Ярослава Ивашкевича. 1945–1950-е годы (По материалам архивных разысканий)	№ 1
Аксенова Е.П. Русская ученая академия в Праге в годы Второй мировой войны	№ 4
Багдасаров А.Р. Социально-политические аспекты функционирования лексической системы современного хорватского языка (90-е годы XX века)	№ 1
Беккер Р. Между революционным консерватизмом и тоталитаризмом. Дилеммы оценки межвоенного евразийства	№ 5
Белов М.В. О некоторых тенденциях историографии сербского восстания 1804–1813 годов	№ 1
Борисёнок Е.Ю. Проблема украинизации во второй половине 1920-х годов и Л.М. Каганович	№ 5
Бялокозович Б. Лев Толстой глазами Яна Бодуэна де Куртенэ	№ 6
Гибянский Л.Я. Триестский вопрос в конце Второй мировой войны (1944–1945).....	№ 3,4
Грачев В.П. Сербский вопрос на переговорах 1812 года между Россией и Турцией о заключении Бухарестского мира	№ 1
Граше И. Карел Чапек и развитие чехословацкого радио (1926–1938 годы).....	№ 6
Из словаря "Славянские древности"	№ 2,6
Кришто Д. Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов	№ 2
Марьина В.В. К событиям в Подкарпатской Руси (Закарпатской Украине) осенью 1944 – зимой 1945 года	№ 3
Марьина В.В. Чехословакия: от многонационального к двунациональному государству. 1944–1948 годы	№ 5
Материалы Круглого стола "Религиозные мотивы в славянской культуре"	№ 6
Невекловский Г. Языковое состояние на территории распространения бывшего сербскохорватского языка	№ 1
Носов Б.В. Планы заключения русско-польского союза в 1764 году: к обсуждению проблемы	№ 2
Парадовский Р. Методологические и метафизические пробелы евразийской культурологии	№ 5
Случ С.З. "Вторая мировая война. 1940 год: дискуссионные и неразработанные проблемы" (Материалы Круглого стола)	№ 6
Соболев Л.В. Генеалогическая легенда рода князей Острожских	№ 2
Стыкалин А.С. Теория и художественная практика социалистического реализма в Венгрии начала 1950-х годов	№ 3
Тазбир Я. Польские гуманитарные науки в XXI веке – угрозы и шансы	№ 3

Темчин С.Ю. Почему древнеславянский календарный сборник кратких житий был назван Прологом (Об одном палеославистическом недоразумении)	№ 2
Шмидт С.О. Археографическая комиссия РАН за 45 лет: итоги и перспективы	№ 6
Яклова А. Развитие понятия <i>argo</i> в чешской лингвистике	№ 1

Сообщения

Аксенова Е.П. Славянофил А.А. Башмаков о кризисе славянской идеи	№ 5
Воробьева И.Г. Десятилетие деятельности обновленной Матицы Хорватской	№ 4
Гордзонио С. Стиховедческое наследие Романа Якобсона и проблемы изучения восточнославянской силлабики барокко	№ 2
Карцева З.И. "Новое прочтение" истории национальной литературы	№ 5
Крумлинг А.А. "Псалтирь Рифмотворная" Симеона Полоцкого (1680) в перепечатках Андрея Решетникова (1809 и 1811 годов)	№ 1
Лаптева Л.П. Мерчин Новак-Нехорньский: видный деятель серболужицкой культурной и национальной жизни	№ 1
Марней Л.П. Торговая политика России и Королевства Польского после Венского конгресса, 1815–1819 годы	№ 3
Петрова И. Новые общественно-политические праздники Болгарии периода после освобождения от турецкого ига (1878–1900)	№ 3
Русев Р.Д. Литературные газеты и журналы русской эмиграции в Болгарии (1921–1943 годы)	№ 4
Серапионова Е.П. Карел Крамарж о федерализме и проблемах будущего государственного устройства России	№ 5
Стыкалин А.С. Новое свидетельство о роли советского фактора в чехословацких событиях 1968 года (К выходу в свет мемуаров генерала А.М. Майорова)	№ 1
Стыкалин А.С. Русские и поляки: стереотипы взаимного восприятия (Сборник статей "Поляки и русские в глазах друг друга")	№ 5
Стыкалин А.С. Национальный вопрос и национальные меньшинства в Восточной Европе. 1944–1948 годы (Материалы Круглого стола)	№ 5
Чуканов М.Ю. "Остановка в Белграде": замыслы и попытки осуществления (1914 год)	№ 3

Обзоры и рецензии

Агапкина Т.П. G. Wiśniewski. Pięć polskich losów w Rosii	№ 1
Адельгейм И. Z. Ziątek. Wiek dokumentu	№ 1
Беличева И. O. Richterek. Dialog kultur v uměleckém překladu	№ 1
Белова О.В. А.В. Подосинов. Символы четырех евангелистов: их происхождение и значение	№ 4
Болдов А.В. Powstanie Warszawskie 1944	№ 3
Горяинов А.Н. С.И. Михальченко. Юридический факультет Варшавского университета, 1869–1917 гг. Краткий исторический очерк. Е. Ляцкий. Материалы к биографии / Подготовка текстов и публикация С.И. Михальченко	№ 5
Гусарова Т.П. S. Gebei. OO Rákóczi György erdélyi fejedelem külpolitikája (1648–1657)	№ 2
Гусев В.Е. Slovensko pesništvo Upora. 1941–1945	№ 3
Досталь М.Ю. Fondy a sbírky Archivu Akademie věd České republiky/Nana Barvíková, Helena Janderová, Václav Podaný	№ 1
Досталь М.Ю. Listy L'udovíta Štura. IV. Dodatky/Na vydanie pripravil Vladimír Matula	№ 1

Д о с т а л ь М.Ю. Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов.....	№ 2,3
К и ш к и н Л.С. I. Savický. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechach. 1914–1938	№ 4
К о с и к В.И. А. Арсеньев. У излучины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду	№ 4
К о с и к В.И. И.Г. Воробьева. Профессор-славист Нил Александрович Попов	№ 2
К р ы с ь к о В.Б. М. Norberg. Sprachwechselprozeß in der Niederlausitz: Soziolinguistische Fallstudie der deutsch-sorbischen Gemeinde Drachhausen/Hochoza	№ 2
К р ы с ь к о В.Б. М. Moser. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts.....	№ 4
Л е д о в с к и й М.Ю. Новый выпуск журнала "Вестник "РГНФ": "2000 лет христианской культуры"	№ 4
Л и ф ш и ц А.Л. Л.В. Столярова. Свод записей писцов, художников и переписчиков древнерусских пергаментных кодексов XI–XIV веков	№ 2
М а р ь и н а В.В. U. Altermatt. Das Fanal von Sarajevo. Ethnonationalismus in Europa ..	№ 5
М е ч к о в с к а я Н.Б. М. Schferowa. <i>Grzedowie</i> , opowieść z Zimnego Podola. <i>Exodus</i> , sztuka sceniczna.....	№ 1
М е ч к о в с к а я Н.Б. А. McMillin. Belarusian Literature in the 1950s and 1960s: Release and Renewal	№ 1
М е ч к о в с к а я Н.Б. Język a tożsamość na pograniczu kultur	№ 5
Н е н а ш е в а З.С. V. Doubek. T.G. Masaryk a česká slovanská politika (1882–1910)	№ 3
Н и к и ф о р о в К. В.К. Волков. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы	№ 3
Н и к о л ь с к и й С.В. F. Černý. Premiéry bratří Čapků	№ 6
Н о с о в Б.В. М. Czeppe. Kamaryla Pana z Dukli. Kształtowanie się obozu politycznego Jerzego Augusta Mniszcha 1750–1763	№ 1
П е т р у х и н В.Я. Г.Г. Литаврин. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.).....	№ 2
П е т р у х и н В.Я. Л. Мюллер. Понять Россию: историко-культурные исследования	№ 4
С е р а п и о н о в а Е.П. A Concise History of Slovakia	№ 6
Т о л с т а я С.М. J. Adamowski. Kategoria przestraszeni w folklorze. Studium etnolingwistyczne	№ 6
Т у р и л о в А.А. Die grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij Uspenskij spisok ...	№ 2
Т у р и л о в А.А. Das Dubrogskij-Menäum: Edition der Handschrift F.n.I. 36(RNB)/Besorgt und kommentiert von M.F. Mur'janov, Überearbeitet und mit deutschen Übersetzungen versehen von H. Rothe und Arnd Wöhler	№ 2

Научная жизнь

В а с и л ь е в а Н.В. Международная конференция "Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века"	№ 1
В о л о к и т и н а Т. Заседание Комиссии историков России и Болгарии	№ 1
Д м и т р и е в М.В. Центр украинистики и белорусистики в Московском государственном университете в 1990–2000 годах	№ 2
Д о с т а л ь М.Ю. Конференция "Славянская идея и славяноведение"	№ 6
Ж а к о в а Н.К., К о т о в а М.Ю. Первые и вторые Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова	№ 4
К о л о б к о в а Л.В. Сопещение-семинар преподавателей славянских языков.....	№ 3
М и х а й л о в а Т.А. Конференция "Концепция человека в традиционной культуре"	№ 2
Н е щ и м е н к о Г.П. Международные лингвистические научные конференции в Опале и Инсбруке.....	№ 1

Ш а н ш и е в а Л.Н. Славянский мир на пути в XXI век (Международная научная конференция по проблемам трансформации)	№ 6
--	-----

Personalia

К 70-летию Владимира Константиновича Волкова	№ 1
Б у л а т о в а Р.К. К 70-летию Владимира Антоновича Дыбо	№ 3
Людмила Александровна Софронова	№ 3
Т у р и л о в А.А. К 75-летию Геннадия Григорьевича Литаврина	№ 1
Юбилей Ивана Константиновича Горского.....	№ 4
Г о р и з о н т о в Л.Е. Юбилей Виктории Сливовской	№ 5

Некрологи

Г о р и з о н т о в Л.Е. Памяти Анджея Феликса Грабского (1934–2000)	№ 4
Ж а к о в а Н.К. Памяти Всеволода Дмитриевича Андреева (1929–2000).....	№ 3
Новые книги Института славяноведения РАН	№ 1,4,5,6

Новые издания Института славяноведения РАН

В 1998–2001 г. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

- * *Аншаков Ю.П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998.
- * *Волокитина Т.В.* "Холодная война" и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1998.
- Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М., 1998. Ч. 1.
- Мургулия М.П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.
- Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1.
- Славянская идея: история и современность. М., 1998.
- Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. М., 1998.
- Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. II.
- * *Советский Союз и венгерский кризис 1956 г.* Документы. М., 1998.
- Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998.
- * *Февраль 1948 г.* Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998.
- * *Центральная Европа в новое и новейшее время.* М., 1998.
- * *Шемякин А.Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.
- * *XVIII век: славянские и балканские народы и Россия.* М., 1998.
- * *Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении.* М., 1998.
- * *Автопортрет славянина.* М., 1999.
- Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). Центрально-европейское исследование. М., 1999. Вып. 1.
- Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.
- Власть и интеллигенция. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы. М., 1999. Вып. 3.
- * *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.* М., 1999.
- * *Геннадийос. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина.* М., 1999.
- Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.
- * *Греческая культура в России. XVII–XX вв.* М., 1999.
- * *Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. Ч. II. Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. М., 1999.
- * *Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX в. М., 1999.
- * *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации. М., 1999.
- * *Македония: проблемы истории и культуры.* М., 1999.
- Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.

- *Польша и Европа в XVIII в. М., 1999.
- *Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999.
- *Славянский альманах. 1998. М., 1999.
- Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999.
- **Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.
- *А.С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000.
- Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000.
- **Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.
- Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000.
- **Головачева А.В.* Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста. М., 2000.
- **Задорожнюк Э.Г.* Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000.
- **Калиганов И.И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000.
- **Кирилина Л.А.* Словенцы и революция 1848–1849 гг. М., 2000.
- *Книга в пространстве культуры. М., 2000.
- Лыбынцев Ю.А., Шавинская Л.Л.* Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000.
- **Маркович Д.Ж.* Разговор с друзьями. М., 2000.
- *Международные организации и кризис на Балканах. Документы. М., 2000. Тома I, II.
- **Плотникова А.А.* Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М., 2000.
- *Политика и поэтика. Сб. статей. М., 2000.
- Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.
- *Поляки и русские. Взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.
- *Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века. М., 2000.
- Славяно-германские исследования. М., 2000. Т. 1–2.
- *Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000.
- **Хаванова О.В.* Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.
- *Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М., 2000.
- *Из Варшавы: Москва, товарищу Берия. Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. М.-Новосибирск, 2001.
- **Костюшко И.И.* Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001.
- **Молошина Т.Н.* Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001.
- **Николаев С.Л., Толстая М.Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора. М., 2001.
- **Смирнов Л.Н.* Словацкий литературный язык эпохи национального возрождения. М., 2001.
- **Фрейдзон В.И.* История Хорватии. М., 2001.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 921. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Sluch S.Z.</i> (Moscow). The II World War. 1940: The Questions Discussed and Beyond Research (The Round Table Materials)	3
The Round Table Materials "Religious Motifs in Slabonic Culture"	33
From the Dictionary "Slavonic Antiquities"	57
<i>Schmidt S.O.</i> (Moscow). The Archographical Commirtee of the RAS for 45 Years Results and Perspectives	75
<i>Hraše I.</i> (Prague). Karel Čapek and the Czechoslovak Radio (1926–1938)	84
<i>Białokozowicz B.</i> (Olsztyn). Leo Tolstoy as Reflected in the Jan Baudouin de Courtenay's Eyes	93

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Nikolskiy S.V.</i> F. Černy. Premiéry bratř Čapků	105
<i>Tolstaya S.M.</i> J. Adamski. Kategoria przestrzeni w folklorze. Studium etnolingwistyczne	109
<i>Serapionova E.P.</i> A Concise History of Slovakia	112
<i>Vnuk M.P.</i> M.K. Dziewanowski. Aleksander I. Car Rosji, Król Polski	115

SCHOLARLY LIFE

<i>Dostal M.Yu.</i> The Conference "Slavonic Idea and Slavic Studies"	117
<i>Shanshyeva L.M.</i> Slavic World Towards XXI Century (The International Conference on the Transformation Problems)	118
Index of the Articles and Publications in the Magazin in 2001	122
New Publications of the Institute for Slavic Studies, RAS	126

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 10.08.2001	Подписано к печати 03.10.2001	Формат 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать.	Усл.-печ.л. 10,4	Усл.-кр.-отг. 6,3 тыс.	Уч.-изд.л.12,2	Бум.л. 4,0
	Тираж 601 экз.	Зак. 2593		

Свидетельство о регистрации № 0110184 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва,
Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 952000 – журналы

Индекс 70891

ISSN 0132-1366 Славяноведение, 2001, № 6